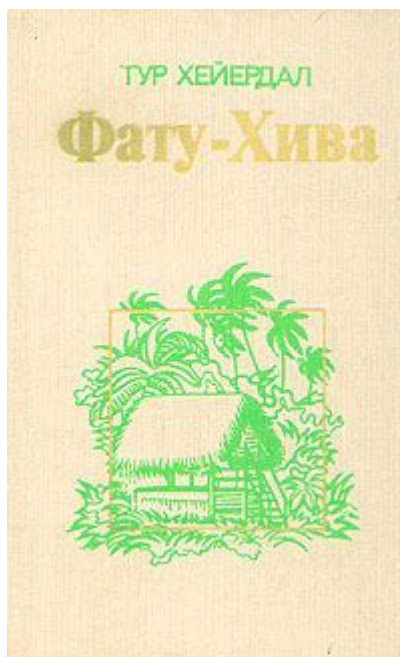

Тур Хейердал Фату-Хива. Возврат к природе

Бычков М.Н.

«Фату-Хива»: Мысль; Москва; 1980

Аннотация

Книга Тура Хейердала, известного исследователя, путешественника, написана по материалам его первого путешествия на Марксизские острова. В ней ученый возвращается к истокам своего пути в большую науку. Одновременно в книге звучит страстный призыв к человечеству принять активное участие в сохранении природной среды, понять ответственность за будущее планеты. «Фату-Хива» — это книга о Марксизских островах, с большим познавательным материалом в области географии, этнографии, антропологии, истории.

Тур Хейердал Фату-Хива Возврат к природе

Прощай, цивилизация

Возврат к природе? Прощай, цивилизация? Одно дело — мечтать об этом, совсем другое — осуществить мечту. Я сделал попытку вернуться к природе. Разбил часы о камень, перестал стричься и бриться. Лазил за пищей на пальмы. Оборвал все нити, которые связывали меня с современным миром. Решил босиком и с пустыми руками обосноваться в делях, слиться воедино с природой.

Сегодня меня прозвали бы «хиппи» — волосы ниже плеч, усы видно со спины. Я бежал от бюрократии, техники, от железной хватки двадцатого столетия. Единственная одежда, когда я вообще был одет, — цветастая набедренная повязка; жилище — сплетенная из золотистого бамбука хижина. Деньги не нужны, ведь у меня не было расходов: я возвратился в мир, где звери и босоногие люди могли сами добывать себе все необходимое, не задумываясь о завтрашнем дне.

Чем не мечта хиппи? Путешествие в другой, совсем другой мир... Но путешествие без

наркотиков. Реальное, настоящее, тщательно продуманное и подготовленное.

И начал я готовиться к этому отчаянному предпринятию еще в школе. Тогда я жил в увитом плющом беленьком доме, в маленьком городке у выхода из Ослофьорда. Ни тебе смога, ни загрязнения. Никакого стресса — ничего такого, что побуждало бы человека к бегству. Никаких хиппи. Самые большие здания в городе — деревянная церковь да принадлежащая отцу кирпичная пивоварня. Воздух чистый, речка прозрачная. В лесу спокойно можно пить из любого ручья.

В гавани тоже вода как стеклышко. Мальчишки любили посидеть с удочками на пристани, глядя на стайки рыбешек, которые подходили понюхать насадку. Видны камни и водоросли на дне. А поодаль стояли суда китобойной флотилии. Они привозили домой тысячи тонн жира, добытого далеко на юге, где в морях еще ходило несметное множество китов-великанов. Китобойный промысел, вывоз леса — маленький Ларвик процветал.

Между тем назревали перемены. Современная техника настолько облегчила бой китов, что промысловики загребали большие деньги. Пришло время подумать об осторожности. Океан казался безбрежным, ни начала у него, ни конца, оба полюса окружил... Но ведь и люди всюду проникли. Не выйдет ли так, что чело— век с его техникой истребит всех китов? Нет, не может быть. Ведь мир кита безбрежен. Голубой океан так же бесконечен, как голубое небо, они сливаются и вместе составляют частицу безграничного мироздания.

Взрослые как раз начали всерьез осваивать необозримый воздушный океан. На глазах мальчишек сказка становилась былью. Люди взмывали в небо с земли, будто ведьма на помеле или волшебник на ковре-самолете. Вместе с другими ребятами я карабкался по черепице на самый конец крыши, чтобы покричать и помахать руками, когда ветер доносил рокот самолета, крохотной точкой парившего на краю неба. И мы дружно бросались к забору, чтобы посмотреть на первого шофера, который отважился подняться на своей машине по крутой улочке до самого нашего дома. Вот здорово! Только запах противный, совсем не такой, как от лошади.

На мощеных улицах Ларвика по-прежнему мерно цокали копыта, гремели железные ободья. А зимой и вовсе кругом бело и тихо; правда, к перезвону бубенцов иногда примешивались автомобильные гудки. Утром отец с удовольствием шел пешком в контору, после работы с наслаждением шагал домой, где его ждал мирный обед в кругу семьи и долгий послеобеденный сон. Никакой гонки, люди носили большие карманные часы, на них цифру от цифры отделяли широкие просветы.

Вечерами мы с отцом часто ходили на пристань посмотреть, какой улов взяли рыбаки. Полные ящики омаров, крабов, креветок, всевозможной рыбы — живность ползала, корчилась, билась, распространяя запах водорослей и соленого моря. Доставят тебе на дом свежий улов — язык проглотишь. Замороженную рыбу гурманы не признавали.

Из двух высоких окон моей спальни на втором этаже открывался великолепный вид на фьорд и спускающийся уступами город. Сквозь деревья просвечивали белые стены и красные крыши, на задних дворах горланили петухи. В противоположной стороне — невысокие лесистые пригорки, зеленые дали, ель и сосна, дуб и береза и даже единственная в стране большая буковая роща. Соскочил с кровати — и к окну. Зимой одно окно на ночь оставалось приоткрытым, и я спешил юркнуть под теплую перину, ограничившись одним взглядом на мерцающие фонари и летучие снежинки. Летом оба окна были распахнуты, и, когда взрослые думали, что я давно сплю, на самом деле я сидел и грезил на подоконнике. Услышу далекий звук рынды на отчаливающем судне — и стремглав к окну! Мысли уносили меня вслед за пароходом к выходу из фьорда, дальше, дальше, в сказочные тропические края где-то там за скалами, которые были словно ворота в открытое море. За этими воротами простирался огромный, необозримый мир, еще не до конца изведанный людьми.

Да, многое еще оставалось неизвестным. Амундсен дошел до Южного полюса незадолго до моего рождения; теперь он участвовал в соревновании — кто первым достигнет Северного полюса на самолете: ведь плавание Нансена на «Фраме» через Северный Ледовитый океан показало, что макушка нашей планеты покрыта дрейфующими льдами.

Другие экспедиции, в более теплых широтах, передвигались пешком, как во времена Кортеса и Писарро, стирая белые пятна с карты мира.

Спасательные отряды пробивались в таинственные области Бразилии, где исчез полковник Фосетт, где бродили племена охотников за черепами. Африка и Азия были для меня не просто другими континентами, а чужими мирами, там жили странные люди, они вели себя иначе и думали не так, как мы...

Какой огромный мир окружал тогда человека! Ребятишки из соседнего дома вместе с родителями уехали в США. Америка — не одна неделя пути за далекий горизонт. Их провожали так, как теперь провожают астронавтов. Мы были уверены, что никогда больше о них не услышим.

Путешественникам, исследователем — вот кем я буду! Проникну в неизведанные области нашего неохватного мира пешком, на коне, на верблюде.

Планета Земля еще не успела заметно убавиться в объеме. Правда, Америка стала в четыре раза ближе, чем была во времена Колумба, но и то путь немалый. Три дня уходило у нас с родителями на то, чтобы из Ларвика по узкоколейке и на подводе добраться до нашей горной хижины за Лиллехаммером. И я был потрясен, когда друзья показали мне какую-то штуку под названием «радио» — квадратный ящик с дырочками; в эти дырочки мы втыкали провод от наушников и долго спорили, кто из нас на самом деле слышал что-то вроде далекой музыки.

Мир вступал в новую эпоху. Мои родители приветствовали ее с гордостью и радостным предвкушением. Отец уповал на разум, дарованный нам всевышним. Мать верила Дарвину и не сомневалась, что человек все время совершенствуется и сумеет сделать свою планету еще лучше. Мировая война — она разразилась в тот год, когда я родился, — больше никогда не повторится. Наука и техника помогут людям добиться прочного мира, и жизнь станет идеальной.

Я разделял пламенную любовь отца к природе и страстное увлечение матери зоологией и «примитивными» племенами, однако не понимал, почему родители так восхищаются стремлением современного человека порвать все узы, связывающие его с природой. От чего бежать? Или люди испугались обезьяньего предка, которого нарисовал им Дарвин? Всякое изменение мира вчерашнего, в чем бы оно ни заключалось, взрослые приветствовали и называли «прогрессом». Но «прогресс» означал отрыв от природы. Взрослые настолько увлеклись изобретениями и преобразованиями, что жали на всю катушку, не задумываясь, к чему это может привести. Видимая цель — мир, преобразованный человеком. Но кто главный архитектор? В моей стране я его не видел. Король английский и президент американский тоже не подходили к этой роли. Каждый изобретатель, каждый промышленник, кому только хотелось участвовать в строительстве будущего мира, совал кирпич или шестеренку куда и как попало, предоставляя следующему поколению судить о результатах.

В школе нам рассказывали про человеческий мозг. Дескать, к двенадцати годам заканчивается его формирование. А с нами и в шестнадцать лет обращались так, словно у нас только половина мозга. Как будто рассчитывали, что шестнадцатилетние станут лучше думать после того, как их свежие мозговые извилины пропустят через образовательную машину и напичат до краев старыми догмами. Но ведь мы должны думать теперь. Должны уже теперь составить себе представление о том, что происходит на свете, не то придется нам слепо подчиняться и занимать отведенные нам места в поезде взрослых, поезде без машиниста.

Школа заведомо мошенничала, толкуя о развитии и прогрессе. Нам внушали, что после Эдема шел сплошной, непрерывный прогресс. В моем представлении учителя балансировали на канате, держа в одной руке Библию, в другой — Науку. И ухитрялись уйти так далеко, что не видно, — и не поймешь, добрались они до конца каната или нет. Нам говорили, что Бог сотворил человека. Дескать, Дарвин уточнил, как это происходило. Сперва были созданы обезьяны. Еще нам говорили, что Бог сотворил мир со всеми живущими в нем тварями за

шесть дней. Дарвин считал, что на это ушло гораздо больше времени, но разве не сказано в Библии, что для Бога один день равен тысяче лет и тысяча лет что один день. И ведь Эйнштейн установил, что время — вещь относительная. Так что тут у взрослых не было расхождения. К тому же естествоиспытатели соглашались с тем, что более двух тысяч лет назад писал автор Первой книги Моисея: жизнь зародилась не на суше, а в море. Лишь после того, как в соленом океане развелись полчища рыб и гигантских зверей, после того, как воздух наполнился летающими тварями, на суше закопошились всякие ползучие и иные животные. Современные исследователи подтверждали вывод неизвестных древних мудрецов о такой именно последовательности, подтверждали и то, что человек последним явился в мир, где уже были сотворены все растения и животные. Конструкция действовала полным ходом еще до того, как человек получил готовенькие легкие, сердце, органы чувств и мозг и начал размножаться.

В сложной структуре Эдема все было совершенно. В этом наука и Библия тоже сходились. Бог был вполне доволен своим творением. Настолько доволен, что перестал творить и предался отдыху на седьмой день, между тем как люди бродили нагишом в райском саду. Нагишом, но всем обеспеченные, подобно всяким растениям и тварям.

Библия говорила, что Бог был милостив и не хотел, чтобы сотворенный им род человеческий голодал. Наука утверждала, что человек не выделился бы из животного царства, если бы природа не благоволила ему, не наделила его щедро всем необходимым.

Но на этом единогласие взрослых кончалось. Дальше учителя как бы пропадали вдали. Дальше начинался конфликт. Конфликт между творцом и творением, между правой и левой рукой балансирующих на канате преподавателей. Бог-то был доволен своим произведением, а вот человек — нет. Бог не сомневался, что даровал человеку совершенную среду, земной рай. Человек не соглашался с этим. Бог предался отдыху — человек принялся за работу. Человек стремился к прогрессу. Эдем его не устраивал.

Люди тоже трудились шесть дней, а на седьмой отдыхали, чтобы угодить Богу. Правда, они спорили между собой, какой день отводить отдыху — воскресенье, субботу или пятницу. Но и христиане, и иудеи, и мусульмане на восьмой день снова принимались за дело, усердно продолжали совершенствовать мир. Так шло сотни, тысячи лет. Пока Бог отдыхал, люди изобрели тачку и автомобиль. До динамита Бог тоже сам не додумался. Уразумел ли творец, глядя на нас, что не так уж он и всемогущ? Не раздражало ли его, что все сотворенное им мы переделываем на свой лад? Верующие взрослые явно считали, что Бог возложил на нас ответственность за судьбы планеты, с тем чтобы мы строили и рушили, торжествовали и ошибались, радовались и страдали, всецело руководствуясь дарованным нам разумом и совестью. Если верно сказано, что Творец вознаградит нас или покарает в последующей жизни, смотря по нашему поведению, значит, мы и впрямь не застрахованы от ошибок. Но вот что меня озадачивало: взрослые твердят, что Бог создал природу, а сами ведут себя так, словно им грозит ад, если они не обрубят все узы, связывающие человека с природой. И даже безбожники, заявляющие, что человек создан самой природой, вели себя так, будто видели в природе кровного врага людей.

К шестнадцати годам мной овладело смятение. Вера во взрослых начала колебаться. Выходит, они вовсе не умнее нас, детей... Цепляются за окостеневшие идеи и ни в чем не согласны друг с другом. Волокут нас за собой неведомо куда, без ясной цели, лишь бы уйти подальше от природы. Давно ли бушевала ужасающая война? А они уже изобретают новое оружие, страшнее прежнего. Политика, мораль, философия, религия — кругом разногласия. Разве можно спокойно следовать по дорогам жизни за такими проводниками? Не лучше ли поискать более надежную тропу? Я чувствовал себя, будто узник в тюремном вагоне — узник, который исподволь готовится соскочить с поезда, идущего по неверному пути.

...Начинались тридцатые годы. В то время не было никаких хиппи. Ни один уважающий себя подросток не вздумал бы бунтовать против родителей, против школы. И каждый парень считал предельным унижением для себя в чем-то походить на девочку. Мой интерес к естествознанию непрерывно рос. Мне открывалась не только красота, но и

замечательная мудрость в конструкции мира, унаследованного человеком. При каждой возможности я отправлялся в поход — в лес, в горы, вдоль фьорда. Стремление цивилизации оторвать человека от его исконной среды озадачивало меня. Нет, взрослые определенно затеяли что-то безумное...

Захотелось поделиться со сверстниками своими растущими подозрениями. Однажды, после урока физкультуры, задумавшись в раздевалке над этими вопросами, я брякнул своему товарищу, который натягивал «рубашку: — Эти машины... Не по душе они мне!

— В самом деле? — ухмыльнулся он, просунув голову в воротник.

В его голосе звучала такая издевка, что я был готов провалиться сквозь землю. Мои слова только смешили других... И я решил: больше об этом — никому.

Однако нашелся в классе парнишка, с которым явно можно было поделиться своими сокровенными мыслями. Рослый, плечистый, такой же любитель бродить по лесу, как и я. И спорт не был для него всем на свете, он много читал, писал стихи, любил погрезить, пофилософствовать. Звали его Арнольд. Мало-помалу я открыл ему свои замыслы. Он слушал с великим вниманием. Я говорил, что задумал порвать с этой средой. Порвать начисто. Хочу вернуться к природе. Поселюсь где-нибудь в тропиках, где можно питаться тем, что растет на деревьях. Не желаю, став взрослым, жить в Европе, где за каждым углом нас подстерегает катастрофа. Вавилонская башня двадцатого века либо рухнет, либо родит новую ужасную мировую войну. Лучше убраться отсюда подальше.

С Арнольдом можно было отвести душу.

Но как провести мечту в жизнь? Нужна тщательная подготовка. Прежде всего физическая тренировка и закалка, ведь я никак не мог назвать себя крепышом, а впереди — трудные испытания. Один из моих друзей, Эрик, отчаянный сорвиголова, после средней школы ушел в море. И за два года развил как раз такую мускулатуру, какая была мне нужна. Эрик тоже не очень-то верил в современный прогресс. Он грезил об идеальном обществе в джунглях Африки или Мату-Гросу в Бразилии. Я так далеко не замахивался. Мне бы только найти девушку, которая согласилась бы вместе со мной осуществить задуманное.

Вместе с Эриком и его друзьями я впервые занялся спортом. Мы бегали в лесу, зимой становились на лыжи. В зимние каникулы устраивали походы, какими тогда в Норвегии мало кто увлекался: запряжемся в сани с палаткой и продуктами, уйдем на лыжах в горы и неделями ночуем там, вдалеке от людей. Потом мы отказались от палаток, брали с собой только теплые спальные мешки из оленьих шкур и либо зарывались в снег, либо сооружали иглу на эскимосский лад. Иллюстрированные репортажи о наших приключениях покрывали все расходы. Когда я получил здоровенную эскимосскую собаку в подарок от Мартина Мерена, который только что пересек на лыжах неизведанный еще массив Гренландии, мы стали забираться в горы дальше прежнего. Казан — так звали пса — тащил наш провиант, и мы с Эриком строили свои иглу на вершинах и ледниках нагорий Рондане и Ютюнхеймен. Сидя на «крыше мира», мы любовались упоительными видами, когда заходило солнце или восходила луна.

Наряду с книгами по естествознанию и истории первобытных культур из обширной библиотеки моей матери такое общение с природой давало мне больше, чем школьные учебники. Отметки у меня были средние, но я от этого не страдал. Меня занимало одно: как найти общий язык с природой? Как люди и звери в прошлом ладили с породившей нас средой?

Девушки... Они меня очень интересовали, но знакомиться я стеснялся. Под давлением родителей я учился в школе танцев, но все равно воспринимал девочек как людей другого вида, не представлял себе, что с ними можно разговаривать о чем-нибудь серьезном. Тем не менее возврат к природе я представлял себе только в обществе одного из этих заманчивых созданий.

По-настоящему жил я лишь во время каникул, когда забирался куда-нибудь в дебри. Под голубым небом — сводом выше границы леса я чувствовал себя куда увереннее, здесь-то я и решил преступить рубеж между полями — познакомился с очаровательной загорелой

обольстительницей, которая тоже любила лыжные походы. Золотоволосая деревенская девушка, дочь местного пристава. Мы целую ночь проговорили у камина в горной избушке. Она была вовсе не против того, чтобы, окончив школу, вместе со мной возвратиться к природе.

И вот окончена школа, она отправилась в столицу, чтобы учиться дальше. И тотчас пала жертвой нравов большого города: губная помада, магазины, развлечения... Сам виноват, разве можно было делать ставку на деревенскую жительницу! Надо искать среди городских, которым уже надоела цивилизация. Летним вечером на горной тропе я встретил молодую цыганистую танцовщицу из Национального театра. Общие друзья познакомили нас. Ловля форели... Танцы у костра... Как она смотрит на то, чтобы покинуть город и вместе со мной возвратиться к природе? Согласна! Бурный восторг. Я нашел спутницу! А через несколько недель она начала поторапливать меня — надо скорее покупать билеты, ей не терпится стать королевой на каком-нибудь полинезийском острове! Как по мановению волшебного жезла, она перестала существовать для меня. Нет, девушки решительно не способны меня понять.

И тут, на вечере по случаю окончания школы, я встретил Лив. Все шутили, веселились. Прощай, школа! Все танцевали. Кроме меня. Я сидел один у открытого окна и глядел на фьорд, где за лодками переливался лунный след. Неожиданно я обнаружил, что рядом стоит мой товарищ и незнакомая девушка из другого города. Густые светлые волосы, улыбчивые голубые глаза. «К сожалению, я не танцую». Может быть, прогуляемся? Нет? Ну, тогда просто поговорим. Мы разговорились. Начали с анекдотов, перешли к философии. До чего же умные у нее глаза! Стоит рискнуть...

— А как ты смотришь на возврат к природе? — спросил я вдруг.

— Только чтобы по-настоящему, — ответила она твердо, не раздумывая.

Ее слова меня убедили. Она меня поняла.

Она достойна того, чтобы участвовать в эксперименте. Мы условились встретиться после летних каникул. На самом деле нам удалось увидаться вновь лишь после того, как Лив приехала в Осло, чтобы начать занятия в университете. Я выбрал зоологию и географию, за нее выбрал отец, выбрал, к моему ужасу, политическую экономию.

В моем выборе зоологии как главного предмета отразилось детское увлечение природой. А география должна была помочь мне подготовиться к эксперименту, найти место, где будет лучше всего проводить его в жизнь. Мой интерес к первобытным народам и другим культурам не ослабевал. Теперь внимание сосредоточилось на Полинезии. На неолитическом народе, заселившем далекие острова на востоке Тихого океана. Но какой университет ни возьми, на этнологию Полинезии отводилось всего несколько часов. Мне фантастически повезло. Лучшее в мире частное собрание книг и ученых трудов о Полинезии принадлежало одному состоятельному виноторговцу в Осло. Бьярне Крэпелиен провел счастливейшие годы своей жизни в семье полинезийского вождя Териероо на Таити. Возвратившись в Европу, он принялся собирать все издания о Полинезии и полинезийцах, где бы и когда они ни печатались. Мои сокровенные планы заинтересовали Крэпелиена. Он разрешил мне пользоваться своей богатой библиотекой, принимал меня в своем доме, как сына. И хотя я формально занимался зоологией, все свободные чаеы я рылся в книгах удивительной его библиотеки, читал про Полинезию и ее обитателей.

Занятия по зоологии не оправдали моих надежд. Нам очень мало говорили о диких животных, об их взаимоотношениях с природой. Мы разрезали внутренности и разглядывали их в микроскоп. Отсекали ножки саламандрам и пересаживали на спину. Проверяли закон Менделя, выращивая в банках тысячи банановых мушек и подсчитывая число волосков у них на спине. Выходили на лодках в залив и ловили тралом всевозможных морских животных, но не затем, чтобы изучать их взаимоотношения со средой, а затем, чтобы определять и зубрить латинские наименования. Средой занимались в самом узком смысле, схематически, микроскопически. Кто же в конечном счете лучше познавал природу — мы или зоркие, пытливые полинезийцы? Они делали упор на то, что приносило больше пользы человеку.

Мне же полагалось подходить к природе так, как подходят ученые, а не полинезийцы. Добывать знания, не задумываясь над их пользой и целью.

Лив годом позже меня приехала в Осло. Она по-прежнему была готова участвовать в моей попытке осуществить возврат к природе. Но перед нами стояли немалые трудности. Минул год, минул другой, а мы все ходили каждый по своим университетским лестницам, нагруженные учебниками по совершенно различным темам.

Только отец мог дать мне денег на поездку в тропики. Только мать могла уговорить его сделать это. Только мои профессора могли убедить ее, что это толковая идея. Только продуманная программа исследований могла побудить моих профессоров одобрить план, подразумевающий далекое путешествие поездом и пароходом на противоположный конец земного шара. Я должен был получить теоретическую подготовку, чтобы потом написать дипломную работу на какую-нибудь специальную тему, связанную с облюбованным мной далеким краем. Подготовка требовалась не только для того, чтобы попасть в желанные широты, но и чтобы по возвращении я мог содержать жену и детей, если против всех ожиданий нам все-таки придется вернуться в цивилизованный мир.

После семи семестров и после консультаций со специалистами в Берлине я составил проект, который получил поддержку моих профессоров — зоологов Кристины Бонневи и Ялмара Броха. Отправляюсь на изолированный остров в Тихом океане и попытаюсь выяснить происхождение его животного мира. Как развивалась фауна настоящего океанического острова, не связанного ни с какими материками, выросшего, так сказать, из морской пучины. Сперва над водой поднялись стерильные потоки раскаленной лавы. Лишь после того, как лава остыла, на нее могли попасть разные живые твари — кто вплавать, кто по воздуху, кто с помощью ветров и течений, а кто и на лодках вместе с человеком. Преобладающие ветры и течения, несомненно, играли важную роль; здесь очень кстати пришлось мои занятия географией.

Вот как получилось, что на четвертый год занятий мои профессора убедили мою мать, а мать убедила моего отца ссудить меня деньгами на долгое путешествие. Расходы на месте в счет не шли, ведь главная идея как раз в том и заключалась, чтобы вести такой же образ жизни, какой вели первобытные племена.

Итак, препятствия на моем пути стали исчезать. Настал черед Лив, а она была сильно привязана к своим родителям в Бревике. До сих пор ее терзания ограничивались стертymi ногами — я уговорил Лив ради нашего общего дела летом ходить в лесу босиком, чтобы подготовить кожу к предстоящим испытаниям в джунглях. Я добился разрешения родителей уехать, теперь дело было за ней. Но легко ли махнуть рукой на политэкономю, на которую потрачено столько собственного времени и отцовских денег. И без согласия родителей она никак не могла уезжать, так как еще не достигла совершеннолетия.

Моя мама только обрадовалась, когда я сказал, что собираюсь взять с собой Лив. В самом деле, со мной будет девушка, которую она хорошо знает, которая ей нравится. Это совсем не то, что отпускать сына в одиночку на другой конец света, на острова, прославившиеся легкомысленными представительницами женского пола. Не столь романтично настроенный отец смотрел на дело иначе, опять-таки из-за полинезийских прелестниц. Но и он в конце концов не устоял против красноречия мамы и обаяния Лив.

Самое трудное наступило, когда Лив села писать письмо своим respectable родителям. В обертке из красивых фраз жестокие слова: прощай, политэкономия, прощай, цивилизация. Выхожу замуж и уезжаю на Маркизские острова. Мама Лив с ужасом прочитала письмо вслух. Отец тяжело оторвался от кресла и проследовал к книжной полке. Энциклопедия... «М» — Маркизские острова... Господи! Чуть ли не в центре Тихого океана. К тому же старая энциклопедия сообщала, что жители Маркизских островов известны людоедством и безнравственным поведением.

Гром и молния. Понадобилось Немало времени, понадобились новые письма плюс посредничество моих родителей, прежде чем возмущенный будущий тесть смирился и дал согласие на то, чтобы какой-то неизвестный студентка умыкнул его единственное чадо.

Лив было только двадцать лет, мне двадцать два, когда мы вдруг ощутили себя вольными птицами. Кругом зеленый свет. Ничто не мешает нам осуществить свою мечту. Прощай, цивилизация. Здравствуй, природа.

Об окончательном выборе места назначения рассказано в книге о наших приключениях, которая вышла два года спустя. Вышла в Норвегии незадолго перед тем, как Европа была ввергнута во вторую мировую войну. Войну, которую мы предвидели, которой мы опасались...

В тысячный раз склонились мы над пятнистой картой Южных морей. В тысячный раз пристально вглядывались в океанские просторы, надеясь высмотреть точку, которая нас устроит. Одну нетронутую точку среди тысячи рифов и островков! Точку, которую мир еще не заметил, крохотное пристанище, где можно укрыться от железной хватки цивилизации.

Но заманчивые точки одну за другой, одну за другой перечеркивали маленькие крестики. Долой, не годится! Об этом говорили и объемистые труды, и краткие очерки.

Раротонга — крестик: вдоль всего побережья проходит шоссе.

Моореа — крестик: отели, туристы.

Мотдне — крестик: нет питьевой воды.

Хутуту — крестик: нет плодовых деревьев.

Крестик тут (военно-морская база), крестик там (остров мал и густо населен). И вот уже весь лист испещрен крестиками, словно карта звездного неба. И такой же бесполезный для нас.

Чтобы жить, как наши предки, добывая себе пищу голыми руками, требовались совсем особые условия: цветущий край и полное безлюдье. Но все плодородные земли заняты людьми. А там, где нет населения, без помощи цивилизации не обойдешься. Вот почему материка — страна за страной, область за областью — сплошь покрылись крестиками. И теперь настала очередь островного мира Южных морей. Со всех сторон в него вторгались крестики, и кольцо смыкалось все уже.

У самого экватора, где красными стрелками мчится по карте пассат, раскинулись тринадцать островов Маркизского архипелага. Тринадцать крестиков... И когда на карте не осталось ни одной незачеркнутой точки, сюда, к этим удивительным островам, потянулся ластик.

Нуку-Хива, Хива-Оа, Фату-Хива. Это главные, самые большие. Фату-Хива — живописнейший, благодатнейший остров Южных морей! Мы готовы были без конца читать о нем, разглядывать заманчивые картинки.

Некогда на Маркизских островах было сто тысяч жителей. Теперь осталось две тысячи, да и то часть из них — белые пришельцы. Полинезийцы вымирают с ужасающей быстротой.

А Фату-Хива — благодатнейший остров Южных морей!

Девяносто восемь тысяч исчезли — значит, место есть... Неужели среди древних развалин не найдется уединенного уголка, неужели нет клочка земли, куда не проникли болезни, где не привилась цивилизация и в заброшенных, одичавших садах зреет множество плодов?

Хорошо бы найти необитаемую долину, или маленькое горное плато, или живописный уголок на берегу. Соорудить себе жилье из ветвей и листьев. Добывать пропитание в лесу. Питаться плодами, яйцами, рыбой. Кругом — природа. Пальмы и кустарники. Птицы и звери. Солнце и дождь.

Там мы могли бы осуществить эксперимент — вернуться в дебри. Расстаться с современностью, с цивилизацией, с культурой. Сделать прыжок на тысячи лет назад. Познать образ жизни первобытного человека. Познать истинную жизнь во всей ее простоте и полноте.

Возможно ли это? Теоретически — да. Но что нам теория, мы хотим проверить это на деле! Попробовать, сможем ли мы двое, мужчина и женщина, жить так, как жили наши далекие предки. Сможем ли мы совершенно отречься от своей нынешней искусственной жизни и во всем — да, во всем — обходиться собственными силами, совершенно не

пользуясь достижениями цивилизации, всецело уповая на природу.

Заманчивый Фату-Хива... Уединенный гористый островок. Богатый солнцем, фруктами, пресной водой. Почти безлюдный. А белых и вовсе нет. Мы обвели Фату-Хива жирным кружком.

С моря на город полз зимний туман...

Вот как получилось, что мы в морозное рождественское утро, провожаемые ледящим ветром, отбыли в свадебное путешествие на остров Фату-Хива.

Над морем вырастал Таити. Мы обоняли аромат тропического края. Теплое, благоухающее, пряное веяние дошло до нас еще до того, как над горизонтом на западе поднялись окутанные дымкой вершины. Пассажиры из девятнадцати стран, которым за полтора месяца изрядно приелся запах судовой машины и соленого океана, толпились вдоль борта, вдыхая ласковый воздух и пытаясь рассмотреть берег у подножия голубеющих гор. Полтора месяца на огромном пароходе, отчалившем из Марселя. Тогда это был единственный способ попасть на Таити, если не считать маленького норвежского сухогруза, который изредка заходил на остров из Сан-Франциско. Таити — далекие дали, край света. А Маркизские острова — еще дальше, неведомая земля для всех бюро путешествий.

Когда мы в бюро Кука показали на карандашный кружочек, обрамлявший Фату-Хиву, соединенными усилиями удалось выяснить, что ближайшее от острова место, куда можно купить билет, — Таити. А уж дальше остается только надеяться на какую-нибудь местную шхуну торговцев копррой.

И вот из моря поднимается Таити, окропленный соленой влагой, каскады прибоя так и пенятся на коралловом рифе. Зазубренные пики акульными зубами впиваются в бегущие через небо пассатные облака. Знаменитые вершины Диадема и Онохона (первыми на них поднялись Бьярне Крэпелиен и вождь Териероо) вздымались на две тысячи метров над зелеными холмами и отороченным пальмами пляжем. Гоген, Мелвилл и Голливуд несколько не преувеличивали. Здесь сама природа ударилась в гиперболы. Глаза не верили, что возможна такая восхитительная красота.

И мы запели мелодичный и плавный гимн Таити, сочиненный кем-то из местных королей: «Э мауруру а вау» — «Я счастлив». Поэты и живописцы, дельцы и чиновники, туристы и искатели приключений — всех нас объединяло чувство, что мы приближаемся к утерянному раю, вновь обретенному среди океанских просторов. Навстречу нам плыли райские кущи, свежие, прохладные, ярко-зеленые, точно корзина цветов качалась на волнах.

Мы услышали рев прибоя во всей его мощи. Увидели красный церковный шпиль, пронзивший плотный полог тропической листвы. Дома, дома... Папезте, столица Французской Океании¹. Пароход убавил скорость. Мы проскользнули через просвет в коралловом рифе, между стенами ревущего прибоя. Маленькая спокойная гавань. Огромный пакгауз с железной крышей, полная пристань людей. И хотя бы один человек в набедренной повязке... Все были одеты, как мы. Многонациональный отряд пассажиров пел и ликовал. Пусть знают, что мы люди дружелюбные, такие же простые и свободные, как они! В невозмутимой толпе на пристани кто-то поднял шляпу в знак приветствия, кто-то помахал рукой; на трапе таможенники и одетые в белые мундиры представители эмиграционных органов взяли под козырек. Сладкий, чересчур сладкий запах копррой из пакгауза наполнял теплый воздух. Тысячи мешков с копррой ждали отправки, это за ними пришел наш пароход.

В то время на Таити насчитывалось около двадцати тысяч жителей, большинство — полинезийцы, чистокровные или с какой-нибудь примесью. Маленькую столицу Папезте заполнили китайские торговцы, им принадлежали все мелкие лавки и несколько ресторанчиков, не считая множества тележек на улицах, в которых продавались сладости и другие товары. Остальную часть города составляли губернаторский дворец, почтовая контора, горсточка французских магазинов и колониальных учреждений, кинотеатр из

бамбука, церкви, две простенькие гостиницы и несколько улиц, застроенных деревянными домами. Дальше лес и покрытые папоротником крутые склоны предгорий Диадемы, господствующей со своими пиками над центром острова. А влево и вправо от города тянулась окаймляющая весь остров узкая полоса плоской низменности с цитрусовыми, кокосовыми пальмами, банановыми плантациями, могучими хлебными деревьями, манго, папайей. Тут и там между деревьями приютились домики коренных таитян. Мы не собирались задерживаться в маленькой столице, нас манил мир экзотики...

После нескольких ночей в гостинице, где соседи, встав на кровать, могли заглянуть к нам через перегородку, мы решили совершить вылазку за город. К тому же выяснилось, что шхуна с далеких Маркизских островов ожидается не скоро.

Открытый автобус — на подножке и на крыше людей, поросят, кур и бананов больше, чем на деревянных сиденьях, — затрясся по узкой грунтовой дороге, протянувшейся в обе стороны от города вдоль тихой лагуны, обрамляющей часть острова. Дорога обрывалась в густом лесу, кольцо вокруг Таити еще не сомкнулось. На северном берегу, в пятнадцати километрах на восток от Папэте, раскинулась долина Папеноо. Она довольно круто спадала от одетых папоротником гор до береговой равнины, где вливалась в море одноименная речушка. Защитный барьер кораллового рифа в этом месте расступался, и прибой с грохотом обрушивался на рокошущую гальку. Великолепный дикий сад, Гаити в полном блеске... Здесь жил повелитель семнадцати таитянских вождей Териероо а Териерооитераи, друг Бьярне Крэпелиена. Здесь было посеяно зерно, из которого выросла столь хорошо известная мне библиотека. Здесь Крэпелиен познакомился с дочерью Териероо, Туиматой. И сам же похоронил ее, когда тысячи таитян-крепышей скосила испанка, разразившаяся на острове вскоре после первой мировой войны. Крэпелиен вместе с другими вывозил полные телеги покойников. Его собственная книга о Таити заканчивается у могилы Туиматы. Тут, писал он, похоронено мое сердце. Сам он решил больше никогда не возвращаться в Полинезию, но послал с нами подарки своему старому другу Териероо.

Вождь Териероо встретил нас перед хижиной — огромный и благодушный, сильный и тучный. Его супруга, по всему видно, хорошая хозяйка, держалась в двух шагах позади и улыбалась так же добродушно. Оба босые, на обоих — пестрая пареу, у мужа от пояса вниз, у жены от плеч. Нас еще не представили, а мы уже ощутили излучаемое ими расположение.

Бьярне Крэпелиен! Бьярне! Мы друзья Бьярне? Полный восторг. Нас чуть не на руках внесли в дом, никто и слышать не хотел, когда мы заговорили о том, что автобус ждет, мы думали на нем вернуться в Папэте... Нас буквально похитили в долине Папеноо, и мы с Лив почувствовали себя как дома. И ведь у нас с ней до сих пор не было своего дома. Териероо обещал, что его друзья в Папэте дадут нам знать, когда какой-нибудь капитан соберется идти на Маркизы. Возможно, это будет в следующем месяце. Возможно, позднее. На эти отсталые Маркизские острова отправляются только тогда, когда капитан посчитает выгодным для себя совершить рейс за копррой. Тамошние жители не ахти какие работяги, а что за резон капитану отправляться в долгий путь, если нет уверенности, что он привезет груз высушенной на солнце мякоти кокосовых орехов.

Териероо был в наших глазах могущественным островным королем, благородным и справедливым человеком. Так смотрели на него в общем и все островитяне, хотя подлинная власть была сосредоточена в руках французского губернатора в Папэте. Териероо получил орден Почетного легиона за лояльность к Франции. Однако он не страдал честолюбием, хотя считал делом чести утверждать радость и справедливость в своем непосредственном окружении и среди друзей своих друзей. И ему доставило большое удовольствие пригласить друзей и попотчевать их роскошным полинезийским обедом, который радовал и глаза, и желудок. Все, что подавалось на стол, было собрано или поймано самолично Териероо и его сыновьями, а превращено в украшенные цветами лакомые блюда его супругой Фауфау Таахитуэ.

В Папеноо мы вплотную познакомимся с полинезийским образом жизни. Здесь не знали таких явлений, как безработица, скука, стресс или расточительство. Земля, океан и

река снабжали маленькую общину всем необходимым, и никому не приходило в голову ради быстрой наживы усилить использование природных ресурсов. Благосостояние в долине Папеноо измерялось иначе, чем у нас, не наличным имуществом, а душевным комфортом. У моих новых друзей я увидел то, о чем читал раньше: в Полинезии, если хочешь доставить радость себе и завоевать уважение других, делись, не скупясь, материальными благами, которыми ты располагаешь. Просто удивительно, как мало полинезийцы дорожили личной собственностью.

Териероо был не только чудесным человеком, но и превосходным оратором. Во время празднеств он вставал во весь свой могучий рост и произносил великолепные речи на французском и полинезийском языках. А для меня он, знаток практических сторон зоологии и этнографии, о которых я не мог узнать из книг, стал к тому же новым учителем. Настоящий полинезиец, каких уже тогда оставалось совсем мало, Териероо в отличие от многих своих соотечественников гордился древней культурой предков. Он вовсе не был склонен считать, что новый, европейский образ жизни принес островам только благо. И наш замысел пожить так, как жили первобытные люди, тотчас увлек вождя. Ударив по столу ладонью, он объявил жене, что, честное слово, отправился бы с нами на Маркизы, будь он помоложе. Эти острова под экватором

— совершенно особенный мир. Один его друг побывал там. До ста орехов на одной кокосовой пальме! В долинах — обилие диких плодов, особенно на самом южном острове, Фату-Хиве. В лесах сколько угодно апельсинов, не то, что на Таити, где за ними надо лезть в горы. Даже феи — любимые красные бананы Териероо — там растут внизу, в долинах. На Таити только опытные скалолазы, у которых пальцы ног цепкие, как у обезьян, собирают феи на крутых горных склонах и продают на базаре в Папее. И европейская бурая крыса еще не добралась до Маркизских островов, там нет надобности обивать пальмовые стволы жестью, чтобы уберечь орехи от этой новой нечисти. Вождь не сомневался, что на Маркизах по-прежнему жили так, как некогда на Таити. Ведь и здесь в прошлом феи и другие, ставшие редкостью, разновидности бананов росли в долинах. Теперь бесполезно даже пробовать их сажать — тотчас гибнут от болезни.

За едой Териероо и Фауфау молчали. Как и дети, участвовавшие в трапезах. Приличия требовали наслаждаться пищей и не мешать другим болтовней. Рыгнуть раз-другой после еды не только полезно, но и позволительно, чтобы выразить свое удовольствие. А потом можно и побеседовать.

В первый день все пользовались вилками и ложками. Но когда вождь услышал про наш замысел, вилки и ложки убрали, и он показал свои пальцы. Чистые. Этикет предписывал мыть руки перед едой. Тремя пальцами Териероо отломил кусок печеного плода хлебного дерева, окунул в густой белый кокосовый соус, отправил в рот и размял языком. И объяснил, что вот так положено наслаждаться вкусом изысканного блюда. Дескать, вы, европейцы, до того привыкли металл в рот совать, что уже и не замечаете, как портите и перебиваете вкус еды. Следом за ним и мы принялись есть пальцами и начали склоняться к мнению, что совать в рот холодное железо в самом деле варварство.

Пока моя невеста, обливаясь потом, шуровала ветками и сучьями в открытой земляной печи Фауфау, учась делать съедобными и лакомыми невкусные, подчас даже несъедобные полинезийские плоды и корнеплоды, вождь водил меня вверх по реке и вдоль берега моря и показывал, где происходит сбор продуктов. В реке — речные раки, в лагуне — множество всякой рыбы и ракообразных, каракатицы и прочие живописные твари, которых можно было бить копьем, ловить сетью, на крючок или просто руками. Съедобные корни опознавались по торчащим над землей листьям. Не все, что манило взгляд, было полезно для желудка. Попадались ядовитые рыбы, корни, плоды. Мясо акулы невкусное, а то и вредное из-за мочевины, но нарежь его и вымочи в воде — и на другой день получится отменное блюдо. Для приготовления рыбы и прочих продуктов моря не обязательно было разводить огонь, достаточно нарезать их мелкими кубиками и залить на ночь лимонным соком. Красные горные бананы сырыми не ели. И плоды хлебного дерева тоже, разве что закопать их в

землю и дать перебродить. Опасный корень — маниок, его полагалось искрошить и отфильтровать яд. Чтобы развести огонь трением, лучше всего взять два сухих сучка гибискуса, один заточить наподобие карандаша и долго тереть им по желобку второго, расщепленного вдоль.

Териероо считал, что мы спокойно можем отказаться от всех благ цивилизации; только два предмета даже он считал необходимыми: котелок и длинный нож — мачете. Без котелка многие из продуктов леса будут несъедобными для современного человека, а без ножа мы не сможем даже заострить кол, который нужен, чтобы содрать с кокосового ореха толстую защитную кожуру.

На камнях в реке сидели улитки в колючих раковинах, напоминающие маленьких морских ежей. Нам объяснили, что на них лучше не наступать, особенно европейцам, у которых подошвы ног совсем тонкие — не то что у наших полинезийских друзей, снабженных от природы толстой кожаной подошвой. И я внимательно смотрел под ноги, когда однажды утром отправился на речку за раками. Может быть, у другого берега больше раков? Проверю... Посередине река была довольно глубокая, и течение быстрое, дно не разглядеть. Ой! Я со всего маху наступил на колючую улитку и потерял равновесие. Стремнина не давала подняться на ноги, и бурное течение увлекло меня к устью. Даже самый посредственный пловец справился бы с течением, да только я не принадлежал к их числу. К моему величайшему стыду, я вообще не умел плавать. В детстве я однажды бултыхнулся в воду с пристани и попал в водоворот под скалой; в другой раз зимой пошел ко дну, прыгнув на льдину среди широкой проруби, где рабочие отцовой пивоварни заготавливали лед для холодильника. После этих приключений я боялся глубоководья. Меня невозможно было убедить, что я буду держаться на воде, если научусь правильно двигать руками и ногами.

И вот теперь, под пальмами Таити, я снова во власти воды... Барахтаюсь, хватаю ртом воздух, размахиваю руками, а течение несет меня, словно мешок картошки, прямо к яростному прибою, который буйными каскадами обрушивается на гальку, как будто тысячи танков наступают на берег с моря. Все ближе и ближе оглушительная канонада, ревуший накат, рокот перекачиваемой гальки. Там я живо превращусь в фарш... Быстрее соображай! Не позволяй панике парализовать тебя — думай! Овладел собой? Так, спокойно. Размеренно двигая руками, я поплыл. Я ведь знал, как надо плыть, просто никогда еще не пробовал. Легко выбрался из стремнины на берег, предоставив гальке скрежетать зубами в белой от пены, разинутой пасти моря. Долго стоял я на траве и смотрел на беснующиеся волны, от гнева которых сумел уйти. Тропическое солнце обжигало кожу. Я прошел вверх по реке, нашел тихую заводь, нырнул и поплыл по кругу, словно лягушка. Появился Териероо, тоже нырнул и стал рассекать воду кролем. Здорово! Я не сказал ему, что еще никогда в жизни не плавал.

Вес Териероо не позволял ему самолично показать мне, как полинезийцы взбираются на кокосовую пальму. Зато его внук Биарне, названный в честь старого друга вождя, уперся в ствол руками и ногами, выгнул спину дугой и пошел вверх так же легко, как я шагал бы по столбу, положенному на землю. Вспомнив, как мы, ребята, взбирались на гладкий ствол сосны, я обнял пальму и полез в лучшем скандинавском стиле, прижимаясь к дереву грудью. К моей радости, оказалось, что лезть на кокосовую пальму легче, чем на сосну — до самой кроны, напоминающей папоротник, ствол окружала частая и мелкая кольцевая насечка. Добравшись до верха, я гордо помахал рукой моим друзьям и попытался сорвать кокосовый орех. Куда там! Плодоножка тугая, словно кожаный ремень. Я быстро запыхался и почувствовал, что пора слезать. Не тут-то было, острые кромки насечек были обращены вверх. Курам на смех: вишу на макушке пальмы и не знаю, как спуститься... Я отчаянно цеплялся за голый ствол. Попробовал выгнуть спину на полинезийский лад, но едва не сорвался и поспешил обнять пальму на скандинавский лад. Что делать? Окончательно выбившись из сил, я подчинился закону тяготения и ракетой скатился вниз. Ощущение того, что часть моей кожи осталась на стволе, заглушило боль в седалище. Слово по мне сперва

прошлись спереди наждаком и рашпилем, а напоследок врезали кулаком сзади. К тому же Териероо увидел, что у меня наполовину оторван ноготь на большом пальце ноги. Взял клещи, вложил все свои сто тридцать килограммов в мощный рывок и избавил меня от ногтя.

Прошло две недели, прежде чем я научился правильно влезать на небольшие пальмы и, держась за ствол, преодолевать упорное сопротивление плодоножки, соединяющей орех с пальмой. А ведь еще надо было следить, чтобы не растревожить какое-нибудь осиное гнездо или огромных тысяченожек.

Гордостью Папеноо была автомашина Териероо. Машины, тогда вообще были редкостью на острове, и у нас подчас уходило больше времени на то, чтобы крутить ручку, копаться в моторе и толкать злосчастный экипаж, чем дойти пешком до Папезте. Но Териероо, который легко отмерял десятки километров по горам, предпочитал ездить в Папезте на своем автомобиле. Понять его было нетрудно, и мы присоединились к нему. Бродить по лесам и холмам Папеноо было сплошным удовольствием, ведь там мы обходились легким пареу, и теплый воздух только ласкал кожу. А для поездки в город полагалось одеваться на цивилизованный лад. В белом костюме Териероо с лихо закрученными усами напоминал банкира начала века. Страшными словами поносил вождь огромные теннисные туфли, которые нещадно жали его растопыренные пальцы, а галстук он повязывал с видом висельника, который сам себе надевает петлю на шею. Я никак не мог удовлетворительно объяснить ему, в чем смысл этого давнего изобретения. Превратившись из веселых полинезийцев в серьезных граждан этого французского филиала моего собственного мира, мы крутили, и толкали, и тряслись пятнадцать километров, отделявших нас от улочек Папезте.

У Териероо были дела в колониальной администрации; мы с Лив бродили по улицам в толпе торопливых китайцев. На пути к живописному рыбному рынку нам однажды встретился Ларсен. Ларсен из Норвегии. Худощавый человек в соломенной шляпе и полосатых шортах подошел и сказал, что по акценту узнал в нас земляков. Мы как раз мобилизовали все наше школьное знание французского языка, пытаясь побольше выведать о представителях фауны, выставленных для продажи тем, кто пришел не просто полюбоваться красочным зрелищем. Ларсен представился: в прошлом учитель, теперь один из здешних старожилов. Мы не против встретиться сегодня вечером с его друзьями дома у него, за городом в Фаутауа?

Мы пришли и познакомились с Калле Свенссоном из Швеции и Чарли Хэллигеном из Англии. Сидя на самодельных скамейках за столом на террасе Ларсена, мы угощались пивом при свете керосиновой лампы, который озарял ближайшие растения тропического сада.

— Ну и как вам нравится Таити? — прозвучал первый вопрос.

— Природа нравится. Мы даже не представляли себе, что может быть такая красота.

— Одной красотой не проживешь. Кстати, в Швеции тоже красиво, — заметил Свенссон, вылавливая из кружки большого мотылька.

— Не так, как здесь, — возразил я, указывая кивком на огромные банановые листья, которые поглаживали темное звездное небо.

Луна освещала тяжелые зеленые гроздья. Теплый воздух был напоен густыми запахами. Плодородие. Цветение. Красота.

— Конечно, после стольких лет разлуки вам все на родине представляется краше, чем есть на самом деле, — продолжал я. — Вы уже не воспринимаете здешнюю сказочную природу. А мы только что расстались с туманами бесснежной зимы, можем сравнить свежие впечатления.

Мы с Лив принялись перечислять повседневные проблемы нашей родины. И до чего же все великолепно здесь, на Тайги! Нам хотелось, чтобы они по-настоящему осознали, как им хорошо тут, в островном раю, о котором мечтает весь мир.

Но плечистый Свенссон стоял на своем. Его тянуло домой. Домой в Швецию, вместе с женой-таитяжкой и детьми. Пока они еще не испорчены местной безнравственностью. Напрасно мы пытались разрушить его иллюзии.

— Вы здесь новичок, — добавил он. — Погодите с месяц, сами увидите. Вы ослеплены, как все новички. Таити — потерянный рай.

Хэллиген опустошил свою кружку. У маленького, тихого, немногословного англичанина тоже наболело.

— Рай обретает тот, — спокойно произнес он, — кто возвращается на родину.

Он уже двадцать лет жил на Таити.

— А вы откуда родом? — удивился я.

Хэллиген родился в Лондоне. В Лондоне!

— Вот-вот, — восторженно подхватил Ларсен. — Вы только подумайте — в Норвегии растет крыжовник.

Крыжовник? Я опешил. Он серьезно? Толкует о крыжовнике здесь, где деревья гнутся от тропических плодов. Я показал на его одичалый сад. На каждом дереве, на каждом кустике — экзотические фрукты или цветы. Вон лимонное дерево, а совсем рядом с моим локтем свет лампы озарял красные кофейные ягоды.

— Куда им до крыжовника. Только подумать: стоишь в саду и не сходя с места ешь крыжовник до отвала!

Бывший учитель из Мосса сдвинул шляпу на затылок, и лампа озарила его мечтательное лицо.

— Но ведь вы побывали на Таити еще до того, как приехали насовсем, — заметил я. — Почему же вы вернулись сюда, если вам здесь не нравится?

— Молодой человек, — сказал Ларсен, — тогда Таити был совсем не тот, что сегодня. Каких-нибудь четыре года назад белый еще что-то представлял собой на острове. Теперь все переменялось. Островитяне смеются над нами за нашей спиной. Я-то понимаю язык и слышу, как они прохаживаются на наш счет. Все эти восторженные туристы, эта реклама, которая расхваливает Южные моря, избаловали их, они зазнались. Каждый, кто приезжает на Таити, пишет книгу о своем путешествии. Чтобы книгу покупали, в ней непременно надо расписывать рай. А иначе кто станет ее читать? Людям нужна романтика, чтобы было, куда уноситься в мечтах. Таити — воплощение такой романтики. Полинезию положено преподносить американцам и европейцам такой, какой она была во времена капитана Кука. Мы занимаемся самообманом и снабжаем гавайскими гитарами народ, который до прихода европейцев вообще не знал струнных инструментов, привозим цветастые набедренные повязки из Франции и лубяные юбочки из США. Сочиняем чувствительные песенки для островитян, чтобы они исполняли их в бамбуковом кинотеатре Папезте для искателей рая. Таити обязан прикидываться примитивным, чтобы привлекать туристов, чтобы книги находили сбыт, чтобы удовлетворять посетителей кино. И чтобы нас не мучила совесть при мысли о том, что сделали европейцы со здешними островами.

Наступила тишина. Я понимал, что слова трех старожилков не пустая болтовня.

Териероо заехал за нами, и мы покатили в Папеноо, обуреваемые смешанными чувствами. Вид ночного Таити с пальмами, с огромными листьями на фоне светлой лагуны был прекрасен, как всегда, но нам казалось, что мы сидим в театре, где оперные декорации оставили на сцене, чтобы использовать для эстрадного представления...

У нас отлегло от души, когда мы вернулись в бунгало Териероо. Папеноо резко отличался от Папезте. Конечно, со времен капитана Кука и тут наступили перемены, однако мало что изменилось после Крэпелиена и Поля Гогена. Дом-то европейский, зато атмосфера полинезийская. Смесь, но смесь без подделок, а хорошая или дурная, это уже другой вопрос. На всем Таити мы нигде не видели старинных построек. Ни одной кровли из пальмовых листьев. Все дома, даже самые маленькие и бедные, — из дорогих привозных досок, с крышей из рифленого железа. Териероо ворчал, считая, что старые дома из бревен или бамбука, покрытые плетенкой из пальмовых листьев, куда лучше подходили к здешнему климату. Никаких расходов, надежная защита от дождя, прохладно и уютно. Деревянный дом Териероо был таким же неприглядным, как остальные, и духотища в нем такая же. Днем тропическое солнце накаляло железную крышу так, что мы чувствовали себя

вареными, а ночью нас будила барабанная дробь дождя. И что это вождю вздумалось строить себе такое жилье, если он знает, насколько лучше старые таитянские постройки? Териероо только улыбался в ответ. Разве может он допустить, чтобы люди говорили: вот, дескать, человек живет дикарем на цивилизованном Таити.

Тогда я не подозревал, что через десять лет вернусь на Таити вместе со своими товарищами по экспедиции «Кон-Тики». К тому времени один богатый американский искатель рая выстроил себе на острове огромный, крытый пальмовыми листьями бамбуковый дворец в голливудском духе, который приводил в восторг всех туристов. Романтически настроенные иностранные поселенцы, а также некоторые владельцы ресторанов и мотелей последовали его примеру, так что желтые бамбуковые стены под косматыми лиственными крышами перестали быть уникальным зрелищем. Еще через десять лет я попал на Таити в третий раз, теперь уже вместе с археологами, которых привлек к раскопкам в Восточной Полинезии. И увидел, что сами полинезийцы тоже начали строить красивые и здоровые дома из бамбука и пальмовых листьев. Не совсем такие, какие застал капитан Кук, но намного лучше дощатых сараев с железной кровлей, которые успели выйти из моды. Современные посланцы Голливуда помогли окольными путями вернуть Таити исконную архитектуру, тесно связанную с природой.

Месяц гостили мы в доме Териероо. Наконец стало известно, что капитан Брандер на шхуне «Тереора» собирается плыть на далекие Маркизские острова. Взяв ручку, Териероо написал послание мсье Пакееее, маркизскому уроженцу, который учился в протестантской миссии на Таити и здесь познакомился с вождем.

Религия всегда играла важнейшую роль в жизни полинезийцев. Храмовые сооружения и прочие культовые постройки, жрецы, ритуалы, табу — все это исстари занимало центральное место в каждой полинезийской общине, поэтому европейским миссионерам не стоило труда заменить поклонение старым незримым богам новому незримому богу, лишь бы сохранялись привычные для островитян категории: священники, ритуалы, места религиозных собраний. Многие миссионеры ликовали, видя, как легко обратить полинезийцев в свою веру. Ликовали, но и тревожились: ведь кто поручится, что представитель какой-нибудь конкурирующей веры с такой же легкостью не привлечет новообращенных на свою сторону...

По воскресеньям семейство Териероо посещало расположенную поблизости от дома протестантскую церковь. Супруга вождя, Фауфау, проследила, чтобы Лив, идя в божий храм, надевала надлежащую шляпу. Это была огромная плетеная конструкция, которая под тяжестью давивших на поля гирлянд из раковин упорно сползала на нос Лив. Вместе с тремя поколениями семейства Териероо мы выходили на дорогу. Получалось целое шествие: впереди — вождь и я в белых костюмах и тапочках, за нами — наши вахины в огромных шляпах и широких таитянских платьях до земли.

Пели в церкви — как и всюду в Полинезии — великолепно. Ради одного пения стоило туда ходить. К тому же церковь была единственным местом, где собирались люди; только бамбуковый кинотеатр в Папезте мог с ней конкурировать. У нас создалось впечатление, что наши друзья-островитяне обожают свой храм так же преданно, как норвежские болельщики — свои футбольные команды. В первый же день Териероо спросил, какой веры мы придерживаемся. Услышав, что в Скандинавии почти все от рождения протестанты, он просиял. Свои люди! Мы узнали от него, что на Таити протестанты в большинстве.

И вот теперь он написал в таком духе рекомендательное письмо, адресованное его далекому знакомцу — Пакееее на Фату-Хиве. Если бы мы знали, какие последствия повлечет за собой это послание!

За неделю до отплытия на террасе Териероо состоялся небывалый праздник. Длинный ковер из плотных зеленых банановых листьев, посыпанный благоухающими цветами, играл роль скатерти-самобранки. Венки и гирлянды из папоротника и белых цветков тиаре услаждали обоняние и глаз. Когда мы с Териероо вернулись с реки, неся полную корзину беспокойных раков, нас встретил заманчивый запах жареных поросят и цыплят, испеченных

в выложенных камнем земляных печах. Женщины наловили рыбы, накопили корней; дети и внуки лазили на огромные деревья за хлебными плодами и манго, чтобы в этот особенный вечер не было недостатка ни в чем, что только может порадовать гурмана.

Самый роскошный и дорогостоящий банкет, устроенный знатоками этого дела, не сравнится с благоухающим, сочным полинезийским уму, запеченным в зеленых листьях и поданным ликующему сборищу могучих едоков под открытым тропическим небом. Кулинарное искусство всегда занимало видное место в полинезийской культуре. То, что предлагают в современных «южноморских» ресторанах, лишь жалкое подобие блюд, которые нельзя воспроизвести в мире пластика и бетона. Полинезийская кухня требует тропической земли и дымящихся поленьев борао.

В тот вечер Териероо нарушил одно из своих правил. Мы уже погрузили пальцы в праздничное угощение, когда он взял слово и произнес речь. В любимом пареу, обвешанный цветными гирляндами, он встал во весь свой могучий рост над зеленой лиственной скатертью и показал на меня и Лив. Мы сидели в другом конце, на корточках, как принято в Полинезии. Сначала на таитянском, потом на французском языке Териероо напомнил гостям, что его жены, включая покойных, принесли ему 29 детей. Но теперь он решил усыновить еще двоих. Следовательно, им надо дать новые имена, потому что старые, норвежские, таитянину выговорить никак невозможно. Вот попробуйте сказать «Лив» или «Тур»? Все по очереди попробовали, получалось «Риви», «Тюри». Общий восторг вызывала каждая неудачная попытка.

И вот Териероо и Фауфау усыновили нас, наделив новыми именами, которые шутя выговаривались всеми присутствующими, кроме нас самих: Тераиматеататане и Тераиматеатавахине. Весь остаток вечера мы заучивали новые имена и при этом изрядно повеселили гостей. Наконец освоили произношение и ударение, правильно разделили слова, составляющие имя: Тераи Матеата Тане и Тераи Матеата Вахине.

Господин и госпожа Синее Небо. Теперь мы могли сойти за приличных людей в Полинезии.

Возврат к природе

Острова нашей мечты поднялись из волн вместе с утренним солнцем. Восток зарделся зарей, когда над горизонтом на севере растопыренными голубоватыми тенями возникли первые из группы Маркизских островов. Крутые, дикие, грозные горные массивы вздымались над гладью океана все выше и выше по мере того, как мы приближались к ним. Волны с ревом и грохотом обрушивались на кусочки тверди в этом мире вечно живой, бушующей воды. Издалека острова отнюдь не казались гостеприимными. Мы подходили к ним с юго-запада, и первым нас встретил Хуа-Пу. Окутанные дымкой стройные пики торчали из океана, будто опрокинутые сосульки, но, когда мы приблизились, холодная голубизна перешла в теплую лесную зелень. Еще ближе, и создалось впечатление, что перед нами осажденные волнами развалины крепости, а клочки облаков были точно клубы дыма над башнями. Затем показались пляжи с рядами пальм, и мы заскользили вдоль изумительного южно-морского острова, пусть меньше Таити, зато еще более дикого и очаровательного.

Новый остров вырастает над морем, а предыдущий скрывается за горизонтом. Здесь от острова до острова далеко. Между ними простиралась всех оттенков синева Тихого океана, но около берега вода была окрашена в травянисто-зеленый цвет полчищами микроскопического фитопланктона, который питался нескончаемым потоком минеральных веществ, вымываемых волнами из рыхлой вулканической породы. К этим вечнозеленым океанским пастбищам устремлялись рыбы косяки, преследуемые кувыркающимися дельфинами и крикливыми морскими птицами. Птицы сопровождали и маленькую шхуну, пикируя на рыбу, польстившуюся на заброшенные с кормы крючки.

Немного градусов отделяло нас от экватора, и, огибая острова, мы снова и снова

видели, что здесь плодородие Южных морей особенно велико. Долина за долиной открывали нашему взгляду свои тайны, прежде чем скрыться за кормой. Глубоко врезанные в горный массив, они поднимались к пикам в середине острова. Лишь на отвесных стенках не смог зацепиться лес, и красные бараньи лбы нависали над хаосом пышной зелени, которая скатывалась по крутым склонам к пальмам на дне долины.

Не один тропический зной был причиной редкостного плодородия. В глубине острова высокие вершины останавливают редкий, но непрерывный поток летящих на запад пассатных облаков. Свежая дождевая вода непрерывно сбегает с гор бурлящими ручьями и речушками, пронизывает темные леса и светлые долины и вливается в зеленый океан. Зуб времени жадно точит рыхлые вулканические породы. Пещеры и подземные потоки, каменные шпильки и причудливые скульптуры превращают каждый остров в фантастическую, сказочную страну.

В этом экзотическом краю нам предстоит сойти на берег... Мы углубимся в диковинный лес, а «Тереора» вернется в двадцатое столетие. После высадки на Фату-Хиве у нас не будет связи с внешним миром. Никакого радио, никаких известий, пока через много месяцев не придет какая-нибудь случайная шхуна. Если разразится война, мы и знать не будем. На Таити нам рассказывали: когда во время первой мировой войны Папэте подвергся обстрелу, на Маркизских островах не подозревали, что идет война. Лишь много времени спустя явилась шхуна с известием, что мировая война кончилась.

По прямой линии до Таити было около полутора тысяч километров, но шхуна потратила целых три недели. В пути мы заходили на атоллы Такароа и Такопото в архипелаге Туамоту и видели, как цивилизация, от которой мы задумали скрыться, постепенно распространяется из Папэте в прилегающие области Океании. Торговая шхуна была источником прибыли и переносчиком достижений цивилизации. В трюмах лежали самые разнообразные товары, и, сбывая их за высокую цену, владелец удваивал свою прибыль, ведь к нему возвращались деньги, полученные островитянами за копру и погрузочные работы.

— Нелепо все это, — говорил капитан Брандер, добродушный седой англичанин с красным носом, который обожал свое виски и здешние острова, хотя ни разу не ступал на берег.

Этакий дед-мороз Южных морей. На Таити нам рассказывали, что в молодости он бросил университет, порвал со всем, что его окружало, однако так и не нашел искомого. Почтенный ветеран и сам откровенно признавался в этом.

— Нелепо это. Но они сами так хотят, им подавай все то, что есть у других. Мне противна наша цивилизация, потому я и торчу здесь. И сам же распространяю ее с острова на остров. Стоит им немного отведать — подавай еще. И ничто не спасет их от этой напасти. Ничто и никто, во всяком случае не я. Ну зачем им швейные машины, трехколесные велосипеды, нижнее белье, лосось в банках? Совершенно ни к чему. Нет, хочется сказать соседу: «Смотри, у меня стул, а ты дома сидишь на корточках на полу». После чего сосед бежит покупать стул, а заодно прихватит что-нибудь, чего нет у других. Растут запросы, растут расходы. Приходится выполнять работу, к которой у них совсем не лежит душа. Ради денег, которые им вовсе ни к чему.

Как обычно, старина Брандер не сходил на берег, когда «Тереора» бросала якорь в лагунах двух атоллов архипелага Туамоту, в 450 с лишним километрах к северу от Таити. Всеми сделками на берегу занимался его опытный казначей, таитянин Теодор. Брандер заботился только о том, чтобы привести шхуну в нужное место. Вместе с Теодором мы спускались в шлюпку и подходили на веслах вплотную к атоллу, шлепая вброд последний отрезок. Нам интересно было посмотреть, как идет торговля. Под знойным солнцем островитяне выгружали железо и оконное стекло. Обрато на шлюпку они несли тяжелые мешки с копррой. Когда мы воспользовались любезным приглашением укрыться в хижине от полуденного зноя, Теодор торжествующе показал на старую, бракованную железную печь. Ни трубы, ни дымохода не было, ведь в таком жарком климате топить незачем. Ржавая

железка просто украшала помещение как образец драгоценного европейского инвентаря.

На другом атолле не успели мы ступить на берег, как толпа восторженных полинезийцев увлекла нас с собой в пальмовую рощу. На прогалине, на колючей коралловой крошке стоял высокий старый автомобиль, напоминая неуклюжего жеребенка, у которого вот-вот разъедутся ноги. Шины спущены. Дорог на острове никаких. За скромную плату нас усадили на этот четырехколесный престол, гордость всего острова. Под завистливыми взглядами земляков владелец каким-то чудом сумел завести мотор и в сопровождении пляшущих пешеходов не столько прокатил, сколько основательно потряс нас по кругу между пальмами и обратно на стоянку.

На Маркизских островах мы ничего такого не увидели. Первый заход — на Нуку-Хиву, главный остров, расположенный на крайнем севере этого обширного архипелага. Здесь помещалась резиденция главы французской администрации; он же был единственным на весь архипелаг врачом. Но обслуживать остальные острова он не мог, потому что отсутствие гаваней вынуждало пользоваться только маленькими лодками. На Маркизских островах много пляжей с галькой или черным вулканическим песком, но глубоких заливов нет, а скалы так круто вздымаются со дна Тихого океана, что здесь в отличие от Таити коралловым полипам не удалось обнести берега защитными барьерами.

Перед отплытием из Европы мы заручились разрешением французского министерства по делам колоний посетить уединенные Маркизские острова. Французский закон запрещал гостям проводить на берегу больше двадцати четырех часов. Во имя защиты островов? Или посетителя? Нам так никто и не смог объяснить причину.

От Нуку-Хивы «Тереора» взяла курс на юг, чтобы зайти на другие острова архипелага, прежде чем возвратиться в Папеэте. Шхуна шла под парусами, но на случай безветрия на ней был установлен мотор. Мы спали на крыше каюты в два ряда, в обществе полинезийских пассажиров и всякой домашней живности. В каюте было слишком тесно и душно, а чтобы нас в сильную качку не смыла какая-нибудь шальная волна, мы привязывались веревкой, пропуская ее под мыш—ками. Тучные мужчины с трубами и гитарами, смешливые красавицы, кудахтающие куры, плачущие ребятишки и насмерть перепуганная полинезийская свинья помогали ветру и волнам заглушать стоны тех пассажиров, которых укачивало под палубой.

Днем, лежа на животе, мы рассматривали в бинокль скользящую мимо сплошную зеленую стену дождевого леса. Нам все было интересно. Ведь нам тут жить! Красиво и внушительно. Правда, местами пейзаж производил гнетущее, мрачноватое впечатление.

Брандер поглядывал на нас, увлеченных новыми видами. Мы чувствовали себя совсем маленькими рядом с могучими горами, и все-таки они нас манили.

— Мрачно и неуютно, — приговаривал капитан Брандер. — Этот лесной массив, эти горы подавляют человека.

Он уговаривал нас вернуться на Таити. Но мы не соглашались.

Следующий заход — Хива-Оа, второй по величине остров группы, последний перед Фату-Хивой. Брандер уверял, что уж если где сходить на берег, то здесь, только здесь. Хоть будет связь с внешним миром. На Хива-Оа есть маленькая радиостанция, нам составят компанию французский жандарм, английский купец и таитянин-санитар. В долине на другом конце острова развел кокосовую плантацию еще один европеец, из Норвегии. И на Хива-Оа провел свои последние два года Поль Гоген, мы сможем осмотреть его уединенную могилу. Нет! Нам хотелось на остров, который мы обвели жирным кружком. На Фату-Хиву.

Когда мы проснулись на другое утро, шхуна рассекала гладкую воду под прикрытием горной гряды. Фату-Хива напоминает очертаниями фасолину; с севера на юг его делит на две части острый гребень, и с подветренной стороны две главные долины дугой спускаются на запад.

— Ну, где вас высаживать? — пробурчал капитан Брандер, когда мы подошли к кручам северного мыса.

Он признался, что совсем не знает этот остров, а от его морской карты нам,

сухопутным крабам, было мало проку. Никаких подробностей — только береговая линия и якорные стоянки у двух главных заливов. Решили идти возможно ближе к берегу, пока мы не присмотрим себе подходящее место.

Матросы убрали паруса, заработал мотор, шхуна тихим ходом приблизилась к суше. Голые скалы висели чуть не над нашими головами, обрываясь прямо в прибой. Но затем словно кто-то отдернул каменный занавес, и одна за другой пошли райские долины. Извиваясь, они терялись в зеленой чаще. Сильнее прежнего мы ощутили запах дождевого леса. Фату-Хива. Оранжерея между каменными стенами.

На этот раз Брандер и Теодор вместе с нами стояли у поручней. Они совещались на полинезийском языке с одним из матросов, уроженцем Маркизов, который вроде бы кое-что знал о Фату-Хиве. Важно подобрать такое место, чтобы мы могли прокормиться. Главное условие — питьевая вода. В это время нашему взгляду открылась широкая долина. Неправдоподобная картина — будто театральная сцена с оттеняющими пальмовую рощу красными кулисами. Эти сказочные кулисы казались вырезанными из фанеры искуснейшим художником, не верилось, что на самом деле перед нами источенный зубом времени и тропическими дождями рыхлый вулканический туф. Выше галечного пляжа, среди пальм стояли бамбуковые постройки с лиственными крышами: сараи для лодок.

— Ханававе, — кивком показал Брандер. — Сколько угодно воды в реке, полная долина фруктов. Парень говорит, в здешней деревне живет с полсотни человек.

Лив была в восторге, ей не терпелось сойти на берег, но Брандер покачал головой.

— Нездоровый климат. Слишком влажно, воздух насыщен испарениями. Жители поражены разными хворями, того и гляди, вас заразят. Сильнее всего здесь зверствует слонозная болезнь.

С немым благоговением смотрели мы, как могучий занавес закрывает от нас долину Ханававе. Никогда впоследствии не довелось нам видеть более прекрасный пейзаж. Дальше пошли узкие теснины и ущелья, наполненные до краев непроходимыми зарослями. Слишком узкие, чтобы можно было рассчитывать на достаточное количество диких плодов. Но вот опять приветливый, темный песчаный пляж, за ним пальмы и плодовые деревья.

— Аоэ те ваи, — объяснил наш полинезийский гид. Нет питьевой воды.

Долинка за долилкой проплывали мимо, разделенные могучими скалами и обрывами. То нет воды, то слишком темно и мрачно.

И снова красивая долина, даже с водопадом. Но здесь, в Ханауи, обитала пожилая чета с ногами, как у бегемота. Мы не отважились сойти на берег, хотя и знали, что микроскопический возбудитель слонозной болезни переносится комарами, при прямом общении с больным не передается.

Последняя перед южным мысом долина — Омоа. Светлее и шире других, которые мы уже видели на Фату-Хиве, она широкой дугой уходила в самое сердце острова. Песелая и живописная, хотя и не такая красивая, как Ханававе. Сколько угодно диких плодов и питьевой воды. В бинокль было видно речку, катившую свои воды через галечную полосу в залив. «Тереора» замедлила ход, готовясь стать на якорь. Наш гид рассказал, что в деревне у берега живет около сотни островитян. Дальше долина совсем безлюдная.

— Здесь либо нигде, — заключил Брандер, когда якорь лег на дно. — Вы все посмотрели, выбирайте. Может, все-таки вернетесь со мной?

— Мы видели только подветренную сторону, — возразил я, показывая на зубья длинной горной гряды, которая выступала над островом наподобие спины исполинского ящера. — А как восточное побережье?

Брандер и Теодор вместе с гидом поспешили объяснить, что ни одна шхуна не подходила еще к восточному берегу. Там нет якорных стоянок, даже на шлюпке не высадишься. Последняя попытка кончилась тем, что шлюпку разбило. Могучий океанский накат всей мощью обрушивается на восточный берег, пройдя на запад без помех шесть тысяч километров от Южной Америки. И вообще там голо и безлюдно. Населявшие в прошлом ту сторону племена вымерли, и никто не ходит туда через горы заготовливать копру.

Я еще раз посмотрел на приветливую зеленую долину, на горы над ней. Захочется на восточное побережье — сами потом как-нибудь переберемся...

Ладно, высаживаемся в Омоа. Шлюпка спустилась на воду, мы простились с нашими попутчиками. Брандер в последний раз попробовал отговорить нас оставаться на Маркизах. И обещал забрать нас следующим рейсом, может быть, через несколько месяцев, может быть, через год. Волны покачивали шлюпку, вторгаясь в открытый залив отголоском грозного прибоя, который с ревом разбивался о темные скалы южного мыса. Гребцы-крепыши навалились на весла, и волны понесли нас прямо к влажной гальке. Четверо полинезийцев прыгнули в воду и ухватились за борта шлюпки, чтобы не дать откату увлечь ее за собой; еще четверо помогли нам выбраться вброд на берег с нашим багажом. Шлюпка едва не опрокинулась, и не успели мы опомниться, как восьмерка провожающих снова дружно взялась за весла, спеша вернуться на «Тереору».

Так в несколько минут многолетняя мечта стала реальностью. Придя в себя, мы проводили глазами «Тереору», которая подняла паруса и вышла в море. Маленькая двухмачтовая шхуна быстро превратилась в точку и затерялась среди венчающих океанские валы барашков.

Стоим на гальке на незнакомом берегу, рядом лежат наши вещи. В двух больших чемоданах — свадебное платье Лив, мой костюм и всякие наряды, какие полагается брать с собой пассажирам первого класса в долгое свадебное путешествие. Все это нам теперь ни к чему. В нескольких ящиках — бутылки, пробирки, химикалии для консервации зоологических образцов. Ничего съедобного. Я посмотрел на обрамляющие пляж кокосовые пальмы. Орехи. На душе стало легче. Голод нам не грозит. Я сделал глубокий вдох и перевел взгляд на Лив. Мы улыбнулись и взялись за чемоданы. Не стоять же здесь вечно.

Нас согрело солнце, подбодряло пение тропических птиц. На песке за галечным пляжем пестрели в траве благоухающие цветы, и нами овладело ощущение счастья и большой романтики. Вдруг мы заметили людей среди деревьев. Много людей. Они смотрели на нас. Молча и неподвижно. Одни в набедренных повязках, другие в изношенной европейской одежде. Здесь были представлены все разновидности полинезийской расы, разные оттенки кожи — от медного до темно-коричневого. Лица в большинстве более суровые, чем у дружелюбных обитателей Таити и атоллов Туамоту. Зато несколько молодых женщин и почти все дети показались нам удивительно красивыми.

Первой, видя наше замешательство, проявила инициативу одна старуха. Она выкрикнула какие-то слова, сплошные гласные, так что речь ее звучала мягче таитянского диалекта. Я ничего не понял. Только пожал плечами и улыбнулся. Морщинистая бабуля покатила со смеху. Остальные присоединились к ней. Сопровождаемая соплеменниками, старушка направилась к нам. С испугом я смотрел, как она подходит к Лив. Подошла, облизнула тонкий указательный палец и потерла им щеку моей юной жены. Та онемела от неожиданности, а старушка посмотрела на свой палец и одобрительно кивнула.

Позднее выяснилось, что мое лицо у них не вызвало сомнения, а вот Лив они приняли за вырядившуюся и загримированную таитянку. Почему-то старушка считала, что в Европе вовсе нет женщин. Когда к острову подходили с коротким визитом суда, на берег высаживалось много белых мужчин и ни одной белой вахины. Часто белые мужчины искали себе смуглых девушек на острове, но никто не помнил случая, чтобы в поисках смуглого мужчины приехала белая женщина.

Во всей этой суматохе куда-то пропал наш багаж. Спрашивать было неловко, да и не больно-то мы в нем нуждались. И мы спокойно пошли следом за островитянами, которые провели нас через пальмовую рощу на поляну, где высился обнесенный каменной скамьей огромный баньян. Кругом раскинулись хижины, а ближе всего к баньяну стоял крытый железом большой дощатый дом того самого типа, к которому мы уже успели проникнуться острым отвращением. Молодой и несколько робкий человек европейского вида, говоривший по-французски, встретил нас у входа, пригласил войти в дом, и мы увидели на полу наш багаж. Встречавшие нас на берегу островитяне молча сгрудились у открытой двери.

Приветливый хозяин был довольно скуп на слова, будь то французские или полинезийские, но все же удовлетворил наше любопытство и рассказал, что его зовут Вилли Греле, он сын европейца, родился и вырос здесь, на острове. Отец, швейцарец, женился на местной девушке. Единственным другом отца был Поль Гоген, да и то они виделись очень редко, потому что жили на разных островах. Вилли производил впечатление нелюдимого и одинокого человека, он явно смотрел чуть свысока на жителей деревни, которые почитали и уважали его. Как мы потом смогли убедиться, он был предельно честным человеком, хотя любил деньги и не упускал случая пополнить свои сбережения. Его можно было назвать богатым, вот только не на что тратить богатство. Между сваями, на которые опиралось бунгало, Вилли устроил своего рода лавку, где островитяне могли выменять разные товары за копру; похоже было, что вся продукция копры таким образом собиралась в его руках. Скромный ассортимент лавки Вилли Греле включал небольшой запас муки, риса, сахара, спичек и маек. Сверх этого его бунгало ничем особенным не могло похвастать, да и лавка открывалась только на закате, когда Вилли возвращался со своей собственной плантации кокосовых пальм. Помимо работы у него была одна страсть — охота. Охотился он на бродивший по лесам и горам одичавший скот, а поэтому знал остров лучше, чем кто-либо другой.

За день солнце до того накалило железную крышу, что о сне нечего было и думать. В открытых дверях теснились смуглые зрители, другие плющили широкие носы об оконное стекло, да и Вилли явно не спешил ложиться. Далеко за полночь просидели мы втроем вокруг его керосиновой лампы, обсуждая наши планы. В глазах хозяина мы явно были самыми странными из всех посетителей, которые когда-либо сходили на берег острова, но к нашему замыслу он отнесся с пониманием. По его словам, мы могли найти желаемое в верхней части долины, в глубине острова: туда редко заходят островитяне, и лес давно поглотил заброшенные сады предков.

Часть ночи ушла у нас на то, чтобы составить словарик. При первой встрече на берегу мы обошлись улыбками и смехом, но, чтобы продвинуться дальше, надо было знать хотя бы несколько слов. У меня был заранее подготовлен длинный список самых нужных слов на норвежском языке, теперь я перевел его на французский, а Вилли — на полинезийский. Отличие от таитянского диалекта бросилось в глаза с первой же фразы. На Таити «добрый день» — «иа ора на», здесь же говорили «каоха». Местная речь не изобиловала согласными, и нам нелегко было различать слова:

нет — аоэ они — ауа я — оао два — зуа ты — оэ кто — оаи он — она дождь — зу а

Или такие названия, как Оау и Уиа. «Хорошо» — панхаканахау, «плохо» — аоэаханахау. Полинезийский язык назывался словом, которое в буквальном переводе означало «человечий язык», — пережиток той давней поры, когда предки принимали белых пришельцев за богов.

Полинезийские слова продолжали звучать в моих ушах вместе с комариным писком, когда мы улеглись спать под защитой большого полога. С берега доносились мерные громовые раскаты, прибой напоминал нам, что мы находимся на уединенном южноморском острове вдалеке от нашего собственного мира.

Когда господь изгнал Адама и Еву из Эдема, они, наверно, испытывали чувства, прямо противоположные тем, которые обуревали нас, когда мы на рассвете следующего дня отправились вверх по зеленой долине Омоа. Они покинули рай, мы вступили в него. Вместе с маркизской кукушкой другие яркие тропические птицы устроили утренний концерт. Насыщенный лесными ароматами сам воздух казался зеленым. Что бы ни ожидало нас впереди, в эти минуты мы словно вступили в цветущий потерянный рай. Никаких оград, никаких стражей — приходи и владей. Это был словно дивный сон.

Старая королевская тропа вела нас в глубь острова. Деревня осталась позади. Устремленный к небу красный зубчатый гребень в верховьях долины пропал из виду, как только полог леса сомкнулся у нас над головой. Напоминающие огромный папоротник молодые кокосовые пальмы уступили место могучим деревьям с бородами от висячих

лиан и паразитирующих растений мшистыми ветвями. Лишь кое-где солнечные зайчики пробивались сквозь листву верхнего яруса, которая кишела пищущими, кричащими, скрипящими тварями. Жизнь была ключом, хотя наши глаза видели только порхающих пчуг и бабочек да улепетывающих с тропы ящериц и жуков. Нам не терпелось поскорее углубиться в густые, всепоглощающие дебри, уйти подальше от всяческих болезней, вызванных полным пренебрежением гигиеной.

Выходя из деревни, мы помахали ее жителям. Они помахали в ответ, крикнули «каоха» и что-то еще, непонятное.

— Добрый день, — отозвались мы на их языке. — Хорошо, хорошо, добрый день.

И все вместе засмеялись. Несмотря на болезни, островитяне производили впечатление веселых и довольных людей, а ведь некоторые из них с трудом передвигали толстые, как бревно, ноги. Слоновая болезнь проникла на остров, когда белые, сами того не зная, завезли комаров.

Последними нам помахали несколько женщин. Не раздеваясь, они вошли по пояс в мутную реку и мылись, между тем как другие ниже по течению набирали питьевую воду в калебасы. Такие понятия, как гигиена и инфекция, были незнакомы жителям Фату-Хивы.

Выше деревни вода в реке была совершенно чистая, без мути. Тропа следовала вдоль берега, местами пересекая гладкий камень, местами вгрызаясь в ржаво-коричневую почву. Поначалу широкая, расчищенная от наступающей со всех сторон зелени, она дальше заметно сужалась, и нам все чаще приходилось пускаться в ход длинный мачете. Вилли послал с нами проводником своего родича Иоане, который обещал показать хорошее место — площадку, где жил последний король острова ².

Прапрабабка Иоане была последней королевой перед тем, как остров аннексировали французы. По ее линии Иоане унаследовал ту часть острова, куда мы теперь направлялись. Вилли рассказал нам, что, хотя в глубине долины все жители вымерли, на острове не найдется клочка, который не принадлежал бы кому-нибудь из фатухивцев. Земля поделена между родами и переходит из поколения в поколение, и, каким бы запущенным ни выглядел тот или иной участок леса, худо будет тому, кто возьмет хоть один банан на чужой земле. Увидят — о краже тотчас станет известно деревенскому старосте.

Там, где речка сузилась в стремительный ручей, тропа и вовсе пропала. Мы простились с ручьем, пересекли груды камней и полезли вверх по склону, продираясь сквозь густой подлесок между исполинскими деревьями. В зарослях тут и там укрылись поросшие мхом следы каменной кладки. Искусственные террасы... И всюду было видно, как упорно сопротивляются садовые деревья наступающим лесным великанам. Стены из многотонных глыб были взломаны искривленными корнями, питавшими стволы такой толщины, что втроем не обхватить.

Наконец Иоане остановился. Из-под мшистых камней перед нами пробивался чистый, холодный родник; рядом простерлась мощеная площадка, покрытая такой густой и высокой порослью, что не только долину, но вообще кругом ничего не было видно. Королевская терраса, здесь жила последняя королева. Не очень-то приветливое место, но мы разглядели в чаще стволы кокосовых пальм и хлебного дерева, огромные листья банана и на редкость большое лимонное дерево, которому множество золотистых плодов придавало сходство с рождественской елкой.

Если это место было облюбовано королевским родом, вряд ли мы найдем что-нибудь лучше! Мы дали понять Иоане, что останемся здесь; он весело попрощался и исчез в дебрях. С Вилли у нас было договорено, что мы арендуем принадлежащую Иоане часть долины, с правом расчищать и строить, а также собирать все потребные нам фрукты и орехи. Плата невысокая — столько, сколько в Европе стоил чемодан. Сверх того, мы уплатили налог старосте, тоже сущие пустяки.

Для первой ночевки мы захватили маленькую палатку, нечто вроде просторного мешка с молнией, и еще до захода солнца я расчистил для нее площадку под сплошным листовым пологом. Когда спустилась ночь, мы в последний раз воспользовались спичками. Будем беречь угли, присыпая их золой, а если потухнут, разведем огонь трением, используя ветки гибискуса. На ужин Лив испекла несколько бананов феи и — впервые — хлебный плод величиной с детскую голову. Счастливые, как дети, мы заползли в маленькую палатку. В этом раю не было даже змея, если не считать комаров.

В палатке чувствуешь себя почти как под открытым небом. Когда природа отделена от тебя лишь тонким полотнищем, слышишь малейшие звуки, особенно в новом, незнакомом лесу. За ночь мы кое-что узнали о природе, которой предстояло стать нашим домом. Правда, мы далеко не все понимали. Что это с такими жуткими звуками прыгает по полотнищу? То квакает, точно лягушка, то скрипит, будто старая дверь. Кто-то копошился в камнях поблизости. Дикая свинья? Выше в долине словно филин ухает... А у самой нашей террасы явно мяукал кот.

Внезапно мы услышали приближающиеся шаги. Шорох сухой листвы, хруст ломаемых сучков... И тишина. Долго стояла тишина. Снова шаги, кто-то подкрался вплотную к палатке... И опять мертвая тишина, а мы лежим и слушаем с бешено колотящимся сердцем.

Кому это понадобилось подкрадываться среди ночи? Нам представился островитянин с распухшими ногами: стоит над палаткой и держит в поднятых руках острогу или здоровенный камень. У местных жителей нет оснований любить белого человека, который навлек на их голову лютые болезни. Если верить старой энциклопедии, эти невежественные островитяне до недавнего времени занимались людоедством. Исчезнем с лица земли — и никто не узнает, как, когда и где это произошло³.

Главное, не позволить застать себя врасплох... Бесшумно поднявшись на колени, я с диким воплем выскочил наружу. А там, ошалело таращась на палатку, стоял одичавший белый пес. Мой маневр поверг его в такой ужас, что бедняга стрелой метнулся в заросли и побежал вниз по склону. Больше мы его никогда не видели.

Однако и после этого для нас не наступил покой.

Шелест ночного ветерка заглушал доносившиеся с разных сторон ружейные выстрелы, по большей части издали, но некоторые совсем близко. Странно... На этом острове ни у кого, кроме Вилли Греле, не может быть ружья. Да и разве в джунглях среди ночи что-нибудь разглядишь? Мы выбрались из палатки и прислушались. В просветах в листве мерцали звездочки. Вдруг совсем рядом что-то громко ударило о землю; звук как от настоящего выстрела. Подкатилось ко мне, и я увидел большой, тяжелый кокосовый орех, формой и величиной напоминающий мяч для регби. Скорлупа одета в толстую защитную кожуру, которая не дает ореху расколоться при падении с высоченной пальмовой кроны. Кокосовые пальмы на Маркизах достигают весьма внушительного роста, их солнцелюбивые кроны торчат выше лесного полога. И когда там, в высоте, ветер принимался качать пальмовые листья, тяжелые от сока зрелые орехи срывались и падали на землю со стуком, который глухо отдавался в ночной тишине. Как раз над нами вздымалась к звездам высоченная пальма, за нее была привязана одна из растяжек нашей палатки. Мы поспешили перенести палатку на более безопасное место. Упав с этой пальмы орех, он прорвал бы полотнище и пришиб нас не хуже бомбы. Кое-как я расчистил в темноте другой клочок, мы расстелили палатку на земле и забрались в нее, даже не растягивая, лишь бы защищала от комарья.

Когда над горой Тауауохо поднялось солнце, ни один луч не просочился на нашу площадку. И лесная чаща не пропускала даже самого слабого ветерка, который разогнал бы назойливых комаров. Мы решили расчистить всю террасу и соорудить хижину, просторную и достаточно прочную, чтобы в нее не могли забраться лесные звери.

На завтрак я принес гроздь бананов, таких спелых, что мушки уже успели их отведать.

Подойдя к палатке, я увидел, что Лив трясет большое дерево, увешанное плодами, напоминавшими лесной орех. Вода в Королевском роднике была чистая, холодная и удивительно вкусная, не то что в водопроводе дома. От радости душа пела не хуже щебечущих кругом пичуг, и нам не терпелось приступить к работе.

После завтрака я взял мачете и принялся, будто саблей, косить окружающую зелень. Острое лезвие с одного удара рассекало сочные стебли бананов, точно луковицу; даже твердая древесина хлебного дерева не могла ему противостоять. Знакомые плодовые деревья падали на землю попеременно с неизвестными нам местными видами. Я чувствовал себя так, словно расправлялся с соседским садом. Лив вырывала руками дикую ваниль, папоротник, кофейные кусты, потом ухватилась за некое подобие увешанной картофелинами веревки. По мере того как расширялся просвет в зеленом пологе над нами и расступались окружающие кусты, сверху прорывалось все больше солнечных лучей, освещая старинные мощные стены, сложенные не одним поколением прилежных строителей. А там и ветерок подул. Мы очистили от ила и гнили лужицу рядом с палаткой, вбили в землю кусок бамбука с руку толщиной, и вода Королевского ручья наполнила небольшой каменный бассейн.

Затем наступил черед деревьев на нижней террасе, и постепенно открылся чудесный вид на долину с пальмами и тропическими исполинами, на противоположный склон с отвесными обрывами и красными зубцами. Прямо напротив на красном фоне у самого гребня двигались белые точки. Козы... Одичавшие домашние животные, как и все млекопитающие на этих островах. Над зеленым пологом у подножия скал торчали поросшие тростником и желтым бамбуком круглые бугры. Направо на много километров вниз уходила долина, но деревушка и море были закрыты лесной чащобой.

То и дело нам попадались старые предметы обихода. Разного вида великолепно отшлифованные каменные топоры из плотной, тяжелой породы. Каменная ступа, напоминающая колокол, такой совершенной формы и отделки, словно ее обрабатывали на станке. Пятнистые раковины каури со срезанной макушкой, служившие терками для овощей. Зубчатые пластины из жемчужниц, которыми измельчали ядро кокосового ореха. Круглые камни, игравшие роль молотков. И даже великолепная, хотя и потрескавшаяся от времени, деревянная миска. Кое-что из этого пригодилось и нам. Мы расчистили большое удобное каменное кресло, с которого, возможно, сам король обзирал свою террасу. Растущие пальмы взломали длинную скамью, обложенную плоскими гладкими камнями. Что могли, мы отремонтировали и постарались сохранить возможно больше полезных и декоративных растений, в том числе чудесный куст, усеянный землянично-красными цветками.

За три дня упорного труда мы в основном справились с расчисткой, после чего принялись заготавливать ветки и пальмовые листья для строительства. В это время на тропе появился Иоане, неся два чемодана, которые мы оставили в деревне. Нарочно оставили, ведь в них не было ничего нужного нам теперь. Мы попытались объяснить Иоане, что чемоданы должны храниться у Вилли. Он дал нам понять жестами и словами, что Вилли опасается воров, и попросил разрешения посмотреть, что лежит в чемоданах. До чего же он удивился, когда увидел, что у людей, которые ходят босиком и в одних пареу, есть и костюмы, и длинные платья, туфли разных цветов, белые рубашки, пижамы, белье, галстуки, бритвенный прибор, пудреница. Иоане поспешил заверить нас, что готов немедленно нести чемоданы обратно в деревню. На всякий случай мы оставили их у себя, а пока убрали в палатку.

Между тем у Иоане пропало желание уходить. Он дал нам понять, что задуманная нами лачуга сопреет и развалится, нас зальет дождь, будут топтать дикие лошади, искусают всякие ползучие твари. Обуреваемый внезапным стремлением помогать нам, он повел меня вверх по склону в бамбуковую рощу. Здесь бамбук был толщиной с мою ногу, стволы его вздымались вверх, будто соединенные между собой водопроводные трубы, и венчались султанами из длинных узких листьев, развевающихся наподобие пушистых страусовых перьев. Одного сильного удара мачете было достаточно, чтобы перерубить полый зеленый ствол, но срубленный бамбук не валился на бок, как обычно валится дерево. Острый, как долото,

косой срез копьём впивался в землю; только поспевай убирать руки и ноги, если не хочешь, чтоб их проткнуло насквозь. И когда мы с Иоане, нагружившись связками бамбука, вернулись на каменную террасу, одно предплечье у меня было обернуто листьями, из-под которых сочилась кровь.

Лив успела собрать целую кучу спелых апельсинов, а Иоане, хотя он был далеко не молод, мигом влез на огромное хлебное дерево, откуда совсем по-обезьяньи перебрался на высоченную кокосовую пальму. Я даже со здоровой рукой не смог бы повторить этот трюк. Вручив нам свою добычу, он знаками объяснил, что ему пора идти, солнце спустилось совсем низко.

Нам был симпатичен этот босоногий старый плут в белых шортах и элегантной соломенной шляпе, который всячески убеждал нас, что и впрямь является потомком последней королевы. Мы понимали далеко не все, что он говорил, но это не мешало Иоане смеяться и улыбаться, и его смуглое лицо бороздили сотни лукавых морщинок.

На другой день, едва рассвело, он явился снова, на этот раз вместе с женой и еще четырьмя островитянами. Они принесли нам ананасов и вызвались показать, как надо строить бамбуковую хижину. Но сперва всем им, включая Иоане, хотелось посмотреть наши сокровища. Начали с палатки, этого удивительного свертка материи, который мгновенно превращался в водонепроницаемую хижину. Словно на волшебство глядели они, как я застегивал и расстегивал замок-молнию. Затем Иоане настоял на том, чтобы мы открыли чемоданы. Восхищению зрителей не было предела, ведь для них внешний мир олицетворяла только торговая шхуна с ее грузом. До сих пор они видели доски и кровельное железо, тушенку и консервированную рыбу, эмалированные кастрюли, спички да трусы. И наши друзья кричали от восторга, поднося к глазам бинокль, который «передвигал горы». Портативный микроскоп превратил насосавшегося крови комара в чудовище, при виде которого жена Иоане завизжала от страха. А зеркало для бритья увеличивало и без того широкие носы, и островитяне покатывались со смеху, разглядывая свое отражение и делая причудливые гримасы. Однако сильнее всего очаровали Иоане мои наручные часы. Правда, он не умел определять по ним время, но я понял по его жестам, что ему хотелось бы получить что-нибудь в этом роде, только размерами побольше. И он долго рылся в наших чемоданах в тщетной надежде найти желаемое.

Позже мы узнали, в чем дело: в бунгало Вилли на стене висели большие часы, на которые заглядывались все островитяне. Привези мы с собой такие, могли бы получить за них на Фату-Хиве целое королевство.

Отдохнув после утомительного развлечения, островитяне приступили к работе. У них были мачете в самодельных кожаных ножнах; двое влезли на кокосовые пальмы, и вниз полетели перистые листья трех-четырёхметровой длины. Длинный черешок листа разрезали вдоль, и женщины, сидя на корточках, сплетали половины между собой. На остов дома пошли жерди, связанные лубом гибискуса, а сплетенные листья уложили сверху, словно черепицу. Сантиметрах в тридцати над землей укрепили пол из жердей; настил сделали из мастерски выполненной плетенки, на которую пошли волокна расщепленного камнями бамбука. Закончив крышу и пол, строители сплели из того же бамбука стены — две квадратные и две продолговатые. Готовые секции подняли, привязали к остову, и вышла уютная однокомнатная хижина примерно два на четыре метра. Посреди стен вырезали прямоугольные отверстия, а вырезанные куски укрепили на лубяных петлях; получились дверь и два окна.

Пока продолжалось строительство, произошел один случай, после которого островитяне стали относиться к нам с еще большим почтением. Я только что поймал редкостного кузнечика, посадил его в пробирку и намочил ватку эфиром, чтобы законсервировать зоологическое сокровище; в это время на тропе показался тощий долговязый островитянин. Голова его склонилась на плечо под тяжестью флюса, какого мне еще никогда не доводилось видеть. Бедняга выглядел так потешно, что его товарищи, забыв про работу, покатались со смеху. Жалобным голосом он обратился ко мне за помощью, и все

с надеждой уставились на меня.

«Эфир», — подумал я. Сам я никогда не страдал зубной болью, но бутылочка в моих руках напомнила мне, что от этого недуга есть простое средство. Обильно смочив ватку, и положил ее на гнилые зубы страдальца. Он криво усмехнулся, пожевал... Потом вдруг закачался и заморгал глазами.

— Дыши носом! — крикнул я по-норвежски и помог ему закрыть рот.

Казалось, мой пациент вот-вот рухнет на землю. Восхищенные зрители замерли. Может быть, я перестарался? Хотя я стоял в одной набедренной повязке, у меня было такое чувство, словно шею сжал тесный воротничок. Я поднял руку, чтобы расстегнуть его, и Лив поняла, что мне самому дурно. Кривая усмешка, бедняги сменилась блаженной улыбкой, я совсем испугался и завопил:

— Выплюнь!

Он послушался, потом шумно задышал, распространяя вокруг пары эфира, словно дракон какой-нибудь. Видя, что пациент приходит в себя, я усадил его в каменное кресло и повторил процедуру. Лечение помогло, и впоследствии долговязый Тиоти стал нашим вернейшим другом.

На какое-то время мы как бы превратились в шаманов. Гости из деревни несли нам свинину и кур. В теплом дождевом лесу мясо хранить было невозможно, так что изобилие приношений породило настоящую проблему. Отказаться от подарка нельзя, делиться — не с кем. И чтобы нам не докучал запах тухлого мяса, мы уносили излишки подальше от хижины и закапывали в землю. Надо же было мне так основательно напугать злополучного пса, что он больше не отваживался приблизиться к нашей террасе!

Пока шло строительство, мы воспользовались случаем пополнить свой запас полинезийских слов. Внизу, в деревне, Вилли в первый же день предупредил нас, что Маркизы — часть Французской Океании и если мы кого-то будем нанимать, то плата не должна превышать установленной на Таити цифры — 17,6 франка в день. На маркизском диалекте семнадцать с половиной франков обозначались одним словом «этоутемониэуатевасодисо». Это мудреное слово наши строители произносили с радостной улыбкой каждый вечер перед тем, как уйти по тропе вниз, домой. Но одно — слова, совсем другое — дело. Когда пришла пора рассчитывать, островитяне дали понять, что предпочли бы деньгам костюм, не говоря уже об удивительном бинокле.

Строительство затянулось на много дней: надо было воздать должное приносимым из деревни съестным припасам, а после доброго пира тянуло поспать под лесным пологом. А тут еще такой неуывдаемый аттракцион — осмотр содержимого чемоданов... Все же бригада Иоане наконец завершила работы и удалилась. А с ней удалились и наши чемоданы со всем содержимым. Мы отдали свадебное платье и все такое прочее, оставив себе лишь палатку, два пледа да еще кое-какие самые необходимые предметы на тот случай, если когда-нибудь вздумаем отправиться в долгое путешествие обратно, к нашей цивилизации.

Одно меня огорчало: Иоане ухитрился выпросить наручные часы. Сколько лет предвкушал я тот день, когда, обосновавшись в собственной хижине в дебрях, положу часы на камень и прихлопну их сверху хорошим булыжником, чтобы осколки и колесики полетели во все стороны. Это зрелище и сопутствующие ему звуки должны были стать символической фанфарой, знаменующей великий миг воссоединения с природой.

Я говорил себе, что человек — раб маленького механизма, который отмеряет время и твердит: пора делать то-то и то-то, торопись, не мешкай. В нашем мире я только и слышал: время — деньги. У островитян времени было сколько угодно. Значит, они — богачи. И они обходились без часов. А мы прикованы к часам, которые похищают у нас время. Я не мог простить Иоане и себе, что позволил ему спасти часики от расправы, что моя заветная мечта так и не исполнилась. Я сказал себе, я говорил другим, я даже эту книгу начал со слов о том, что разбил часы. Это неправда. Часики достались Иоане. Но он их вскрыл и так основательно покопался в механизме, что они никак не могли похищать у него время.

В тот день, когда наши друзья из деревни завершили строительство, получили расчет и

ушли, для нас началась новая жизнь. В долине царил мир и покой. Мы убрали палатку и вселились в новую, зеленую обитель. Больше никто не носил нам еду, так что пришлось самим заняться снабжением и строить кухню. Я взял мачете, срубил четыре прямых гибискусовых жерди и вбил их в землю рядом с хижинкой. Сверху примостил плетенку из пальмовых листьев, и этот навес стал нашей кухней с выложенной камнем земляной печью на полинезийский лад.

Обставить хижину было несложно. Иоане уже смастерил нары вдоль одной короткой стены, причем когда я, измерив все рулеткой, опустил задранное вверх изножье, он снова поднял его: глазомер вернее! Правда, это не помешало ему потом выпросить у меня и рулетку. Уж очень забавно лента убегала в свой «домик», когда он нажимал кнопку. Лежать на бугристых нарах из круглых жердей было примерно так же удобно, как на бильярдных шарах, и мы настелили толстый матрац из банановых листьев. Связав лубом палки, я сделал две табуретки, стол (столешницей служила бамбуковая плетенка) и маленькую полку. Весь прочий инвентарь тоже был в стиле Робинзона Крузо. Тарелками служили большие жемчужницы, которые отсвечивали на солнце всеми цветами радуги. Роль чашек исполняли скорлупы кокосовых орехов на кольцах из бамбука. (Если снять с ореха защитную кожуру и постучать острым камнем по средней линии, скорлупа распадается на две аккуратные половинки, будто распиленная.) Для стаканов я использовал колена зрелого, золотистого бамбука; из того же твердого материала сделал ложки и черпаки. Воду мы носили в бутылочной тыкке, вычищенной изнутри и высушенной над слабым огнем. Из оставленного островитянами куска коровьей шкуры я сшил длинные ножны для своего мачете, да еще хватило на прочные петли для двери и ставней, потому что лубяные петли быстро высыхали и рвались. С пледами мы не расстались: после тропического дня ночи казались нам достаточно прохладными.

Трудно представить себе резиденцию лучше той, которую мы заняли на королевской террасе. Поселите в такую обитель издерганного стрессами человека — отдохнет и душой, и телом. Простой и гармоничный образ жизни помогал отвлечься от всяческих проблем; бамбуковые стены снимали малейший намек на нервное напряжение. Красивая зеленая плетенка становилась все живописнее по мере того, как бамбук созревал и на зелени пламенели все новые золотисто-желтые полосы и пятна, создавая впечатление ожившего гобелена. Одновременно и крыша из пальмовых листьев стала менять свой ярко-зеленый цвет на красновато-коричневые оттенки. А распахнешь бамбуковые ставни — за окном, будто королевский сад, простирается вся верхняя часть долины Омоа.

Время обрело совсем другое измерение теперь, когда никакие часы не рубили его на секунды и минуты; на смену часам пришли солнце, птичий щебет, наш собственный аппетит. То ли отсутствие часов сказывалось, а может быть, тот факт, что мы жили насыщенной жизнью в совершенно новой для нас среде, где требовалось постоянно быть начеку, чтобы не споткнуться, не порезать ногу, не подставить голову под падающий сверху кокосовый орех, — во всяком случае нам некогда было скучать, и каждый день был так богат впечатлениями, что недели казались месяцами. Вспоминая теперь год, проведенный на Фату-Хиве, я готов по содержательности приравнять его к двадцати обычным годам.

День начинался с того, что красочная, словно попугай, маркизская кукушка звонкими трубными звуками будила дремлющий лес. Тотчас все прочие лесные птицы одна за другой включались в ликующий хор, в разных концах долины звучали разные мелодии, каждый исполнитель по-своему толковал тему любви. Просыпаешься веселый, счастливый и наслаждаешься чудесным утренним концертом, который начинался, как оперная увертюра перед открытием занавеса, *И набирал силу вместе с рассветом медленно, постепенно, чтобы наше пробуждение не было слишком резким. Сквозь бамбуковые ставни просачивался дневной свет, сопровождаемый последними порывами прохладного ночного ветерка. В ту самую минуту, когда свет достигал полной силы, пронизывающий холодок сменялся приятным теплом. А как не залюбоваться темными зубцами над противоположным склоном: кругом царит сумрак, а они розовеют, розовеют, и вот зарделись петушиным гребнем в

солнечных лучах. Звучание лесного хора достигало полного крещендо, причем многих птиц явно притягивала лужайка вокруг нашей хижины, где на земле легче было разглядеть личинок и мурашек. Голубая с желтыми и зелеными пятнышками кукушка предпочитала густую листву могучего хлебного дерева перед нашими окнами, а пальмы кишели крохотными порхающими певцами, многие из которых были похожи на канареек.

Лучшее время суток — этот первый утренний час, когда солнечные зайчики бегали по золотистой бамбуковой плетенке. Природа особенно бодр и безмятежна, и мы — ее частица. По мере того как солнце поднималось к зениту, щедро поливая своими лучами тропические дебри, все живое словно погружалось в дрему. Но зной не становился нестерпимым, потому что вечный пассат с востока уносил восходящий поток тепла и проветривал остров. Не жара умеряла нашу подвижность к полудню, а скорее атмосферное давление отнимало излишки энергии. Мы не страдали от жары в долине Омоа.

К тому времени, когда кончался утренний концерт, мы уже были на ногах, на берегу прохладного источника. Часто мы заставляли там очень славного дикого кота, отпрыска домашних кошек, и он быстро привык к нашему обществу. Заберешься в воду и словно прозреваешь: с глаз спадает пелена, все вокруг преобразается, становясь восхитительно красивым. Органы восприятия работали особенно остро и чутко, мы все видели, обоняли и слышали, точно дети, очутившиеся в мире чудес. А речь шла о самых обыденных мелочах. Скажем, о влаге, которая собиралась на зеленом листе, готовая сорваться с него каплей вниз. Поймаешь каплю, и катится по ладони, сверкая драгоценным камнем в лучах утреннего солнца. Мы были богачами, зачерпывая полные пригоршни, и сотни маленьких брильянтов сбегали между пальцами, а из толщи горы текли новые и новые тысячи.

Наша ванна была рогом изобилия, сокровища переливались из нее через край, образуя искристый ручеек, который бежал в долину, смеясь, приплясывая и радуясь встрече с солнцем после долгого заточения в темных недрах. Встряхнешь ветку, и прямо в ванну падают розовые цветки гибискуса. Мы направляли их в ручей, и они кружились, преодолевая маленькие порожки из скользких камней. Наши посланцы морю, волшебному котлу, где зародилась жизнь, где возрождается все умершее. Грязь и сгнившие растения, испражнения животных и помой из деревни — все это собирала речушка на своем пути к морю. Но океан — великое очистное сооружение планеты. Как ни мутна была вода в устье около деревни, все примеси годились в пищу океанской флоре и фауне. Все проходило через планктонный фильтр, а солнце вновь поднимало кристально чистую влагу к небесам, чтобы она окропила лес, окропила нас и пополнила истоки нашего родника.

До чего хорошо было, выйдя из ванны, ступить на мягкий ил, шелковистую глину или согретый солнцем твердый камень. С того дня, как наши местные помощники оставили нас одних, установился полный контакт с природой. Мы воспринимали ее кожей. Чудесный климат позволил нам в облегчении сбросить одежду, которую белые люди, жители холодных стран, всячески навязывали островитянам и которая прилипала к распаренному солнцем телу, словно мокрая бумага. С таким же облегчением сбросили мы обувь; и ведь здесь, где мы ступали не на педали велосипедов и не на асфальт, а на мокрую глину или на острые камни, ей постоянно требовалась бы починка. Без обуви и одежды мы чувствовали себя свободнее и живее. Привычная к покровам кожа на первых порах была очень чувствительной, как у змеи, которая после линьки вынуждена прятаться, пока не затвердеет эпителий. Но постепенно лес перестал царапать, свежие листья и мягкие ветки только гладили нас. Как ни враждебны тропические дебри к чужакам, они ласковы к своим, обороняют своих питомцев. Мы не чувствовали себя чужаками. Нас радовало прикосновение ветра, солнца, леса вместо вечно липнущей к телу одежды, мы наслаждались, ступая на прохладную траву, на горячий песок, на продавливающуюся между пальцами жидкую грязь и в лужицу, где пальцы снова становились чистыми. Куда приятнее, чем ощущать подошвой одни только надоевшие носки! Раздетые и босые, мы чувствовали себя богачами, ведь наше тело облекала вся вселенная. Вместе со всем окружающим мы были частицами единого целого.

Мы поселились в самой плодородной части долины и, глядя на зеленое изобилие, думали о том, как мудрые люди умели укрощать дебри. Здесь не покушались на гармонию среды для разбивки больших однообразных плантаций. Где позволяли место и почва, дикие деревья заменяли более полезными. И хотя люди ушли, облагороженный ими лес остался — остался не памятником истребленному врагу, но монументом труженикам, павшим жертвой теневых сторон цивилизации. Не борьба с природой сгубила этот народ, а стремление белого человека навязать ему свою культуру.

Дети города, мы вряд ли выжили бы в дебрях без наследства, оставленного нашими предшественниками. Земля терпеливо продолжала производить пищу, хотя никто не удобрял и никто не собирал урожай, кроме диких животных, птиц и мурашей.

Позади нашей хижины росли преимущественно высокие бананы и феи. Без плодов их сразу и не различишь: сочные зеленые стволы, словно цветочные стебли, но в сечении шириной с тарелку. Их венчают тянущиеся вверх широченные, длинные листья вроде пальмовых. Но стебель феи у корня красноватый, и если на банане гроздь зеленых или желтых плодов свисает с макушки, напоминая люстру, то красные плоды феи торчат, будто звезда на рождественской елке.

Как и говорил Териероо, драгоценный горный банан феи, который на Таити можно было найти лишь в труднодоступных ущельях, здесь, на Фату-Хиве, окружал нас со всех сторон. Он стал нашим основным и любимым блюдом. Сырой феи несъедобен, но мы пекли его на углях и макали в соус, выжатый из натертого кокосового ореха. Этот жирный соус, напоминающий сливки, был у нас не только универсальной приправой, но и косметическим средством. Готовили мы его очень просто: измельчали орех зубчатой ракушкой и полученную массу отжимали кокосовым волокном. У печеного феи куда более изысканный аромат, чем у печеного банана. А кокосовый соус придавал желто-зеленой мякоти совершенно особенный вкус, который нам никогда не приедался. Помимо феи кругом росли обычные бананы семи разных сортов — от маленького, с яйцо величиной, вкусом напоминающего землянику, до огромного, чуть не в руку длиной, лошадиного банана. Сваришь или испечешь его — получается нечто похожее на печеные яблоки.

Не так уж часто удавалось нам найти спелые бананы. Схватишь рукой желтый плод, а это всего лишь пустая кожура, как палец от перчатки. Мякоть съедена либо маленькими плодовыми крысами, либо ящерицами, либо желтыми банановыми мушками. Впрочем, плодов всем хватало. Только мы брали гроздья, которые едва начинали желтеть, и подвешивали перед окном на хлебном дереве, где они за день-два созревали на солнце и неизмеримо превосходили вкусом покупные бананы в Европе: ведь те собирают за много недель до естественного созревания, чтобы они выдержали долгую перевозку.

Нам объяснили, что незачем лезть за банановой гроздью по скользкому зеленому стеблю. Перерубил его сильным ударом мачете — и спешу поймать гроздь, чтобы не упала и не расквасилась. Казалось бы, варварский способ, но дело в том, что ни феи, ни собственно бананы не плодоносят дважды. На Фату-Хиве новый стебель вырастал из зеленого пенька чуть не на глазах. Из напоминающего луковицу среза тянется вверх внутреннее кольцо, за ним следуют остальные, и к концу второй недели пенек превращается в подобие цветочного горшка, над которым торчит побег в рост человека, увенчанный, словно зеленым знаменем, первым огромным листом. Скорость роста определялась средой: не слишком медленно, но и не чересчур быстро, не преступая грань между естественным и волшебным. Долго ли озадачить человека, если растение и впрямь будет тянуться вверх у него на глазах! Живой пенек перекачивал соки земли в кольца, они набухали, шли в рост и развешивали бананы высоко у нас над головой. За год на месте старого растения поднимался новый великан, который безмолвно предлагал голодному прохожему гроздь чудесных плодов.

Почти столь же видное место в нашем повседневном меню занимал кокосовый орех. Большинство кокосовых пальм около хижины были настолько высокими и гибкими, что я и не помышлял о том, чтобы влезть на них, но спелые орехи можно собирать на земле. У орехов, пролежавших на земле две-три недели, в одном конце торчал росток, будто голова

страусенка из яйца, а в другом конце

— корешок, который буравил почву в поисках опоры. Ядро такого переспевшего ореха почти все растворено в соке; получается похожий на мозги губчатый белый мяч, вполне съедобный, но отличающийся от нормального ореха сладковатым; вкусом. Даже сердцевина молодой кокосовой пальмы, напоминающая огромный хрустящий сельдерей, годится в пищу.

Большинство пищевых растений плодоносили круглый год. На одной и той же ветке колючего апельсинового дерева можно было увидеть рядом благоухающие белые цветки, зеленую завязь и спелые золотистые плоды. Такая же картина с лимонным и лаймовым деревьями. Иное дело — хлебные деревья, они считались с временем года. Большинство старых хлебных деревьев были настоящими гигантами, не обхватишь и не влезешь, если нижние сучья выше пределов досягаемости. Могучую крону составляли листья, похожие на дубовые, только намного шире, и под корявыми ветками висели зеленые плоды величиной с детскую голову. Испечешь такой плод на углях — и плотная шершавая кожура лопается, отстает от волокнистой белой мякоти. Получалось сытное, богатое крахмалом блюдо, по вкусу нечто среднее между свежим хлебом и молодым картофелем. Мякоть можно было разламывать пальцами, как хлеб, можно было нарезать и жарить в кокосовом соку на плоском камне, можно было закопать в землю на несколько месяцев или на год, дать перебродить и есть получившееся пюре.

Из корнеплодов в лесу самым важным было таро, больше всего похожее на картофель. Раньше его выращивали на Орошаемых участках, а когда люди исчезли, таро продолжало расти на сырой почве ниже ручья. Над каждым корнем, словно зонт, простирался большой сердцевидный лист; рядом росли другие листья такой же формы, но еще шире. Под ними можно было спрятаться от дождя, ими же мы прикрывали тело, если гости из деревни заставляли нас в разгар купания.

Но и этим не исчерпывались богатства леса. Грушевидные плоды папайи величиной с дыню. Удивительно вкусные манго чуть больше сливы. Дикий ананас. Красные карликовые помидоры. Пандан с гроздьями плодов, напоминающих ядро ореха. Огромные бугристые сине-зеленые плоды тапо-тапо. Большое дерево было увешано великолепными плодами, вкусом и видом похожими на землянику, только величиной с кочан цветной капусты.

Мы пили минерализованную воду из прохладного источника и свежий сок апельсинов. Пили лимонный сок с мякотью, подслащенный сахарным тростником, и сок зеленых кокосовых орехов, которые не без труда удавалось сорвать на относительно молодых пальмах на склоне выше хижины. На Таити Фауфау научила Лив заваривать чудесный чай из сухих апельсиновых листьев. Сразу за хижинкой в чаще росли кофейные кусты, и нередко мы заводили речь о том, чтобы собрать и прожарить их красные ягоды, однако настолько пристрастились к апельсиновому чаю, что руки так и не дошли до сбора кофейных плодов.

Не только растения пережили своих владельцев. В лесу и на горных лугах бродили полчища псов, кошек, лошадей, овец и коз, чьи предки были ввезены на острова европейцами, а также длинномордые косматые дикие свиньи, доставленные самими полинезийцами. Маленькие плодовые крысы — забавные чистенькие зверьки, любимое блюдо полинезийцев, привезших их с собой на лодках, — лазили по деревьям перед нашими окнами и воровали апельсины. Точнее, спасали их от нас, двуногих воров. Если не считать птиц и китов, этим исчерпывался перечень теплокровных животных, которые добрались до здешних островов. Не было даже летучих мышей. Кстати, и змей не было.

По утрам далеко вверх в долине раздавалось кукареканье. Еще до прихода европейцев на большинстве полинезийских островов держали кур. На Фату-Хиве после смерти владельцев они часто уходили в лес и дичали. Иоане поделился с нами курами, но у нас не было для них загона, а обрезать им крылья мы не стали — попадут в лапы диким кошкам. И летали они себе на воле, словно дикие гуси, спали на высоких деревьях и спускались только поклевать объедки с нашего стола. Яйца откладывали где попало, так что чаще всего мы находили их, когда уже было поздно.

Подвесив на коромысло сплетенные из пальмовых листьев корзины, я большую часть дня бродил по лесу в поисках пищи. Одновременно я, выполняя задание моих прежних профессоров, собирал всякую мелюзгу, которую затем консервировал в пробирках, чтобы изучать пути миграции и микроэволюцию. Сам я не думал о возвращении в цивилизованное общество, но предполагал отправить с какой-нибудь шхуной зоологическую коллекцию специалистам для подробного изучения.

Наземная фауна Полинезии в целом и Фату-Хивы в частности была очень бедна по сравнению с животным миром материковых и континентальных островов. Но и то, что было, могло о многом порассказать. Под камнями, под сухими листьями, в зеленой чаще кишела всевозможная живность. Яркие тропические жуки и бабочки, большие и маленькие пауки, бесконечное разнообразие улиток в красивых многоцветных домиках. На разных склонах одной и той же долины или по обе стороны высокого гребня и улитки разные. Различия в фауне были обусловлены вариациями флоры. Я еще никогда не видел, чтобы растительность так заметно отличалась на сравнительно небольших расстояниях.

По мере того как наше знакомство с островом перестало ограничиваться долиной Омоа, мы осознали определяющую роль горной гряды Тауауохо для всей местной флоры и фауны. Чередование вершин и перевалов определяло движение облаков; от рельефа зависело, где выпадут дожди. Фату-Хива, как и вся Полинезия, расположен в полосе пассата, и облака в основном всегда идут в одном направлении — от Америки в сторону Азии. Там, где невысокие плато и перевалы свободно пропускали тучи, преобладала сухая погода. Основным элементом ландшафта в таких местах была саванна, кое-где попадалась даже полупустыня с желтой травой и папоротником. И тут же поблизости — густые заросли, а то и непроходимый дождевой лес. В середине острова, где высокие пики и гребни останавливали облака, где прохладный воздух на высоте конденсировал испарения над пропеченной солнцем землей, во второй половине дня горы накрывала облачная пелена и на пышную зелень обрушивался тропический ливень. Конечно, бывало, что шторм приходил со стороны океана, но вообще-то дождь был чисто местным, островным явлением. Как будто горные вершины для того и рвались вверх, чтобы доить скользящие в синем небе белые тучки, заставляя их день за днем поливать одни и те же места. Постоянное направление облаков и ветра определяло состав растительного и животного мира. Мы ни разу не видели, чтобы облако двигалось со стороны Азии к Америке. Путь в Азию шел, так сказать, под гору; я ощущал это буквально на собственной коже. И это же явление определило курс, по которому я много лет спустя следовал в своих плаваниях в Тихом океане.

Мы убедились, что верховья долины Омоа и прилегающие склоны непроходимы. За тысячи лет бурелом образовал сплошное сплетение, покрытое толстым слоем мха, паразитных папоротников и других травянистых, из которого росли молодые деревья и лианы. Пробираешься через такой участок, вдруг мшистый ковер под ногами расступается, и ты летишь вниз, на землю, исчезая с головой. Осторожно карабкаясь по скользким и гнилым стволам, мы порой тратили целый день на то, чтобы преодолеть ущелье шириной в несколько сот метров. Прокладывая себе путь ударами мачете, следовало все время быть начеку, чтобы не провалиться в коварную яму.

В таких местах даже древние полинезийцы, мастера покорения дикой природы, ничего не могли сделать. Недаром там не было никаких следов человека. В окрестностях нашей хижины лес был куда приветливее, тут мы, как только освоились, передвигались совершенно свободно и на каждом шагу встречали следы человеческой деятельности, чаще всего в виде обросших каменных террас и платформ паэ-паэ, которые служили фундаментом для жилищ. Попадались нам и останки людей: в пещерах и трещинах лежали плесневелые черепа и кости, а кое-где каменные плиты окружали охраняемые табу участки с целыми горами черепов. На тщательно обтесанных плитах ограды можно было увидеть высеченные фигуры с согнутыми коленями и поднятыми над головой руками, явно призванные отгонять злых духов и незваных гостей. Находили мы также идолов — каменные или деревянные скульптуры, изображающие толстого демона с круглыми глазами, широким ртом,

короткими ногами и сложенными на животе руками. У реки на камнях были высечены люди и морские животные, большие глаза, концентрические окружности и ямки с блюдце величиной. А огромный камень высоко на склоне над домом был обтесан в виде обозревающей долины черепахи. Возможно, эта черепаха служила жертвенным алтарем. Тогда ни один археолог еще не работал на Фату-Хиве. Покойный отец Вилли встречался с немецким исследователем Карлом фон Штейненом, когда тот в 1897 году посетил Маркизы, собирая этнографический материал для Берлинского музея. Три американских этнолога из музея Бишоп на Гаваях — Э. Хэнди с женой и Ральф Линтон — изучали культуру важнейших островов Маркизского архипелага, но раскопками никто не занимался.

Что ни шаг — новое открытие. Под нашими ногами быстро скопилась груда великолепно отшлифованных каменных орудий, маленьких фигурок и украшений из камня, раковин, черепахи или человеческой кости.

Только наши голоса звучали в долине. Мы чувствовали себя единственными уцелевшими после забытой катастрофы. Пробовали представить себе повседневную жизнь наших предшественников, их труд и праздники, радости и проблемы. Раньше мне были знакомы лишь безжизненные экзотические изделия, о которых я читал в Осло или которые рассматривал в берлинском Музее народоведения. Теперь я находил эти вещи там, где они были в обиходе; их форма и функция отвечали нашим собственным потребностям, и мы убеждались, что прежние владельцы решали свои проблемы самым естественным способом, который стал естественным и для нас тоже. Творцы древних орудий перестали быть для нас неведомыми чужаками, мы узнавали в них Териероо и Фауфау, наших друзей в деревне на берегу, самих себя. Или вернее: мы, современные люди, привыкли считать себя совершенно отличными от людей прошлого, а на самом деле — ничего подобного, пусть даже мы живем иначе, потому что сделали какие-то изобретения и начали по-другому одеваться. И я стал смотреть на антропологические науки уже не так однобоко, как смотрел дома, за письменным столом, когда пытался осмыслить противоречивые гипотезы исследователей, подчас не видевших ни одного пассатного облака и не бывавших ни на одном полинезийском острове. Вопрос о том, как обыкновенные полинезийцы, мужчины и женщины, за много столетий до знаменитых путешествий капитана Кука, Колумба, Марко Поло добрались до этих уединенных островов, начал занимать меня куда сильнее, нежели миграции каких-то жучков и улиток.

Шли недели. И в мозгу запечатлевались не столько маркизские изделия искусства и насекомые, сколько сознание того, что ты неотъемлемая, опекаемая частица природы, а не воюющий с ней беглец. Цивилизованный человек объявил войну среде, битва развернулась на всех материках и грозила охватить самые далекие острова. Сражаясь с природой, человек мог рассчитывать на победу в любом бою, кроме последнего, решающего. Потому что такая победа для нас равнозначна гибели: не может жить плод, обрубивший пуповину. Остальные живые организмы обойдутся без человека, как обходились раньше. Но человек не мог явиться на свет без них и не сможет жить, если они исчезнут. Жизнь на природе показывала нам ярче любого учебника биологии, что все живые существа взаимозависимы друг от друга. В городе мы пользовались благами среды косвенно. Теперь же стали частью среды и особенно остро ощутили, что природа

— большой коллектив, члены которого, сознательно или нет, служат единому целому. Идет всеобъемлющее сотрудничество друзей и врагов, прямо или косвенно обеспечивающее существование всех партнеров. Сотрудничество объединяет все звенья эволюции, и только человек выступил в роли одинокого бунтаря. Все, что ползает и цветет, все, что мы, люди, опрыскиваем ядами или закрываем асфальтом, добиваясь чистоты на улицах и в домах, так или иначе молчаливо служит нашему благу. Все это необходимо, чтобы билось сердце человека, чтобы мы могли дышать и есть.

Плетеные стены хижины пропускали лесной воздух, наполнявший наши легкие. Дома, когда нам был нужен свежий воздух, мы открывали окно или включали вентилятор. Теперь еще включают кондиционер. Кто при этом вспоминает о мельчайших организмах, творящих

столь нужный нам кислород? Пекарь снабжает нас хлебом, крестьянин — молоком, а воздух — он кругом, он доступен всем бесплатно. Но большие города и промышленные предприятия не могли бы существовать, не будь зеленых дебрей, не будь скрытых под землей корней, превращающих черную почву в зеленые листья, которые с утра до вечера производят кислород. Крохотные растения, почти незримые для невооруженного глаза, плавают зелеными былинками на поверхности всех морей. Вода вокруг скалистых берегов Фату-Хивы была окрашена ими в зеленый цвет, и рыбы паслись на морских пастбищах, а жители деревни ловили рыбу, хотя и не знали о роли планктона. Планктон — это ночесветки, переливающиеся драгоценными камнями в ночи. Но эти драгоценные камни не купишь и не продашь. И никто не рассказывал людям, живущим в устье реки, чем же нам дорог планктон.

Никто не рассказывал им, что все живое обязано своим существованием этой зеленой пыли. До того, как фитопланктон принялся производить первые молекулы кислорода, в море не было рыб. И пока тот же невзрачный планктон не накопил над поверхностью океана достаточно кислорода, чтобы планету окутала атмосфера, не могли существовать никакие летающие, ползающие, прыгающие, лазающие или шагающие существа. Цивилизованный человек узнал об этом благодаря современной науке. Мы помним об этом, однако наше знание не повлияло на наше поведение. Непросвещенные жители островной деревушки загрязняли чистую воду реки, впадающей в море. Точно так же, только в гораздо больших масштабах, загрязняют реки современная индустрия и города всего мира. Все, независимо от степени ядовитости, спускается в море. Океан представляется нам таким же бесконечным, каким он представлялся невежественному дикарю, хотя Колумб доказывал обратное. Дышать — это так естественно, где уж тут задумываться о судьбах планктона и лесных дебрей.

Лежа на нарах в щелеватой хижине, мы ощущали животворное теплое дыхание девственных дебрей. Что выдыхал дождевой лес, то мы вдыхали, и наоборот. Мы были объединены с окружающей нас средой в общей пульсации, в одном часовом механизме, в бесконечном процессе, в неведомом остановах поточном производстве. Кусты и деревья позволяли животным дышать; в ответ животные, включая и нас, поставляли углекислый газ и удобрения. Щедрее всех удобряли землю Фату-Хивы крупные травоядные, но и маленький дикий пес старательно поднимал ножку около ствола, чтобы ни одна капля не пропала даром. Жуки и черви не хуже прилежного земледельца перекапывали почву, прокладывая путь для голодных корней, которые вслепую тянулись вниз/ Прилежные санитары разного рода — от двуногих птиц и четвероногих млекопитающих до шестиногих насекомых и безногих бактерий — уничтожали падаль и содержали дебри в чистоте. Они удаляли все зловонное, и цветы наполняли воздух чудесным благоуханием.

Девственный лес обеспечен уходом, и красота его выполняет ту же роль, что благоухание, она бодрит и привлекает. Красоту в тысячах проявлений мы наблюдали повсюду, от земли до высоких крон. Даже самый пресыщенный человек восхитился бы зрелищем великолепных орхидей, облепивших мшистые ветви, а стройные гибискусы развесили над рекой букеты розовых, красных и синих цветков. Крохотные летуны с трепетными усиками и с глазами на стебельках тоже отзывались «на красоту, когда обольстительный цветок манил восхитительными красками и приятной трапезой в обмен за маленькую услугу — перенести немного цветочной пыли и способствовать размножению того, кто сам не способен передвигаться. У каждого цветка был свой хитроумный способ заставить насекомых коснуться тычинок на пути к нектару.

Мы кормились с того же стола, что бабочки и прочие животные, пища сыпалась нам на голову, стволы и ветви подавали блюда, приготовленные из соков земли. И мы не заставляли себя упрашивать, ели все, что нас привлекало, воспринимая пищу как нечто само собой разумеющееся, как воздух, которым дышали. Лишь иногда сознание словно пробуждалось от дремоты, навеянной гипнотическим воздействием окружающей природы, и мы в отличие от наших шестиногих и четвероногих компаньонов задавали себе наивные вопросы. Уплетаешь лакомый плод — вдруг твой взгляд останавливается на подарившем его недвижимом дереве,

и ты спрашиваешь себя, как это получается, что этот ствол производит деликатесы, совершенно отличные по виду и вкусу от тех, что вызревают на соседнем дереве. Щепка апельсинового дерева мало чем отличалась от щепки манго или хлебного дерева, и почва та же самая, однако на своем пути от корней к макушке ее отфильтрованные соки превращаются в совершенно различные продукты. Стволы, заурядная древесина, кормили нас не хуже самого искусного шеф-повара. Сырье — то же самое, из которого ребенок лепит «пирожки», играя на дворе. Лучший в мире повар, дай ему любые приправы и специи, не смог бы превратить глину в разнообразные вкусные блюда, какими нас потчевали безмолвные деревья. Такое под силу только волшебнику. В лесу волшебники окружали нас со всех сторон.

Однажды, возвращаясь с тяжелой, хотя и привычной уже ношей феи, я присел отдохнуть под цветущим деревцом. Солнечные зайчики играли на блестящих листьях, и я заметил маленького яркого паучка, он спускался вниз на тонкой шелковистой нити, которую сам же и производил. Не добравшись до земли, он как будто передумал и торопливо полез обратно на лист, оставив блестящую нить покачиваться на слабом ветерке. Казалось, паучок чего-то терпеливо ждет. Но разве одна нить может служить ловушкой? Я никогда не любил пауков, воспринимал их как убийц и гангстеров в мире животных: сидят в засаде, вооруженные смертоносным оружием, и набрасываются на ни в чем не повинных букашек, нимфами порхающих в воздухе. Однако на Фату-Хиве мой взгляд переменялся. Здесь в роли нимф выступали рои комаров, а они день и ночь нещадно жалили нас, так что мы перестали сметать паутину под потолком — она заменяла липкую бумагу. Мы научились быть благодарными паукам и крохотным ящеричкам, которые прятались в плетенке из пальмовых листьев и помогали нам сражаться с комариными полчищами. Если разобраться, то чем паук хуже красивой кукушки или маленьких безобидных вьюрков, живущих точно такой же добычей? И коли уж на то пошло, что было бы с нами, если бы прирост лесного населения никак не регулировался? Все виды размножились бы сверх всякой меры, и часовой механизм природы остановился бы из-за перенаселенности.

Дуновение ветра было едва заметно, но невесомой шелковистой ниточке и того было достаточно: она вытянулась почти горизонтально и вскоре зацепилась за ветку на другом деревце. Паучок-легковес тотчас побежал по нити, словно канатоходец. Я решил, что он хочет освободить зацепившийся конец. Ничего подобного! Натянув задними ногами нить потуже, паук хорошенько закрепил ее. У него явно был намечен какой-то план. По натянутой нити он вернулся на пер — вое деревцо и поднялся чуть выше, на другую ветку. При этом он тянул за собой вторую нить, которую и закрепил над первой. Закрепил — снова в путь. Тщательно и планомерно выбирая точки для закрепления нити, маленький искусник довольно скоро натянул раму, и можно было приступать к плетению ловушки для лакомой крылатой добычи.

С разных точек верхней нити паучок спускался вниз, соединяя все горизонтальные нити. При этом он сдвигался чуть влево или вправо, закрепляя новую нить в заранее рассчитанной точке так, что все нити перекрещивались в центре, будто спицы на оси. Казалось, крохотный ткач пользуется точнейшими инструментами. Я помнил из зоологии, что эти нити не липкие, паучок может спокойно бегать по ним. Но вернувшись затем в центр паутины, он приготовился включать другие железы. Теперь паучок пошел по спирали, разматывая нить из вязкого секрета, на которую он избегал ступать. Он удалялся от центра, и закрепленная за спицы спираль становилась все шире. Закончив плетение паутины, паучок вернулся на ветку и принялся ткать укрытие в виде трубочки. Здесь создатель хитрой ловушки мог сидеть и ждать «поклевки».

Кто скажет, что происходило в мозгу крохотного создания, засевшего в уютной водонепроницаемой норке? Паук притаился, точно рыболов с удочкой, и ждал награды за свой труд, сплетя ловушку не менее злокозненную, чем сеть рыбака или жердь с клеем в руках птицелова.

Я вернулся в хижину, испытывая зверский аппетит. У меня тоже была задумана

ловушка. Последние дни мы с Лив заметили, что нашим желудкам, привычным к европейской пище, мало одних только фруктов да орехов. От перемены пищи сосало под ложечкой. Мы не были по-настоящему голодны, а были просто избалованы. Дурацкое чувство: наешься до отвала, на бамбуковом столе остаются лежать хлебные плоды, таро и кокосовые орехи, а все равно хочется есть. Дары леса не приедались, но и не насыщали, сколько ни набивай ими живот. Однажды ночью мне приснился сочный бифштекс, и я даже рассердился, когда Лив разбудила меня.

Надо было принимать меры. Я нацепил на пояс мачете и пошел вверх по склону за тонким бамбуком. Он понадобился мне для верши, чтобы ловить в реке раков. Они были очень пугливые — может быть, из-за диких кошек. Держа в левой руке любимое лакомство рака — кусочек кокосового ореха, выманиваешь его из норы, но только хочешь схватить правой, как он вильнул хвостом и был таков. Кажется, уже протянул за приманкой свои здоровенные клешни, этакие окаменелые варезжки, но глаза на стебельках все примечают, не позволяют твоей руке обмануть его. И я сплел из бамбуковых прутьев свою первую неуклюжую вершу. Приманка — кокосовый орех; теперь можно прятаться в свое укрытие и ждать поклевки.

На другое утро я исполнил восторженный танец, обнаружив, что верша битком набита шуршащими серо-черными раками длиной с палец, не считая клешней. Я переложил их в корзину, отнес под навес, где Лив, сидя на корточках, пекла феи, и мы устроили настоящий пир. Это кулинарное событие запомнилось нам навсегда. Сперва мы съели хвост и брюшко, потом принялись разгрызать сочные клешни, запивая их содержимое лимонным соком. Феи с кокосовым соусом показались нам вкуснее, чем когда-либо. Мы по-настоящему насытились и были счастливы. К нашим услугам был новый источник пищи. Река кишела раками, а заодно с ними в вершу попадали маленькие голубые рыбки.

Солнечные зайчики веселее прежнего играли на золотистых стенах бамбуковой хижины. У нас было все, мы ни в чем не нуждались. Тем более — в цивилизации.

Белые люди, черные тени

Полный покой. Белые голуби подчеркивают атмосферу гармонии. Они парят вокруг высокой пальмы, которая отбрасывает тень на мою спину: я стою на коленях в прозрачной речушке, приманивая бамбуковую вершу между скользкими камнями.

Внезапно я ощутил чье-то присутствие, выбрался на берег и поспешил прикрыть наготу набедренной повязкой. Хрустнула галька, и сквозь высокий папоротник я разглядел черную челку и тонкое древко копья. Вдоль берега, пригнувшись, крался незнакомый человек. Лицо недоброе, черты скорее меланезийские, чем полинезийские: широкий нос, короткие вьющиеся волосы, почти черная кожа.

Он был настолько поглощен своим делом, что не заметил меня. Держа в одной руке большой калebas, в другой — двухметровое копьё, он не спеша шагал по воде и выплевывал в речку разжеванный кокосовый орех.

Вот замахнулся копьем, ударил, и на острие забился польстившийся на приманку крупный рак. В калebasе его уже ждали другие раки.

— Каоха нуи, — крикнул я чужаку, старательно выговаривая полинезийские слова.

Островитянин поднял голову и подошел ко мне.

— Бонжур, мсье, — спокойно приветствовал он меня, подавая с вежливым поклоном руку.

— Ты говоришь по-французски?

— Немного. Я — Пакееее, протестантский священник.

Пакееее, приятель Териероо по миссионерской школе на Таити! У меня хранилось адресованное ему письмо таитянского вождя. Как-то раз я попытался выяснить у Иоане, где можно найти Пакееее, но тот лишь пожал плечами и покачал головой. Я решил, что Пакееее покинул остров. А он вот стоит передо мной! Я привел его к нашей бамбуковой

хижине и отдал письмо. Обрадованный, но и озадаченный, Пакееее с моей помощью разобрался в витиеватом почерке Териероо; письмо содержало просьбу уделить нам особое внимание, ведь мы не только усыновлены вождем, но принадлежим, подобно самому Пакееее и Териероо, к протестантской церкви.

Пакееее очень серьезно воспринял просьбу Териероо и удалился, чтобы продумать, как лучше выполнить просьбу своего таитянского друга. Он попросил на подготовку два дня, после чего нас пригласили на роскошный пир. Торжество состоялось в деревне, в дощатой лачуге Пакееее. Три дня длилось великолепное пиршество с ритуальным оттенком. Завтрак, обед, ужин. Не успеешь встать из-за стола и, пошатываясь, отойти в сторонку, как тебя снова зовут есть. Священник и его семейство заготовили припасы в курятнике, в свинарнике, на деревьях и на море; теперь женщины и дети, вооруженные длинными палками и огромными листьями, хлопотали на кухне, и сквозь щели в бамбуковых стенах сочился дым и распространялся заманчивый аромат.

Кроме нас и священника за столом сидел всего один человек — пономарь. Женщины и дети ели на полу. А пономарем оказался не кто иной, как Тиоти, тот самый долговязый чудаков с большим зубом и соломенной шляпой. Радость свидания с этим дружелюбным весельчаком была обоюдной. Он обнажил щербатый рот в широкой улыбке, и лицо его избороздили добрые складки.

Священник не скрывал, что праздник в его доме предназначен только для протестантов. Местные католики торчали за оградой и глядели, как мы уписываем жареную свинину и курятину. Среди них был наш друг Иоане, заметно чем-то удрученный.

— А много здесь, на Фату-Хиве, протестантов? — вежливо справился я, когда хозяин громкой отрывкой подвел итог первой трапезе.

Пакееее вытер губы, подумал, посчитал по пальцам.

— Нет, — с сожалением произнес он. — Католиков больше. Когда патер Викторин навещает остров, он раздает людям много сахара и риса.

— Ну а сколько же все-таки протестантов? — настаивал я.

Священник снова посчитал по пальцам.

— Один умер, — сказал он. — Остаемся мы с пономарем.

Он смущенно улыбнулся и добавил:

— Раньше был еще один, но он переехал на Таити.

На третий день мы были уже не в состоянии есть, да и припасы на кухне кончились. Мы с трудом поднялись на ноги. Тиоти принес трубу, сделанную из огромной раковины с отверстием в одном конце. Выйдя на тропинку, он потрубил раз, другой, третий... Три протяжных сигнала, таких громких, что они отдались в ближних склонах. Потом вернулся, и мы сели ждать.

Странная церемония повторилась еще два раза. Наконец священник встал и объявил, что ему и пономарю пора в церковь, сегодня воскресенье. Рядом с дощатой хижинкой Пакееее приютилась лачуга из бамбуковой плетенки без окон, крытая пальмовыми листьями. Это и была протестантская церковь. Священник и пономарь зашли туда, а мы с Лив двинулись вверх по долине, унося в зеленых корзинах прощальные подарки. Почему-то нас в церковь не пригласили. Поблизости от пляжа стояла дощатая церковь католиков — белая, с железной крышей и настоящим шпилем. Католики на Фату-Хиве явно преуспели больше, чем протестанты.

Пакееее положил в наши корзины кроме того, что осталось на столе, еще и различные диковины. С удивлением обнаружил я в одном мешочке большой обломок белого коралла. Учебники утверждали, что здесь не может быть кораллов: дескать, во всей Маркизской группе нет барьерных рифов. Маркизские пляжи как раз были знамениты черным вулканическим песком в отличие от белых коралловых пляжей других полинезийских островов. Тем не менее Тиоти утверждал, что коралл найден им на Фату-Хиве, и есть место, где его даже очень много. Зоологическая загадка!

И вот через несколько дней в обществе долговязого Тиоти и его милой маленькой

супруги мы на рассвете отправились на пустынный пляж с белыми кораллами, который, по их словам, назывался Тахаоа.

Путь был сложный и утомительный. Выйдя из бухты Омоа, надо было лезть через большие камни, которые громоздились у подножия обрыва. Справа прибой разбивался о камни, и вода бурлила у нас под ногами; слева к синему небу вздымалась ржаво-красная стена. Каждый день, особенно после дождя, сверху на узкий проход сыпались обломки. Волны бодали стену, и кое-где нам приходилось спасаться на высоких глыбах, но и там нас обдавали соленые брызги. Наконец осыпь кончилась, и мы ступили на узкую полочку из застывшей лавы. Вода и вулканизм изваяли причудливые конструкции и гроты. Мы пробирались по естественным мостикам, заглядывали в трещины, из которых фонтаном била вода, нагнетаемая ревущим накатом. В одном месте будто незримый поезд с гулом несся в толще горы, а из отверстия над нашими головами вырывался форменный гейзер.

Мы с Лив тщательно выбирали опору, чтобы не порезать ноги об острую лаву, а наши друзья лихо прыгали, словно на пружинном матрасе. С такими ступнями, как у них, хоть по битому стеклу ходи.

Около полудня, обогнув выступ скалы, мы соскочили на красивый пляж. Тахаоа... Я не верил своим глазам. Вдоль открытого берега на километр тянулся ослепительно белый песок с белоснежными глыбами коралла. Пляж омывала широкая полоса мелководья; неровное дно представляло собой лабиринт из рифов и заводей. Нависающие горы подступали к воде почти вплотную, оставив место лишь для редких пальм и кустарников.

Красивое место, но и жуткое. Сплошной каменный барьер преграждал путь внутри острова, вынуждая гостей жаться к морю. Единственным укрытием от камнепада служила неглубокая пещера. Я заметил ее как возможное убежище, не подозревая, что много месяцев спустя мы и впрямь будем искать здесь спасения, правда, не от камнепада, а от других опасностей.

Удивительно светло было в Тахаоа. Солнечные зайчики на зеркальных заводях и сверкающий песок с отшлифованными водой коралловыми глыбами буквально слепили глаза. Сахарно-белый песок образовался из крошек коралла и миллионов ракушек. Бушующие каскады прибоя, перехлестывая через барьерный риф, пополняли свежими ручейками красно-желто-зеленый бассейн вдоль пляжа, похожий на аквариум, — но какой аквариум! Мы в жизни не видели ничего подобного.

На берегу лежали груды больших и малых раковин: цвета леопардовой шкуры, гладкие, похожие на тюрбан, на конус, на пузырь, двустворчатые, зубчатые, домики морского ушка и множество других. Одни лишь тропики способны создать такое пестрое разнообразие. В кишасих жизнью соленых заводях копошились моллюски, окруженные морскими ежами, звездами, ракообразными. Водоросли и морские анемоны образовали живой гобелен всех цветов радуги. Подводный сад и палитра живописца соединились тут. Всюду сновали, лежали, металась рыбы самой различной окраски и формы: пятнистые и полосатые, толстые, как груша, и тонкие, как палочка, даже плоские, словно блин. Наверно, художник, который делал наброски для этого сказочного мира, и изобретатель, воплотивший их в жизнь, располагали неограниченными ресурсами и неистощимым чувством юмора. Не все ли равно, как называть гения, добившегося таких результатов: аллах, создатель, законы эволюции...

Это здесь наш друг, пономарь Тиоти, нашел огромную раковину, в которую он трубил, призывая протестантов Омоа в бамбуковую церковку Пакееее. Привлекли его сигнал протестантов и католиков в Тахаоа, они очутились бы в храме, стены которого вздымались до самого неба, а убранство было выполнено во вкусе единого творца. Вера в разных богов рождается там, где их заточают среди стен и изображений, сделанных людьми...

На рифе Тахаоа нами овладело какое-то приподнятое, воскресное настроение. Может быть, потому, что обитатели заводей смахивали на курортников, которые неторопливо прогуливаются взад-вперед в нарядных одеждах. И так же неспешно парили в небе над ними морские птицы. У каждого вида — свой облик, своя расцветка, каждый обладает особым хитроумным органом, присущим только ему одному. И наряды до того роскошные, что

взгляд невольно искал на рифе некоего венценосного зрителя, на которого, казалось, и была рассчитана эта сказочная демонстрация красоты.

Недавний студент-биолог, я тотчас обратил внимание на стабильное и тонкое равновесие между видами в этом морском сообществе, не ведавшем вмешательства человека. За миллионы лет ни один вид не стал единоличным властелином за счет других. Все рыбы, все моллюски выглядели здоровыми и упитанными. Если бы численность какого-то вида возросла чрезмерно, избыток тотчас был бы автоматически сведен на нет. То ли нехваткой корма для данного вида, то ли временным ростом плодовитости другого вида, которому он служил пищей. Жизненно важное равновесие между видами обеспечивалось приспособлениями для защиты и нападения. Прочные раковины, играющие роль брони и щита, суставчатые латы с шипами и колючками, хитроумные способы бегства и камуфляжа, кинжалы и копья, пилы и крючья, клещи и пинцеты, силки и капканы, присоски, электрические заряды, парализующие химикалии — вот часть бесчисленных вспомогательных средств, которыми располагало морское сообщество. Все это было дано от рождения и служило надежной гарантией существования коллектива, где каждый зависел от других.

Мы знали, что за полосой прибой ходят огромные акулы. Но по мелким заводям можно было бродить спокойно, не боясь нападения людоедов. Только старайся не наступать на ядовитых черных морских ежей да остерегайся свирепых мурен — они достигали изрядных размеров на Маркизах. Правда, Тиоти заверил нас, что мурен на рифе не так уж много. Лив удивилась. Почему? Почему весь риф не заняли хищные твари, достаточно сильные и прожорливые, чтобы прикончить снующих на мелководье маленьких симпатичных созданий?

Я напомнил ей: в тропическом океане действует тот же закон природы, что в норвежских горах. Занимаясь в университете зоологией, я особенно интересовался механизмом, который обеспечивает постоянное равновесие между популяциями хищников и мелких грызунов в горах Скандинавии. Вместе с несколькими однокурсниками, увлеченными этим вопросом, я во время экскурсий и на каникулах изучал вариации фауны; мы чертили кривые, отражающие численность популяций. В иные годы лемминг размножался в таких несметных количествах, что стада этого крохотного грызуна отправлялись в свои знаменитые странствия. Самка лемминга способна приносить по восьми детенышей каждые три недели; в свою очередь новое поколение достигает половозрелости на пятнадцатый день. В урожайные годы полчища золотистых в черную крапинку короткохвостых грызунов бесстрашно идут вперед, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Пересекая озера и реки, многие из них тонут и загрязняют воду. У полевых мышей известны годы интенсивного размножения, когда они становятся угрозой для всего окружающего. Но тут наглядно вступает в силу неписанный и до сих пор не объясненный до конца природный закон равновесия. Обилие корма вызывает повышенную плодовитость хищных зверей и птиц. Растут пометы лис и ласок, ястреб и сокол откладывают больше яиц. Некоторые животные приносят два помета в сезон вместо обычного одного. Прибавляется хищников — они уничтожают избыток грызунов, и на следующий год кривые снова показывают нормальное количество мышей и леммингов. Возросшим популяциям хищных птиц, лис и других животных приходится усиленно искать корм, но его не хватает, и численность популяции возвращается к норме. Среда автоматически восстанавливает равновесие между видами.

— Только человек с его современным оружием и орудиями лова может нарушить равновесие среды, — говорил я. — Мурена на это не способна. Она довольствуется тем, что мечет икру и ловит ровно столько, сколько нужно, чтобы заполнять нишу, отведенную ей со времен Адама, Лив и я радовались тому, что мир так велик. Казалось, нас отделяет бесконечное расстояние от наших семей в Норвегии. В наиболее цивилизованных странах человек почти совсем истребил дичь в лесах и рыбу в озерах, но необозримым дебрям Африки и Бразилии ничто не угрожало, и безбрежный океан представлялся нам

неисчерпаемым. Мы очутились так далеко от цивилизации, словно исследовали другую планету.

Лив внимательно выслушала мою краткую лекцию о контроле рождаемости в мире животных, потом поинтересовалась, как это животные настолько точно соблюдают закон равновесия, что у каждой пары в среднем вырастает два детеныша. Она ведь изучала социальные науки и усвоила: чтобы численность населения держалась на одном уровне, в семье должно быть двое детей. Если у каждой пары животных будет выживать больше двух детенышей, наступит перенаселение, если меньше — вид вымрет. Одна рыба выметывает до ста тысяч икринок. Откуда мурена знает, что съела ровно 99998?

Да, задала она мне задачу... В моих учебниках не было ответа на этот вопрос.

Я нагнулся к самой воде, присмотрелся. Красные рыбешки тотчас почували опасность, метнулись в сторону и замерли над пучком красных водорослей, где их было труднее увидеть. Я попробовал поймать рукой несколько голубых рыбешек. Они мигом укрылись между торчащими иглами ядовитого черного морского ежа. Каким-то образом они знали, что здесь надежно защищены от врага. Каждая игла оканчивалась коварной зазубриной, обломится в ранке — ни за что не вытащишь. Почувяв приближение моей руки, раковины спешили сомкнуть створки — пальцами не откроешь. Маленький испуганный осьминог дал задний ход, прячась за собственной дымовой завесой, потом включил свой реактивный двигатель и ракетой унесся прочь.

Мне удалось схватить краба, который махал клешнями и усиками, тарача на меня глаза робота. Он продолжал копошиться в моей руке, словно заводная игрушка, и норовил ущипнуть своими окаменевшими рукавичками. Вернулась Лив с таким лицом, как будто нашла ларчик с сокровищами. Она принесла в подоле своего пареу сверкающих жемчужниц, морское ушко и каури. Но ее опять ждало разочарование: хоть я изучал зоологию, однако ничего не мог рассказать о брачных церемониях этих диковинных созданий. А также о том, как они различают нужную им пищу.

— Инстинкт, — сказал я.

— Инстинкт, — повторила она. — Пустое слово.

— Наука должна как-то обозначать словами даже то, чего мы не понимаем,

— ответил я. — Возьми силу тяготения. Мы не знаем, что за сила позволяет нам ходить в противоположных концах круглой планеты, но называем ее силой тяготения. Да, неизвестное тоже надо как-то называть.

— Вот и «инстинкт» этот — одна маскировка, — настаивала Лив. — Ученые прячутся за термин, чтобы скрыть от людей, что не знают ответа.

Крабы и голожаберные, говорила она, ни за что не выжили бы, если бы руководствовались в своих действиях данным им рассудком. Но коль скоро господин Краб не способен рассуждать, значит, за него кто-то рассуждает. Назови это святым духом — религия, назови инстинктом — наука.

— Вот именно, — согласился я. — Важно найти для неведомого подходящее слово.

Тем временем Тиоти пронзил деревянным копьём большую красно-зеленую рыбину и принялся нарезать ее маленькими кубиками. Его жена положила эти кубики в лаймовый сок, который выдавила из плодов в ямку на камне. Полежи они в соку ночь, вышло бы отменное лакомство, потому что лайм перебивает вкус сырой рыбы, а так для Лив получилось все же сыровато. Она тайком опустила свой кубик в море и проводила его таким взглядом, словно ждала, что он сейчас сам поплывет.

Жена Тиоти разбила камнем несколько морских улиток величиной с грецкий орех. Окунешь такую улитку в лаймовый сок, получится не хуже отборной устрицы. Однако подлинным испытанием явилось для нас третье блюдо. Нам подали по колючему морскому ежу! Шипы угрожающе шевелились: попробуй, тронь... Мы уже привыкли есть пальцами, но как подступиться к этим живым булавам? Я поглядел на Тиоти. Он ловко поднял своего ежа за длинный шип и одним ударом разбил его о белый коралловый стол.

— Этот не ядовитый, — объяснил он, засовывая палец внутрь разбитой раковины.

Ее зеленое и розовое содержимое видом напоминало тухлое яйцо. Я отведал, потом посоветовал Лив собраться с духом и представить себе шпинат и яичницу с томатным соусом. Она пренебрегла моим советом и сказала своему ежу: «Кш!» — словно пушистого котенка прогоняла. После чего предложила мне отведать голожаберного моллюска и представить себе, что я ем сосиски...

Через несколько дней после первой экскурсии Тиоти пришел к нам с новым заманчивым предложением. Он заметил, что нас заинтересовала живность в заводях Тахаоа. Не хотим ли мы теперь посмотреть на большую и'а те кеа — каменную рыбу? Самодельный словарь помогал нам постепенно осваивать местный язык, но Тиоти для полной ясности положил ладонь на камень, чтобы мы поняли, о чем идет речь. Мы решили, что он знает место, где водятся морские черепахи, однако Тиоти изобразил пальцем на плоской поверхности камня очертания рыбы.

На вулканическом острове — древние окаменелости? Невероятно! Все же было бы глупо пренебречь предложением Тиоти — как-никак, он показал нам кораллы там, где их, по мнению ученых-знатоков, быть не должно. Итак, я взял мачете, и мы с Лив отправились с пономарем в новую экскурсию для знакомства с биологической диковиной. Роль проводников исполняли два других островитянина, которые первыми нашли загадочную рыбу.

Чокк! Чокк! Чокк!

Мачете рубит ветви и ползучие растения, мы прокладываем себе путь по старой, заросшей тропе в джунглях. Вверх по долине, в сторону от моря и живых рыб. Впереди, над горами Тауаоуохо, нависли черные тучи. Царила небывалая духота, мы обливались потом. Устроили привал на старой расчистке, где высоко над пологом леса поднимались стройные кокосовые пальмы. Пономарь в соломенной шляпе обнял ближайшую пальму, выгнув спину дугой и пошел вверх по стволу, словно по стремянке. Мшистый ствол достигал высоты пятнадцатизэтажного дома, крона развевалась в полусотне метров над землей. Не успели мы освежиться сладким соком небесных плодов, как листва зашуршала от резкого порыва ветра, предвещавшего тропический ливень. Точно падающие сверху каскады воды теснили застоявшийся воздух. Птицы спешили укрыться от катящего вниз по долине шумного ливня, и мы поторопились вооружиться зелеными листьями-зонтиками. Внезапно похолодало, мы стучали зубами и не знали, горевать или веселиться. Столько осадков, сколько в умеренных широтах выпадает за несколько суток, здесь обрушилось на лес сразу. Вскоре сквозь тающий туман выглянуло солнце и нарисовало мирную радугу над пальмовыми кронами.

Мы отбросили зеленые зонты и стали пробиваться дальше через мокрые заросли. Впереди показался склон, под склоном журчала речушка. Деревья тут стояли не так густо: могучий лесной великан, рухнув на землю, при падении захватил соседей. Мы услышали, что это было священное дерево, давным-давно посаженное предками. У вывороченного корня, под прикрытием кофейных кустов, лежали две огромные каменные плиты.

Тиоти показал: глядите, рыба!

В самом деле. На одном камне было высечено двухметровое изображение рыбы — голова, плавники, все, как положено. Не окаменелость, а первое наскальное изображение, обнаруженное на Фату-Хиве. И единственное в своем роде во всей Полинезии. На других островах Маркизской группы найдены наскальные изображения небольших человеческих фигур, но тут была огромная рыба, украшенная ямками и символическими знаками. Ее окружали напоминающие глаз солнечные символы — точка и концентрические круги. Я снова пустил в ход мачете. Общими силами мы расчистили корни и дерн, затем прутьями и папоротником смели мусор с камня. Обнажились другие изображения.

— Тики, — торжественно прошептал Тиоти, глядя на них округлившимися глазами. — Менуи тики.

Боги. Много богов.

Древние магические большеглазые лики снова увидели дневной свет. Над спинным плавником рыбы был высечен демон с глазом в виде концентрических кругов. У некоторых

ликов были намечены только глаза и рот; по всему камню тарачились обозначенные кольцами огромные глаза. Встречались и человеческие фигуры с согнутыми руками и ногами; кроме того, я увидел черепаху, непонятные символы и еще одно изображение, которое много лет оставалось для меня совершенной загадкой: серповидное судно с непомерно высокими носом и кормой, двойной мачтой и рядами весел. Современные нам маркизцы пользовались плоскодонными долбленками и бревенчатыми плотами. Серповидное судно скорее напоминало папирусные и камышовые лодки древнего Египта и Перу, а не прямую полинезийскую пирогу, хотя в прошлом пирогам для украшения наращивали корму и нос. Разбросанные по камню изображения глаза тоже указывали на древнюю Америку. Один немецкий исследователь изучал распространение этого символа и пришел к выводу, что он говорит о давних контактах между островами Полинезии и Америкой, ведь во всей Тихоокеанской области этот орнамент встречается только в двух указанных местах, притом в совершенно одинаковом виде ⁴.

Вечерело, в изменившемся освещении тени заполнили малейшие углубления в камне, и мы вдруг увидели глаза, высеченные на боковой грани алтареподобной платформы поблизости. Лес притих после дождя. Возле нас над лесным пологом вздымался шпиль из красной лавы, словно охраняющий древнюю загадку кинжал. Наши проводники заторопились домой.

Луна озаряла мокрые пальмовые кроны в долине, когда мы, сидя на нарах в своей хижине на королевской террасе, принялись обсуждать сделанное в этот день открытие. Меня не покидало чувство, что нас окружают незримые ключи к давней загадке. Кто высек на камне глаза-символы и необычное судно? Почему все исследователи расходятся во мнении о прародине полинезийцев? Каждый судит по-своему, хотя лица большинства исследователей обращены в сторону «далекой Азии». Но если древние маркизцы вышли из Азии, их лодкам пришлось обогнуть треть земного шара, борясь при этом с встречными ветрами и течениями.

С новой силой вспыхнул мой давний интерес к неразгаданной тайне происхождения полинезийцев. Может быть, именно каменная рыба Тиоти — не окаменелость, а наскальное изображение — оказалась последней каплей, которая на всю жизнь переключила мое увлечение из области зоологии в область антропологии. Естественный шаг — от трансокеанских странствий животных до трансокеанских странствий людей. С того дня, добывая в лесу хлеб насущный, я искал под камнями и листьями не столько жуков и улиток, сколько наскальные изображения и заброшенные жилища. Мелюзги в пробирках и банках почти не прибавлялось, зато росла моя коллекция мелкой каменной скульптуры и других археологических находок. Пришлось обратиться к Вилли за ящиками для громоздившейся у нас под полом груды костей и обработанного камня.

...Под вечер, после долгого похода за плодами в верхнюю часть долины, мы с Лив решили освежиться в речушке. Удобно сидя каждый в своей заводи, мы уписывали апельсины и сочные горные манго. Широкие листья на берегу прикрывали нас от жгучего солнца, и мы наслаждались жизнью. Птицы, цветы... Мы спрашивали друг друга: чего еще нам не хватает? И оба были согласны, что у нас есть все, чего душе угодно. Мыли ноги кокосовым маслом, оттирали пемзой налипшую на руках смолу.

Освеженные купанием, мы вылезли на берег и пошли вверх к хижине. Я нес полную вершу раков, Лив надергала из земли крупные корни таро. Все, что надо для обеда.

В это время на тропе позади нас появился одинокий всадник. Он направлялся вверх по долине за плодами хлебного дерева и взялся передать нам от Пакееее аккуратно завернутую в зеленые банановые листья свинину. Больше недели мы не видели никого из островитян. Всадник был бледный, изможденный, говорил хриплым голосом. Нас будто холодом обдало, когда он спросил, не дошла ли до нас чума. Да-да, шхуна «Моана» пришла в Ханававе за

⁴ H. Schurtz. Das Augenornament und verwandte Probleme. Abh. Phil. — Hist. Kl. Kgl. Sachs. Ges. Wiss., vol. XV, N 2. Leipzig, 1895. Heyerdahl. American Indians in the Pacific. London — Chicago, 1952, p. 116-119.

копрой и привезла с собой чуму, которая распространилась на весь остров. В Омоа ее занесли на лодке люди из Ханававе. Многие умерли. Самому всаднику повезло, уже поправляется. Сворачивая на тропинку, уходящую в глубь леса, он криво усмехнулся и успокоил нас: мол, мы живем далеко от берега, до нас чума не скоро доберется.

На мгновение мы потеряли дар речи. Посмотрели на свои руки, на зеленый сверток со свиной. Вот тебе и земной рай! На острове чума. Доберется и до нашего убежища.

Мы поспешили еще раз хорошенько вымыться. Сожгли банановые листья и зажарили мясо. Но аппетит пропал. Даже раки нас не соблазняли. Долго мы сидели молча и глядели на луну, потом легли спать.

Несколько дней прошло в ожидании. Затем появились первые симптомы, и мы приготовились к худшему. Однако у меня все дело свелось к легкой ангине, а Лив вынуждена была частенько бегать в лес. И только. Возможно, у нас слегка повысилась температура, но без градусника мы не могли ее измерить. Вот так чума. Мы смеялись. Обыкновенный легкий грипп.

Вскоре в дверь нашей бамбуковой хижины постучался неунывающий пономарь. Однако на сей раз Тиоти не улыбался. Он еле держался на ногах. Мы едва узнали нашего долговязого весельчака: лицо бледное, кашель, воспаленные глаза.

Держа в руках свою шляпу, он спросил, не могу ли я спуститься в деревню и сфотографировать его последнего сына? Чума унесла всех детей...

Сутулясь, Тиоти медленно повел нас вниз по тропе.

В деревне царил траур. Люди резали поросят, в большинстве хижин шли поминки. Настроение было унылое, мрачное. Исчезли красочные пареу. Несмотря на жару, мужчины ходили в брюках и рубашках с длинными рукавами, женщины — в длинных мешковатых платьях. Только ступни оставались голыми. С солнечной улицы — на нары в темной хижине. Никаких врачей. Никаких медсестер, лекарств. Никакой возможности покинуть остров. Никто не рассказывал островитянам про вирусы, про инфекцию, они не имели понятия о гигиене. Страшно было войти в лишенную окон дощатую или бамбуковую хижину, где молодые и старые валялись вперемешку на полу и умирающие кашляли в лицо соседу. Я представил себе, что выпало на долю Териероо и Крэпелиена, когда испанка косила людей на Таити. В разгар эпидемии они возили полные телеги трупов в общие могилы. А тут — обыкновенный грипп...

В лачуге Тиоти стало как-то просторнее и светлее. На пандановой циновке на полу лежал аккуратно обернутый в белое малыш. Остальные дети пономаря (сколько их было, мы так и не узнали) уже покоились в земле. Малыш тоже был мертв, и меня попросили сделать фотографию вроде тех, что островитяне видели на стенах у Вилли.

Мы не могли ничем помочь, кроме как прочитать лекцию о гигиене и пользе кипяченой воды. Однако наш рассказ о вирусах никого не убедил. Им легче было представить себе невидимого, бесплотного злого духа, чем крохотную невидимую злую бациллу. Протестанты и католики слышали о дьяволах и ангелах, но никто не пробовал просветить их насчет микробов и вирусов.

Потрясенные этой трагедией, мы покинули объятую скорбью деревню и направились к своему домику в джунглях. Нас ждала просторная бамбуковая хижина

— и нас угнетало чувство вины. Это нам, европейцам, следовало бы проводить ночи в обществе своих микробов в душной лачуге из привозного железа и досок. А им, полинезийцам, — спать в бамбуковой хижине под кровлей из пальмовых листьев. Нечестно сложилась меновая торговля белого человека с островитянами. У нас не было причин гордиться своим племенем. Стоит ли гордиться белой кожей, когда от нее на других падает черная тень?..

Грипп обернулся таким бедствием, потому что поразил народ, чье здоровье уже было подточено другими привозными недугами — туберкулезом, венерическими заболеваниями, проказой, слоновой болезнью. Эти недуги, а также оспа начали косить ранее здоровых островитян после их первых контактов с носителями культуры с материка. Трудно винить

белого человека в том, что здоровый народ не приобрел иммунитета. Но в наши дни сильно сократившееся островное население страдало не столько из-за малой сопротивляемости, сколько из-за малой осведомленности о том, как избежать инфекции и бороться с болезнями. Тут вина белого человека очевидна.

Веди мы в наших всесторонне защищаемых городах и поселках такой образ жизни, какой навязали фату-хивцам, у нас было бы еще меньше шансов выжить, чем у них. Со всех сторон островитян подстерегала инфекция. Большинство страдало тем или иным хроническим заболеванием. Особенно широко распространились туберкулез и венерические болезни. Бросались в глаза проказа и слоновая болезнь. Родильная горячка и выкидыши давали наибольшую смертность. Сколько раз, здороваясь с островитянином, мы замечали, что у него нет пальцев или части уха. А идя по деревне, перед каждым домом видели мужчину или женщину с толстыми, как бревно, ногами. Видели предплечья толщиной с бедро. У одного мужчины мошонка раздулась, словно тыква. Местные жители с детства привыкли к таким картинам. В их представлении болезнь не была чем-то ненормальным. Она составляла неотъемлемую часть их существования.

У нашего старого друга Иоане, с которым мы давно уже не встречались, было полно хлопот. Он был деревенским плотником и гробовщиком. Если больной уже не мог подняться с циновки, Иоане приходил со своим материалом и принимался сколачивать гроб на глазах у бедняги. Надо признать, что полинезийцы не боятся смерти. Они воспринимают ее как возможность встретить столь почитаемых легендарных предков, увидиться вновь с умершими друзьями и родственниками.

При жизни фатухивцы никогда не носили обуви. Ступни их были слишком велики. Даже священник, который все три дня устроенного для нас пиршества ходил в смокинге и шортах, при этом оставался босиком. Но после смерти, когда обувь больше не жала и ногам не было больно, на них надевали новые белые тапочки. Сохранился старый обычай хоронить покойного вместе с его имуществом. В старых склепах мы находили куски сгнивших деревянных чаш, резные серьги из человеческой кости. При нас одного фатухивца захоронили вместе со старой гармошкой, а другому положили картонную колоду — видно, покойный очень ею дорожил. Вера в загробную жизнь существовала здесь до введения христианства, и считалось в порядке вещей захватить с собой на тот свет что-нибудь такое, что могло бы развлечь языческих предков.

Наедине с дебрями, в пронизанной лунным светом бамбуковой хижине мы легли на шуршащие банановые листья, немало озадаченные всем увиденным. В глуши, вдалеке от людей мы чувствовали себя в безопасности. Но что-то терзало нас, что-то оказалось совсем не так, как мы себе представляли. Мы прибыли на этот остров, чтобы совершенно порвать с цивилизацией, в которую перестали верить. А увидели в деревне людей, остро нуждающихся в достижениях культуры. В лекарствах. В познаниях о микробах и о гигиене.

— Лекарства — это цивилизация, — коротко заметила Лив. — Без микроскопа Хансен не открыл бы возбудителя проказы.

Мне нечего было ей возразить. Лекарства — одно из благ цивилизации. Одно из многих, разумеется. Но я твердо считал: кроме музыки и изящных искусств, все блага цивилизации призваны исправить беды, вызванные разрывом с природой. Да и музыка, говорил я, нужна постольку, поскольку она компенсирует разнообразие чувств и впечатлений, утраченное человеком, когда он расстался с первозданным лесом. Среди листвы и мшистых камней предостаточно чудесной музыки, причем я подразумевал не щебет птиц и журчание ручья, а музыку, которую ухо не слышит. Флейты и скрипки созданы нами для того, чтобы будить отклик не в барабанной перепонке, а в душе, куда прежде доходили мелодии природы.

Лив охотно согласилась: дома она не могла жить без музыки, обожала свои грампластинки, часто ходила на концерты, а здесь ни капли не тоскует по музыке. Куда ни пойдешь, куда ни повернешь — новые впечатления, ощущения, настроения. Свет, краски, звук, запах, форма, прикосновение — во всем бесконечное разнообразие, словно в

душе играл огромный оркестр. Столько музыки, что больше и не воспринять. Дома четыре стены, несменяемый интерьер, неизменный электрический свет вызывали в нас голод по музыке, чтобы жизнь не совсем заглохла там, в глубине за барабанными перепонками. Здесь же, в лесных дебрях, музыка и реальная жизнь виделись нам как два равноценных способа обогащать свой духовный мир.

Иное дело — медицина. Природа обрушила на нас болезни, и люди, защищаясь, изобретали лекарства. Вирусы и бактерии — продукты природы, говорила Лив. Наука открывает их и пытается уничтожить.

Я соглашался, однако подчеркивал, что не следует забывать, почему природа обрушила на человека больше болезней, чем на других живых тварей.

— Потому что мы ведем нездоровый, неестественный образ жизни, — признавала Лив.

— Не только поэтому, — добавлял я. — Больше всего потому, что мы посягнули на самый главный, пожалуй, закон биологической среды — равновесие между видами.

Снова я прочел луне и Лив свою любимую лекцию о мелких грызунах и лисах. Люди думают, что играют роль лисы, а на самом деле они оказались в роли мыши. Природа напустила всех своих ястребов на двуногую мышь. Пять тысяч лет назад мы, люди, принялись разрушать ландшафт на огромных территориях ради каких-то избранных видов растений и облюбованных нами животных. Мы загнали сами себя в обнесенные стенами города. Начали преобразовать мир по своим собственным меркам. И посягнули при этом на множество частей перпетуум-мобиле, созданного природой, сложнейшего механизма, безупречный ход которого зависит от каждого колесика в отдельности. До того, как человек начал необъявленную войну против природы, он вел более или менее кочевой образ жизни, родовые коллективы были разбросаны далеко друг от друга в необъятных просторах, и холерная бактерия просто не могла вызвать эпидемию. Но когда люди начали собираться в городских общинах, когда, нарушая исконное равновесие, развели несметные стада домашнего скота и возделали обширные поля, природа — хотя тогда мы этого не поняли — пустила в ход скрытые средства обороны — организмы, которые втайне ждали своей очереди сыграть отведенную им роль нейтрализаторов вредного преобладания того или иного вида животного мира. Как только горожане стали выбрасывать за стены мусор и отходы в таком количестве, что природа не поспевала за ними убирать, вступили в действие безобидные прежде вирусы и микробы, насекомые и паразиты. Они размножились и набросились на человека, на его поля и скот, как лисы и ястребы набрасываются на мышей и леммингов.

Наученные горьким опытом, люди вскоре начали защищаться. Сначала — травами и кипяченой водой. Потом — наукой. Одного за другим они распознавали своих крохотных и часто неразличимых простым глазом мучителей, вооружились пилюлями и мазями, вакцинами и дезинсекталами и приняли вызов природы. Но природа обладает неограниченными резервами и ресурсами. Один вид терпит поражение — его место занимает другой, а некоторые крохотные члены полицейских сил окружающей среды приспособились настолько, что стали невосприимчивы к контратакам человека. Так и продолжается борьба, растущим полчищам гомо сапиенс дают отпор все новые охранные отряды природы, единственная цель которых — восстановить равновесие в разлаженном перпетуум-мобиле природы.

Окружавшие нас плодовые деревья выглядели прекрасно. Даже такое нежное и уязвимое растение, как феи, прижилось в чаще. На Таити, где быстрое обогащение прельщало людей больше, чем прочный достаток, где возникли обширные плантации монокультур, феи не устояло против болезней.

Природа автоматически принимает меры, когда возникает избыток представителей одного вида.

— Некоторые антропологи считают, что агрессивность человека против своих собратьев у нас тоже от природы, — заметила Лив, обратившись за доводом к знакомой ей области общественных наук.

— В таком случае, — сказал я, — природа заставляет человека выступать в роли ястреба и микроба против себе подобных.

Хотя вообще-то мне не верилось, чтобы человек от рода жестокостью превосходил обезьян. А ведь обезьяны не убивают друг друга. Может быть, чрезмерное размножение делает зверей и людей агрессивными? При виде полчищ грызунов ястребы и лисы спешат произвести на свет второй помет. Императоры и президенты не могут заставить своих жен совершить такой же подвиг, они бегут к генералам и мобилизуют огромные армии молодых людей. Поощряют родителей, которые помогают увеличивать численность населения, ведь для войны против полчищ тоже нужны полчища.

Может быть, в человеке заложен некий импульс к убийству, который срабатывает только при аномальных обстоятельствах, например когда людей становится чересчур много. Возможно, агрессия стимулируется страхом, жадностью и завистью. В те далекие времена, когда отдельные роды кормились тем, что собирали на деревьях, у них не было побуждения убивать друг друга, как нет его у обезьян. Воинственный инстинкт проявляется, когда люди, безудержно размножаясь, сталкиваются с другими такими же многочисленными группами⁵.

— Что касается равновесия в животном мире, — говорила Лив, — то я готова с тобой согласиться. Но мне все равно невдомек, почему цивилизованные люди подчиняются любому приказу убивать. В этом я вижу самый большой порок цивилизации.

Мы уже засыпали, вдруг Лив вспомнила флюс Тиоти. Что это — тоже вмешательство саморегулирующейся природы?

И сама же ответила прежде, чем я успел собраться с мыслями. Зубная боль, неполадки с печенью, повышенное давление — не оружие природы. Эти недомогания человек сам на себя навлекает неправильным образом жизни. Гусь не жалуется на печень, у слонов и жирафов отличные зубы и с давлением все в порядке. Физические недуги развиваются, когда человек рвет связи с природой. В эту минуту прокукарекал дикий петух, он тоже был согласен с Лив.

Пора и поспать немного, скоро солнце взойдет...

Солнце вовсю припекало, когда мы встали и направились к ручью. Потом сели на табуретках у открытого окна пожевать кокосового ореха. Но великолепный вид нас не радовал. Сознание происходящего в деревне словно окутало зеленую долину серой мглой. Можно гордиться лекарствами белого человека, но роль переносчика культуры он выполнял скверно. Изображая глобальных филантропов, белые явились со своими священниками на эти острова, чтобы сбывать те плоды нашего изобилия, которые сулили наибольшую прибыль.

Мы учим беспечных островитян сносить жилища предков, чтобы они покупали у нас привозные строительные материалы. Мы отговариваем их защищать тело от тропического солнца лубяными одеждами, чтобы продавать им нашу мануфактуру, подбиваем втискивать здоровые ступни с естественной подошвой в покупную обувь. Учим их есть хлеб и тушенку вместо кокосового ореха и свежей рыбы, чтобы они зависели от импорта зерна и консервов. Побуждаем их работать на нас, чтобы они могли оплатить то, что мы стремимся им продать. Хотя мы в этом не признаемся, но белый человек пришел сюда для того, чтобы изменить обстановку в свою пользу.

С верой в собственные слова мы говорим каждому новому торговому партнеру, что по нашим стопам идет прогресс. Мы не видим другого способа жить разумно и осмысленно. Ведь другие культуры, пусть даже древние и классические, здоровые и простые, отстали от нас в развитии техники — значит, им следует учиться у нас. Какие бы страны мы ни открывали, всюду сознательно уничтожаем существующую культуру и сеем тут и там между развалинами обрывки собственной цивилизации. И удивляемся, когда из этого виногрета выходит упадок вместо прогресса. Тешим себя выводом, что эти люди отсталые, раз не

умеют извлечь пользу из благ нашей культуры.

Сами-то мы ее извлекаем... Есть таблетки, чтобы расслабиться, есть спиртное, чтобы подбодриться. Наши врачи пропишут, сколько калорий и витаминов нужно для нормального питания. Куда как далеко ушли мы от полинезийцев, которые по невежеству пили и ели то, что им давала природа, а потому без малейших потуг сохраняли отменное здоровье. Прежде, когда полинезийке наставала пора рожать, она пряталась за кустом и выходила оттуда с ребенком. И если сегодня здесь так распространена родильная горячка, это потому, что полинезийцы не замедлили обзавестись нашими болезнями, но не торопятся строить собственные больницы.

Мы видели, как на Таити прибыли первые автомобили, видели машину среди пальм Такапото. Они воплощали одну из любимых теорий белого человека: все, что сберегает нам мышечные усилия, — на благо. И чтобы не напрягаться, мы присобачиваем моторы к велосипедам, лодкам, газонокосилкам, бритвам и зубным щеткам. Высиживаем сверхурочные часы, чтобы оплатить все эти предметы, потом бежим к врачу, потому что переработали, переели и нажили стресс. Врач выписывает новый счет и советует заняться физическими упражнениями; мы покупаем велосипед без колес или лодку без дна, помещаем их в подвале и сидим, работая педалями или веслами на одном месте, чтобы обрести силы и здоровье, которыми обладали наши предки до изобретения мотора.

— Пойдем сегодня на гору, поищем спелых гуаяв выше бамбуковой рощи, — сказал я Лив.

Кстати, надо было запастись еще хлебных плодов, не сидеть же и голодать, размышляя над бедствием, постигшим деревню. И вот мы снова в плену дебрей и их волшебной музыки.

Шли дни, на острове все позабыли об опустошении, которое учинил вирус, доставленный шхунной. Полинезийцы — дети солнца, они живут сегодняшним днем, не особенно задумываясь над вчерашними проблемами, не говоря уже о завтрашних. И мы отдались во власть девственного леса в поисках пищи и в надежде на новые открытия.

В один прекрасный день, когда дерево возле нашей кухни было увешано солидным запасом корней и плодов, мы решили сходить и взять несколько старых черепов, которые заметили среди заросших развалин. Старые полинезийские черепа — ценнейший материал для того, кто стремится выяснить происхождение островного народа, ведь полинезийцы, как правило, были типичными длинноголовыми в отличие от островитян Индонезии и Малайзии, то есть Юго-Восточной Азии. В этом одна из многих причин, почему никто не мог найти убедительного решения полинезийской загадки. Полинезийцы не могли быть прямыми потомками малайцев. Кое-кто готов был считать их родиной даже Египет и Месопотамию. Другие утверждали, что они были иудеями, представляли одно из пропавших племен Израиля. В Германии политический выскочка по имени Адольф Гитлер организовал партию, которая презирала евреев и утверждала, что только арийцы достойны звания людей. После моего визита в Музей народоведения в Берлине первый антрополог Гитлера профессор Гюнтер письменно просил меня привезти ему череп с Маркизских островов, поскольку он не сомневался, что жители Полинезии — арийцы. Да и мой собственный университет заказал мне полинезийские черепа.

Поразмыслив, мы пришли к выводу, что чем собирать их тут и там по одному, лучше пойти на старое кладбище на приморской возвышенности: нам говорили, что там лежат сотни черепов.

Путь на кладбище лежал через деревню, и для приличия мы в придачу к набедренным повязкам надели рубашки. В деревне раздобыли старый мешок, после чего направились к выходящей по склону тропинке. И с досадой заметили, что за нами увязался какой-то островитянин.

По накаленному солнцем склону мы поднялись на горку, и нам открылся великолепный вид на зеленую долину, которая терялась в горах далеко за нашим домом. В другой стороне необъятный синий Тихий океан сливался с пустынным небосводом. Высоко над морем раскинулось выжженное солнцем сухое плато, почти без растительности, если не считать

нескольких кокосовых пальм. Мы ступили на него, сопровождаемые по пятам непрошеным спутником. Тщательно вы— тесанные из красного туфа прямоугольные плиты ограждали искусственные террасы. На некоторых плитах были высечены рельефные изображения человеческих фигур с расставленными ногами и поднятыми над головой руками, как будто они отпугивали злых духов и прочих незваных гостей.

Заглянув через низкую ограду, мы увидели черепа с оскаленными зубами. Будто страусовые яйца в инкубаторе, вплотную друг к другу лежало больше сотни черепов: одни — целые, побеленные лучами сильного солнца, другие — рассыпавшиеся и позеленевшие от времени. Даже без специального циркуля было видно, что большинство черепов принадлежали длинноголовым, и признак этот подчас был еще ярче выражен, чем у европейцев. И все время поблизости мелькало лицо следившего за нами островитянина. Как и многие другие чистокровные полинезийцы, он смахивал скорее на арабо-семитский, чем на арийский тип.

Удивительное собрание черепов с разнообразными характеристиками явилось для меня первым практическим подтверждением принятой большинством ученых гипотезы, по которой до прихода европейцев в Полинезии обосновались люди разных расовых типов.

Самозванный сторож глядел на нас приветливо, кроме тех случаев, когда я поднимал с земли череп, чтобы лучше рассмотреть форму костей и зубы. Отцы и скорее всего деды нынешних островитян были погребены в долине на деревенском кладбище, основанном миссионерами полстолетия назад, но и здесь, на выжженной солнцем культовой площадке, тоже лежали их родичи, обезглавленные после смерти. Не знакомые нашему спутнику, дальние родичи, судя по тому, что он не мешал мне как угодно перекладывать черепа с места на место.

— Хотя шаманы выбрали эту сухую площадку, потому что здесь разложение шло медленнее, чем в сыром лесу, всем уцелевшим черепам грозила участь тех, которые уже истлели и рассыпались на зеленые осколки. Спасти бы хоть некоторые из них и сохранить для антропологических исследований... Но наблюдателю из деревни было неизвестно, что существует физическая антропология. Зато и понятие о равенстве мужчины и женщины ему тоже было неизвестно, в его глазах женщина была всего лишь вахина, существо, нужное для ведения хозяйства и продолжения рода, а мужчина — человек. Поэтому я оставил Лив с пустым мешком на площадке, а сам пошел дальше вверх по гребню. И молчаливый шпион зашагал за мной.

Когда мы вернулись на культовую площадку, Лив сидела в той же позе. Но я заметил, что мешок словно набит кокосовыми орехами.

Прежде чем уходить, мы осмотрели челюсти всех черепов на этом доевропейском кладбище, изучили также отдельные зубы, выпавшие из истлевших челюстей. Ни малейшего намека на кариес! Зубы некоторых стариков стерлись почти до корня — вероятно, из-за примеси песка в пище. Но кариеса не было.

Попади сюда череп нашего друга, пономаря Тиоти, его не стоило бы труда опознать. Невольно мы сопоставляли увиденное на старинном кладбище с тем, что наблюдали на Таити. В Папеезе, цивилизованный центр Французской Океании, каждый месяц заходило рейсовое судно, следующее из Европы в Нумеа. На берег сгружали муку и другое продовольствие. Излюбленным завтраком на Таити стал белый хлеб, размоченный в густом от рафинированного сахара кофе. Зубы таитян находились в ужасающем состоянии, у многих остались только черные пеньки. Совсем иную картину застали мы на уединенных атоллах Гуамоту. Местные жители, как и прежде, обходились рыбой и кокосовыми орехами. Сахар здесь тоже употребляли, но не рафинированный. Старые и молодые жевали сахарный тростник, и зубы у них были жемчужные — совсем, как у черепов в нашем мешке.

Пришло время возвращаться. Солнце, как всегда в тропиках, быстро опускалось отвесно вниз, и тени заметно удлинились, когда мы подошли к деревне. Здесь молчаливый спутник отстал. Мы прошли почти всю деревню и приготовились нырнуть в чащу, когда нас окликнули из последней хижины.

— Хемаи те каикаи!

Голос принадлежал деревенской красавице Тахиапитиани. Согласно нашему самодельному словарю, ее призыв означал приглашение зайти и перекусить.

— Она просто так, — прошептал я, поправляя мешок на плече, чтобы не бросался в глаза. — Обыкновенная формула вежливости.

— Вене манжер! — повторила она, к нашему удивлению, на ломаном французском языке.

Кажется, всерьез зовет. Как быть? Во-первых, у нас мешок с черепами, во-вторых, в хижине Тахиапитиани недолго подхватить какую-нибудь заразу. Среди мужчин, сидевших на корточках перед дверью, нам бросился в глаза один с разбухшими от слоновой болезни ногами. А что еще нас подстерегает? Но отказаться — значит, обидеть. И мы подошли к дому.

Едва мы ступили на паэ-паэ — каменную платформу, служившую фундаментом бамбуковой хижины, — как нам стало ясно, что приглашение было всего лишь вежливой фразой вроде наших «здравствуйте» или «доброй вечер». Следовало ответить: «Спасибо, мы сыты!» — и шагать дальше.

Поздно. Нам уже подвинули деревянные миски. Осторожно, чтобы не гремели черепа, я опустил мешок на землю, и мы сели на корточках рядом со всеми. Я надеялся, что в сумраке черепа в мешке сойдут за кокосовые орехи или горные ананасы. Но красавица хозяйка поспешила зажечь маленький светильник. К счастью, свет от колышущегося язычка пламени не развеял тьму под хлебными деревьями. Зато он достаточно хорошо осветил содержимое одной из двух больших мисок, которые поставили между мной и Лив. В кокосовом соусе лежали куски сырой и далеко не свежей рыбы. Другая миска стояла в тени, но мы по запаху сразу определили, что она содержит пои-пои — главное блюдо большинства полинезийцев.

Маркизцы готовили особенно острый пои-пои. В глубокие ямы в земле закладывали плоды хлебного дерева и накрывали широкими листьями. Плодам полагалось гнить и бродить год, а то и больше. Получившееся липкое тесто извлекали из ямы и толкли шлифованным каменным пестом; при этом иногда добавляли немного воды и куски свежих плодов. Ели его сырым. Запах маркизского пои-пои так силен, что нормальный нос за несколько километров учует, где идет пир. Островитяне уверяли нас, что они с детства настолько привычны к этому кислому месиву, что не могут без него обходиться.

И вот перед нами общая миска с пои-пои. Оставалось по примеру остальных запустить туда три пальца и надеяться, что вкус окажется лучше запаха. Темнота нас выручила. Мы больше копались в миске, чем ели.

Несколько псов подкралась к нашему мешку и стали принюхиваться. Вот некстати... К счастью, негромкое рыгание возвестило, что трапеза окончена, и собаки, как всегда, поспешили наброситься на остатки.

Спало напряжение, в котором мы сами были повинны. Мимо нас промелькнуло несколько детей; затем мы увидели, как в темноте исчезают чьи-то толстенные ноги. Малыши улеглись на панданусовой циновке в лачуге, оставив нас одних с хозяином и хозяйкой. Красивая пара: она — стройная, с длинными черными волосами до бедер, он — высокий крепыш. Цвет кожи, как у арабов или загорелых европейцев. Губы узкие, тонкие, нос с горбинкой. Строением тела и чертами лица супруги отвечали обычному для Полинезии прототипу, заметно отличаясь от негроидных меланезийцев и низкорослых плосконосых индонезийцев на континентальных островах, отделяющих Полинезию от далекой Юго-Восточной Азии.

Неожиданно после еды первой заговорила женщина.

— Вео — охотник, — сказала она, кивком указывая на мужа. — Вео хорошо знает остров.

Они перешли на шепот. Вео обнаружил пять больших пещер в отвесных скалах Ханахоуа — необитаемой долины за горами, куда по суше пройти нельзя, слишком круто.

Ему удалось подняться к двум из этих пещер; они напоминали большие дома. У входа, преграждая путь, стоят огромные деревянные тики; за ними Вео рассмотрел множество старинных орудий, украшений и мелких божков из дерева и камня. Зная, что старые погребальные пещеры охраняются табу, Вео не решился входить.

Подбодряемый женой, Вео вызвался за вознаграждение показать нам, где находятся пещеры. Дело в том, что в Ханахоуа можно попасть только с моря, да и то прибой на восточном побережье такой сильный, что на обычной рыбацкой лодке к берегу не пристанешь. С одной шхуны туда посылали шлюпку, но пришлось возвращаться, потому что волны грозили разбить ее о камни. Лишь большая морская пирога годится. А их на всем острове осталось только три. Если я смогу нанять такую пирогу с четырьмя сильными гребцами, Вео покажет путь.

Луна поднялась высоко над хлебными деревьями, когда мы завершили секретные переговоры и заковыляли вверх по долине с нашей необычной ношей. Придя в хижину, я сунул мешок под нары, но сперва пришлось вынуть три черепа и положить отдельно.

Через несколько дней Лив разбудила меня среди ночи.

— В доме кто-то есть! — прошептала она мне на ухо.

Лежа с краю, я приоткрыл один глаз и при свете яркой луны убедился, что в хижине, кроме нас, нет никого.

— Но я слышала шум, — настаивала Лив.

— Может быть, это людоеды под нарами ворочаются, — успокоил я ее и приготовился дальше спать.

Но тут же мы оба подскочили, сна как не бывало. Под койкой и впрямь жутко стучали кости. Мы наклонились — и не поверили своим глазам. Три черепа, положенных отдельно, качались и кивали, будто сговаривались, как выбраться из хижины.

Лив завизжала, у меня екнуло сердце. Какая-то тень юркнула в другой конец хижины. Мелькнул и скрылся под бамбуковой плетенкой тонкий хвост. Безобидная плодовая крыса... Забралась в один из черепов, потом испуганно заметалась в тесной темнице, и все три черепа начали качаться со стуком.

Мы выглянули в окно. Вознесшие свои кроны над мирным лесом, озаренные луной пальмы лукаво кивали нам,

Один в безмолвном мире. Только дебри кругом. Темно-зеленый мир, где солнечные лучи золотыми прядями свисают с макушек деревьев-великанов. Полуденное солнце в первозданном лесу. Никакого движения. Никаких звуков — ни в небе, ни на земле. Полная тишина. Лишь где-то далеко-далеко время от времени падают кокосовые орехи. Все восприятие мира сводится к тому, что голая спина ощущает прикосновение мягкой прохладной травы, а нос обоняет запахи плодородной почвы и растительности. Раскинув руки и ноги, я простерся с закрытыми глазами рядом с тяжелой ношей дров и феи и наслаждаюсь, наслаждаюсь током крови во всех частях тела и наполняющим легкие свежим лесным воздухом.

Лежу неподвижно и вижу солнце сквозь веки. Солнце одно в небе, как я один в моем мире, и такое же безмолвное, недвижимое, как все остальное. Земной шар перестал вращаться. Ни шороха, ни треска. А где то на этой планете — оживленные улицы с шумным движением. Дикая, невероятная мысль.

Еще один орех упал, подчеркивая тишину. Весь мир притих. Я повернулся на живот, чтобы убедиться, что хоть я способен двигаться и производить шум. У меня появилось общество. Коричневый муравьишка, волоча сухую соломинку, пробивался сквозь чашу из травы и листьев у меня под самым носом. Другой муравей двигался зигзагами ему навстречу. На ходу погладил товарища щупиками, словно сказал: «Молодец, дружище, царица ждет как раз такую штуковину». Помочь малышу с его ношей? Да ведь непохоже, чтобы он устал. Знай себе пробивается дальше, то и дело помахивая щупиками так энергично, будто только что вышел в путь. Кто-нибудь видел хоть раз усталого муравья? Усталость, неприятная

усталость-удел преследуемых животных, рабов и современных людей. Служащему так же утомительно пройти пять кварталов с тяжелым портфелем в руке, как лесному жителю пересечь долину с козлом на спине. Для того, кто годами сидел на месте, так же трудно начать лазить и бегать, как для того, кто несколько недель провел в постели, встать и начать ходить. Странно устроено наше тело: лелей его — и начнешь уставать от самой малости, упражняй его — и не будешь знать усталости.

Я вскочил на ноги: внизу, в долине, заржала лошадь. Но дикие лошади паслись высоко в горах. И в долине не встретишь лошадь без всадника. Кто-то направляется вверх по долине. А Лив одна дома.

Живо вскинув на плечо коромысло, я затрусил вниз по склону со всей прытью, какую позволяли густой подлесок и босые ступни.

Лив сидела одна подле кухонного навеса и натирала кокосовый орех зубчатой раковиной, некогда обработанной для этой цели кем-то из наших полинезийских предшественников. Она ждала феи, чтобы приготовить блюдо по новому, ею самой придуманному рецепту. Хотелось есть. Я раскопал в золе угли, подложил сухие веточки, и тотчас вспыхнул костерок, словно я нажал выключатель. Мы всегда аккуратно присыпали золой головешки с вечера. И не жалели об отсутствии спичек, разве что когда приходилось заново разводить костер трением острой палочки о сухую сердцевину расщепленной ветки гибискуса. Трудоемкий способ...

Только костер разгорелся, как пришлось опять засыпать угли. К хижине подъехал юный всадник с весточкой от капитана Брандера: «Тереора» бросила якорь в заливе, и кроме капитана на борту находится один наш французский приятель. Брандер настаивал на том, чтобы мы его навестили; пока мы не явимся, дальше он не поплывет.

Долбленка пронесла нас через прибой, штурмующий галечный пляж Омоа, и доставила к шхуне. Радостные и удивленные глаза смотрели, как мы поднимаемся по трапу. Удивленные потому, что мы были абсолютно здоровы и не помышляли о том, чтобы покинуть остров. До южной части архипелага неведомыми путями дошли слухи, будто нас поразила слоновая болезнь и мы только и ждем, когда нас заберут. Брандер даже потцовски рассердился и обиделся, когда все попытки уговорить нас следовать обратно на Таити оказались напрасными. Мы вручили ему пачку писем, адресованных нашим родителям, и попросили заверить вождя Териероо, что никогда еще не чувствовали себя так превосходно и не собираемся возвращаться к современной цивилизации. Ни в коем случае.

На палубе «Тереоры» удобно устроился французский художник по фамилии Алло, который запечатлевал на полотне райские пейзажи. Старый знакомый: он прибыл на Таити тем же пароходом, что и мы.

Когда мы сели в лодку, чтобы вернуться на берег, Алло попросил взять его с собой и показать ему наше жилище в джунглях. Однако песчаные мухи и комары заставили его быстро передумать. Он поспешил дезинфицировать комариные укусы и вернулся к кистям и палитре на шхуне, где ветер отгонял всех крылатых посетителей и где он мог без помех писать подлинный рай. Нам вспомнились слова учителя на Таити: никто не рисует современному миру подлинную картину Полинезии. В самом деле, нельзя же требовать от нашего друга художника, чтобы он изображал на своих полотнах рои комаров.

«Тереора» подняла якорь и пошла дальше. Словно нас на какие-то минуты обдало напряженным дыханием далекого мира. Теперь не скоро жди следующего захода. Мы снова углубились в джунгли, возвращаясь к своему мирному очагу в глубине долины, Вео обещал показать нам пещеры с сокровищами. Пономарь Тиоти вызвался помочь ему раздобыть лодку и гребцов. Мы ждали, ждали, но никто не показывался. Правда, судя по облакам над вершинами Тауаоуохо, ветер был сильнее обычного. Очевидно, на море большое волнение.

Наконец в один прекрасный день на нашей королевской террасе уже под вечер появился пономарь. Он принес свежей рыбы, и мы поняли, что море успокоилось. Деревенские выходили на лодках на рыбную ловлю.

Лив приготовила отменный ужин — жареная рыба и таро. Тем временем мы с Тиоти,

сидя на каменной приступке, обсуждали наши планы. Впрочем, пономарю не сиделось спокойно, он все время ерзал и почесывал спину. Я понял: что-то неладно. И услышал подтверждение: «Тереора» доставила на остров патера Викторина. Так звали католического священника, который не один десяток лет странствовал от острова к острову в Маркизском архипелаге и у которого Пакееее и Тиоти пытались переманить прихожан, когда дули в огромную раковину, зазывая желающих в свою бамбуковую церковь. На беду, патер не поехал дальше на «Тереоре», а остался на Фату-Хиве. И поселился в дощатом домике возле католической церкви.

— Ну и что? — подумали мы. — Не съест же он нас.

Но Тиоти явно рассуждал иначе. Гробовщик Иоане и многие другие не замедлили доложить патеру, что в дебрях поселились двое белых, которые общаются только с протестантским священником и пономарем. Неприятная новость потрясла патера Викторина. Какие чужеземцы обычно поселяются на здешних островах? Миссионеры, готовые рисковать здоровьем и жизнью во имя своей веры. Все ясно: мы — миссионеры-протестанты, посланные помочь Пакееее в его недостойных попытках переманить записанные в книгах патера Викторина души, которые привела в лоно христианства первая католическая миссия, действовавшая на Фату-Хиве. Мы понимали тревогу патера — достаточно было вспомнить, что рассказывал нам капитан Брандер, когда по пути сюда мы зашли на атолл Такароа. Незадолго до того на Такароа прибыли два мормонских проповедника и обратили в свою веру всех трехсот жителей атолла. Всех, кроме двух: католический и протестантский священник остались при своей религии и каждый при просторной дощатой церкви.

Смеясь, мы попросили Тиоти заверить патера, что мы вовсе не миссионеры. Мы собираем животных, а не души.

Но Тиоти продолжал почесывать спину. Он был сильно озабочен. Не французский патер его пугал, а враги из числа собственных соплеменников. Когда приезжает патер, они изо всех сил досаждают Тиоти и Пакееее. Даже не здороваются с ними. А стоит патеру уехать, все становится на свои места. Без него люди не очень-то думают о религии.

Конечно, Тиоти преувеличивал, и все же нам стало не по себе, когда он принялся расписывать, что нам грозит. Дескать, Хаии — тот самый старик с распухшими от болезни ногами, с которым мы ели из одной миски у Вео, — однажды преподнес протестантскому священнику калebas с апельсиновым пивом, куда добавил свою мочу. Хотел заразить Пакееее. Вот и нас ждет что-нибудь в этом роде. Да мало ли способов навредить нам, живущим вдалеке от деревни. И уж во всяком случае сейчас нечего даже думать о вылазке на восточную сторону острова.

Слова Тиоти нас обескуражили. Может быть, он ошибается? Совсем пренебречь предупреждением было бы глупо, но как поступить? Остается одно — самим проверить обстановку.

Проводив Тиоти, мы отправились в деревню, чтобы поговорить с Вео и Тахиапителиани. Тиоти был прав. Вео явно смутило наше посещение. Он объяснил, что никто не даст нам лодку за скромную плату. А главное, никто не согласится помочь с греблей. Чтобы показать, что втайне они дорожат нашей дружбой, супруги доверили нам секрет: один деревенский житель держит в коробке самку скорпиона с детенышами, задумал подбросить ее в нашу хижину.

Прежде на Маркизских островах скорпионы не водились. Но, видимо, какая-то шхуна завезла на ФатуХиву оплодотворенную самку; да я и сам находил под камнями на берегу большущих скорпионов.

Разозлившись, я хотел тотчас пойти к патеру Викторину, но Лив успокоила меня, посоветовала воздержаться от поспешных действий. Ведь нам некуда деться с острова.

Всю ночь мы лежали и прислушивались к подозрительным шорохам. И обсуждали различные планы. Наконец задолго до восхода солнца встали, отыскивали свою старую палатку и уложили ее в мешок вместе с двумя пледами и железным котелком. Решили пожить на

горном плато, пока не улягутся страсти в деревне Омоа.

Спустившись по тропе на берег, постучались в дом Тиоти. Собаки разбудили всю деревню; заспанный хозяин уже успел напялить свою соломенную шляпу. Он живо оседлал кобылу для Лив, потом сходил к Пакееее за жеребцом, чтобы погрузить на него наш мешок, а также добрый запас орехов, таро и фруктов. Мы получили даже пару банок тушенки, доставленной на «Тереоре», ведь в горах можно было рассчитывать лишь на сочные плоды манго и гуаяву.

Рассвет только занимался, когда мы взяли курс через деревню к тропе, ведущей в горы. Стук копыт выманил из домов любопытных. Нас не приветствовали обычным «каоха нуи», островитяне стояли и перешептывались с презрительными и недоумевающими минами. Мы миновали домик патера; он спал.

В северном углу бухты наш маленький караван ступил на тропу, которая вилась в кишачих осами густых зарослях гуаявы. Впереди ехала Лив, за ней шли пешком мы с Тиоти, замыкал шествие Пахо, ведя на поводу вьючную лошадь. Двенадцатилетний Пахо был приемным сыном протестантского священника.

Мы медленно поднимались над окутанной сумраком долиной, одновременно поднималось солнце, а с ним и наше настроение. Мы смеялись над жителями деревни внизу — не так-то легко нас сокрушить! Правда, на какое-то время мы забыли, как прекрасна жизнь. Теперь же снова душу переполнило ликование, сознание полной свободы и счастья. В нашем распоряжении было все на свете. Солнце — наше, весь мир — наш. Наше достояние не замыкалось в границах, обозначающих частное владение. Обрубив узы, привязывающие нас к частной собственности, мы стали свободны, как горные козы и кукушка. Подобно нам, они располагали всем миром. У нашего дома не было стен, ограды. Мы не видели и не ощущали никаких границ, кроме далекого горизонта, а он отступал все дальше с каждой петлей крутой тропинки.

Румяное утреннее солнце оторвалось от земли и парило над ржаво-красным гребнем по ту сторону долины. Дул свежий, прохладный ветерок; безбрежное море простиралось вокруг острова, обнимало всю планету, словно гору Арарат во времена Ноя. Мы поднимались на вершину Арарата.

Наконец-то мы на крыше острова. Лес кончился, его сменили трава и папоротник, по которому ковровой дорожкой тянулась тропа, такая же красная, как пики, возвышавшиеся впереди дворцовыми башнями. Высоко мы забрались... Справа в зеленую расселину долины Омоа обрывались крутые склоны, забуренные остатки кратерных стен. Наша бамбуковая хижина была скрыта далеко внизу под сплошным лесным пологом, который с высоты напоминал густой мох с торчащими над ним косматыми цветками пальмовых крон.

Воздух становился прохладнее и разреженнее. Мы очутились на открытом плато. Здесь надо было дышать глубже, и мы чувствовали себя так, словно пробуждались к реальности после лесной дремоты. Может быть, и впрямь мы дремали внизу, в дебрях? Во всяком случае теперь дремоты не было и в помине. Мы вступили в мир, который еще никем не изучался. Мир, отличный от всего, что мы прежде видели. Белое пятно на карте. Скучная литература о Маркизских островах характеризовала его как выжженную солнцем пустыню. И когда наши друзья островитяне рассказывали нам про это плато, их описания резко отличались друг от друга.

Теперь мы поняли, почему так было. Нас окружал ландшафт, подобного которому по красоте и разнообразию мы еще никогда не видели. Волнистая равнина — и отлогие бугры и холмы; глубокие ущелья и расселины, а вдали — рвущиеся к небу скалы и пики. Где же тут выжженная пустыня? Ущелья заполнял темный дождевой лес, непроходимые заросли. А торчащие холмы покрывала трава с папоротником.

На склонах и равнинах — саванна и редколесье; местами только древовидные папоротники отбрасывали тень, словно зонты. А сколько цветковых собралось здесь, чтобы поклоняться солнцу! Внизу, в долине, кроны могучих деревьев перехватывали благодатные лучи светила, не оставляя ничего цветочкам на земле.

От цветка к цветку сновали редкостные бабочки и пестрые жуки, мелкие пичуги порхали с дерева на дерево. Люди здесь не селились. Для полинезийцев было слишком холодно, а нас климат на высоте около тысячи метров только бодрил. Тиоти и Пахо дрожали и стучали зубами. Уверяли нас, что мы пропадем. На ночь тут оставаться невозможно — как только зайдет солнце, окоченеет насмерть.

Мы рассказали им про нашу родину, где вода порой замерзает так, что по ней можно ходить, ее можно разбивать, будто оконное стекло, а в холодные дни на землю и на шляпы сыплется дождь, похожий на соль или сахар. Тиоти и Пахо покатывались со смеху, продолжая стучать зубами. Пришлось сказать, что мы пошутили, не то они посчитали бы нас отъявленными лжецами.

Юный Пахо был обаятельный весельчак и неутомимый проказник. То мчится по тропе, будто ковбой, то выскакивает из-за камня с жутким криком, то мигом взбегает на высоченную пальму. Пусть он был лгунишка, воришка, гроза девчонок — все равно мы восхищались его бьющей через край энергией и весельем.

Мы продолжали двигаться по красной тропе среди зарослей папоротника и гуаявы, вдруг Пахо выпустил поводья своего коня и ринулся вниз по склону. Два шага — прыжок, два шага — прыжок, и вот уже скрылся из виду в кустах. Минутой позже мы услышали душераздирающий визг, а затем снова появился Пахо. Он прижимал к себе отчаянно отбивающуюся тварь. Так визжать мог только поросенок. Чтобы заглушить возмущенные вопли своей добычи, торжествующий Пахо, продираясь сквозь густой папоротник, сам издавал ликующие крики. Одной рукой он обхватил брюхо поросенка, другой сжимал его рыло.

Внезапно у меня перехватило дыхание. В кустах справа показалась черная спина дикой свиньи, а слева бежала еще одна. Ощетинившись, они мчались прямо на парнишку, который похитил их отпрыска.

Мы закричали, предупреждая Пахо об опасности, но, когда первая свинья, наклонив голову и оскалив торчащие вверх клыки, пошла в атаку, он не хуже матадора отскочил в сторону и пропустил разъяренного зверя мимо. Новый прыжок — вторая свинья тоже промахнулась. Пахо продолжал увертываться и не помышлял отпускать добычу. Выскочив на тропу, он с невозмутимым видом вручил нам свой трофей. Криками и камнями мы отогнали свиней, но, когда пономарь попытался связать толстячка лубяной веревкой, тот укусил его за руку и улепетнул через папоротник, подпрыгивая, будто футбольный мяч. Мне пришлось ухватить Пахо за руку и крепко держать его, чтобы не бросился в погоню.

Несколько дальше Пахо показал нам холодный источник. Всего-навсего заполненная водой ямка в красной земле, а название внушительное: Те-умукеукеу — «Козий очаг». Решив остановиться здесь, мы принялись развьючивать коня, а Тиоти и Пахо поспешили проститься с нами и двинулись в обратный путь; И вот мы разбиваем лагерь среди ландшафта, живописнее которого нельзя себе представить. Для палатки выбрали место под осыпанным алым цветом, отдельно стоящим деревом и стали рвать косматый папоротник для подстилки. Неподалеку тянулась опушка горного леса с незнакомыми нам деревьями и цветами, а над лесом возвышалась гряда, делящая остров на две части. В другой стороне простиралась луга, зеленели гребни, поросшие древовидным папоротником, дальше обрывались отвесные скалы долины Ханававе, в просвете голубело море.

Вечером и впрямь похолодало. С немалым трудом разожгли мы костер; наконец над котелком поднялся душистый пар. Чашки из скорлупы кокосового ореха согрели руки и глотку чаем из сушеных апельсиновых листьев.

Когда понадобился стол для печеных плодов хлебного дерева, которые Лив выгребла из золы, я перевернул плоской стороной вверх большой камень. Под камнем притаился единственный змей этого рая — ядовитая тысяченожка длиной с мою кисть, блестящая, как золотой браслет. Она отчаянно извивалась, защищая свое сокровище — гроздь яичек. Я постарался поплотнее застегнуть замок палатки, и мы хорошенько встряхнули одеяла, прежде чем ложиться спать. Молодой месяц заступил на пост, охраняя сказочную страну

Фату-Хивы.

Вскоре выяснилось, что мы не единственные обитатели этой страны. Нас разбудил топот. Кто-то мчался галопом, и, судя по звуку, не дикая свинья, а животное покрупнее. Может быть, к нам скачут островитяне? Наши лошади дергали привязь и ржали, то ли от испуга, то ли от возбуждения. Топот прекратился. Дикий скот? Одичавшие лошади? Или охраняющий свое стадо бык?.. Нам говорили, что горы кишат одичавшим скотом. Есть лошади, даже ослы. Мы лежали с колотящимся сердцем, готовые в любую секунду выскочить из палатки. Но никто не задевал растяжки. Наконец мы уснули. Когда утреннее солнце нагрело палатку, Лив выбралась наружу и раздула костер из вчерашних углей, а я сходил с котелком к роднику. Сколько мы ни смотрели кругом — никого. И все же немного погодя мы обнаружили наших ночных гостей. Три коня, три красавца, хвост почти до земли, стояли неподвижно на опушке и глядели на нас.

Не одно поколение лошадей бродило на воле в безлюдных горах. Подобно встреченным нами в лесу собакам и кошкам, они происходили от домашних животных. Когда европейцы впервые пришли на Маркизы, они застали только косматую меланезийскую свинью с клыками, как у дикого кабана. Согласно преданиям, первые здешние поселенцы не знали свинью, но потом им даровал ее мореплаватель Хаии, который доставил на Маркизские острова свиней и кур по меньшей мере за триста лет до того, как европейцы начали осваивать Тихий океан.

Поскольку маркизцы изо всех домашних животных знали только свинью, они были немало поражены, когда первые европейские парусники привезли неведомых четвероногих. Новых животных полинезийцы приняли за странные разновидности свиньи. Коза здесь стала называться «свинья-с-зубами-на-голове», лошадь — «свинья-которая-быстро-бегает-по-тропе».

После того, что мы наблюдали во время эпидемии гриппа, нетрудно было представить себе, почему домашние животные уходили в лес и дичали. Двуногие хозяева исчезали, и голод заставлял скот ломать ограду и рвать пути.

Мы спасались только встречи с дикими собаками. Большие и малые псы всевозможных пород и разных мастей охотились стаями. Лая и подвывай, они гонялись за овцами и козами, не гнушались и телятком. Если в схватке с дикими свиньями одна из собак погибала, распоротая острыми клыками, другие псы тотчас набрасывались на нее.

Дикие кошки ловили плодовых крыс на деревьях, хватали птиц, грабили гнезда. Даже плодовые крысы воровали яйца из гнезд, забираясь на самые тонкие ветки. Словом, кошки и крысы оказались подлинной грозой маркизских птиц, и многие виды пернатых стали редкостью. Морские птицы чувствовали себя спокойнее, ведь они гнездились на отвесных скалах, куда кошки и крысы не могли пробраться.

Отсутствие археологического материала в горах возмещалось фауной, которая являла собой примечательный образец экологического приспособления. Так что без дела мы не сидели, хотя еду на первое время привезли с собой, не надо тратить время на добычу пропитания, и лошадям тоже было где пастись. Да и что тут добавить к нашим припасам? Кокосовые пальмы попадались редко, бананы — еще реже, и далеко не все они плодоносили. Мы нашли несколько огромных манговых деревьев с грушевидными плодами, которые были мельче манго в долине и без такого ярко выраженного хвойного привкуса. Плоды на многочисленных кустах гуаявы напоминали желтые яблочки с начинкой из малины, но лучшие из них раньше нас собрали дикие животные.

Мы наслаждались горным воздухом. И думали о том, что в открытой местности трудно укрыться. Правда, зато и легче заметить приближающихся посетителей.

На третий день мы увидели то, чего опасались: на склоне голого холма показалась кавалькада. Медленно поднявшись на макушку, всадники остановились четкими силуэтами на фоне неба, высмотрели нашу палатку и помчались к нам галопом через саванну.

Доскакали, снова остановились. Поздоровались, не слезая с коней. Лица были отнюдь не приветливые, однако выражали скорее любопытство, чем угрозу. Явно решили проверить,

в самом ли деле мы живем в горах или затеяли какую-нибудь каверзу. Скажем, спустились в долину Ханававе в роли агентов Пакееее. Поначалу угрюмые и недоверчивые, гости явно успокоились после того, как мы показали им банки с тысячоножками, улитками, жуками и бабочками. Они хлестнули своих коней, и мы снова остались одни.

После этого визита мы почувствовали себя спокойнее. И все же старались не отходить далеко от своих лошадей, кроме тех случаев, когда изучали какую—нибудь лощину с совсем уж непроходимыми зарослями. Жеребец по кличке Туивета родился на воле в горах и был покрупнее. Жители Омоа иногда поднимались на плато, чтобы ловить арканом жеребят. Небольшие ростом, но крепкие и норовистые, дикие лошадки обладали врожденным чувством равновесия. Горные тропы нередко следовали вдоль узких полочек над зазубренными скалами или беснующимся далеко внизу прибоем. Невольно у нас щекотало под ложечкой, когда лошадь жалась к самому краю, чтобы пощипать свисающую траву. Роль поводыев выполняла обвязанная вокруг конской морды лубяная веревка, и, когда мы пытались отвернуть от края голову лошади, она принималась дыбиться и взбрыкивать над обрывом. Лучше уж предоставить упрямому четвероногую самому следить за равновесием, хотя бы при этом одна ваша нога болталась над бездной... Мы быстро усвоили, что можно слепо положиться на горных лошадок, они никогда не оступались. Даже в безлунные ночи, когда мы не видели собственных ног, лошади смело ступали по узким полочкам. Только однажды услышали мы рассказ про островитянина, который сорвался в пропасть вместе с конем. Но тропа в тот раз была мокрая и скользкая после сильного дождя.

Да и нам довелось пережить неприятные минуты на скальной полке над долиной Ханававе. Лив шла впереди, я следовал за ней, за мной выступали обе лошади. Вольнолюбивого Туивету, который нес наши вещи, я вел на поводу, а смиренная кобыла сама шагала за ним. Местами полка была меньше метра в ширину, и так как мы здесь прежде не бывали, то предпочли идти пешком. В седле нам грозила опасность защемить ногу между конским крупом и отвесной каменной стеной слева, а справа — обрыв до самого дна долины. Прижимаясь к стенке, мы продвигались не спеша и наслаждались великолепным видом. Внезапно впереди показались три дикие лошади. Ни вперед пройти, ни назад податься! Первым шел жеребец, за ним кобыла и курчавый жеребенок. Кобыла с жеребенком повернули и скрылись за поворотом, а жеребец застыл, словно бронзовая статуя, приготовившись защищать свое семейство.

Туивета вскинул голову вверх и вызывающе заржал, потом решил протиснуться мимо нас к противнику. Дикий жеребец принял вызов и медленно пошел ему навстречу. Я попробовал удержать Туивету за повод, но он не обратил никакого внимания на мои жалкие потуги и поднялся на дыбы. Я крикнул Лив, чтобы прижалась к скале, и сам сделал то же самое. В ту же минуту Туивета вырвался и бросился вперед. Мы ощутили сильный толчок и увидели, как два жеребца встретились в поединке. Секунду они стояли, дрожа всеми мышцами и скрестив шеи, словно сабельные клинки. Испытав таким способом мужество противника, схватились всерьез. Кусались, брыкались, ржали, вставали на дыбы. Мы ждали, что вот-вот кто-нибудь из них сорвется в пропасть, как сорвалась на наших глазах коза, которую загнали дикие собаки. Но жеребцы держались на тропе. Хуже пришлось нашим вещам. Они взлетели в воздух и исчезли за краем обрыва. Только палатка и пледы застряли в трещине ниже тропы, все остальное скрылось из виду. Пропал наш провиант.

Туивета выиграл поединок. Дикий жеребец с достоинством отступил, дав кобыле с жеребенком достаточно времени, чтобы уйти от нас подальше. И Туивета больше не упирался, когда я отважился подойти к нему и взяться за повод. Он гордился победой — и был явно обескуражен, когда повернул голову и увидел, что выюка нет.

Еще день мы перебивались сочными плодами манго и гуаявы, потом голод вынудил нас спуститься с гор. Фрукты отменные, несколько не хуже груш и персиков, но организм требовал более плотной пищи. Хотелось рыбы, мяса, кокосовых орехов, хлебных плодов. Мы соскучились по нашим ракам, по нашему феи. Вспомнился толстый поросенок, но нам больше не встречались дикие свиньи. Пусть в долине нас ждут скорпионы Хаии и прочие

гадости. Голод еще хуже. Мечтая о сытной, богатой крахмалом еде, мы молча двинулись вниз по естественной красной ковровой дорожке.

В жаркую долину Омоа мы спустились обновленными, ощущая прилив бодрости. Голод голодом, а дни, проведенные в горах, дали нам заряд энергии. Мы поняли, что бежать из долины, даже не повстречавшись с человеком, который был повинен в изменившемся отношении островитян к нам двоим, побудила нас навеянная дебрями вялость. И, подойдя к деревне, направились напрямиком к дому патера Викторина.

Позади католической церковки стояли два домика с тенистыми верандами, застекленными окнами, железными крышами. Один из них пустовал. В начале века, когда остров еще был густо населен и обещал стать частицей цивилизованного мира, здесь помещалась жандармерия и жил французский администратор. На открытой террасе в углу валялся барабан. В былые славные времена Иоане ходил по деревне и бил в этот барабан, когда в бухте бросала якорь какая-нибудь шхуна. Дела давно минувших дней...

Оказавшиеся поблизости островитяне удивленно воззрились на нас, когда мы привязали лошадей и направились к следующему домику, где сидел, окруженный детишками, человек в длинной сутане. Он обучал детей грамоте. Они совсем не знали букв. При виде нас он встал, и мы познакомились с патером Викториним. Маленький, щуплый патер буквально тонул в чересчур просторном облачении. Он принял нас очень вежливо и предложил сесть.

Сидим и мучаемся от неловкости. Я еще никогда не встречался с католическим патером. Да и протестантских священников знал не так уж много, фактически — одного Пакееее. Моя мать верила только в Дарвина, отец, хоть и был верующим христианином, в церковь не ходил. Крестить-то меня крестили, но от конфирмации я, единственный из всего класса, отказался. О священниках у меня было такое же смутное и превратное представление, какое было о девочках в школьные годы. Люди, конечно, но совсем другого сорта, и непонятно, как с ними обращаться.

Человечек в черной сутане явно был смущен не меньше моего. Дело происходило задолго до того, как различные ветви христианской церкви стали на путь примирения. Широко улыбаясь, он пристально смотрел на меня и ждал, что я скажу. Наконец спросил, не из Европы ли мы? Мы рассказали кое-что о себе и дали понять, что приехали вовсе не для того, чтобы включиться в поединок между ним и Пакееее, нас занимает, как жили островитяне до прибытия миссионеров, интересует также происхождение местной фауны.

Патер деликатно сменил тему и принялся рассказывать о своей жизни на Маркизских островах. Уже тридцать три года, как патер Викторин покинул Лозер во Франции и один странствовал здесь с острова на остров. Один тридцать три года утешал болящих и умирающих, один спал в темных лачугах, ел пои-пои и другие подозрительные блюда. Всегда один. Ни с кем из маркизцев у него нет личной дружбы. Никто не зовет его в гости. Пальмы и цветы его не радовали, здешняя природа ему, как и капитану Брандеру, казалась мрачной и угнетающей. Весь Фату-Хива сводился для него к церкви и маленькому домику, где женская рука не касалась пола и стен. Его гордостью, его страстью была книга, в которой значились души спасенных от преисподней островитян. Только двух не доставало.

Рассказывая, патер все время поправлял спускающуюся на черные сапоги сутану. Тем не менее мы заметили, что его белые ноги напоминали огромные дыни. Бедняга страдал слоновой болезнью. Патер Викторин принес в жертву все, даже здоровье, делу, которому он служил. И нам стало понятно его опасение, как бы у Пакееее не появились помощники. Он был подобен филателисту, который боится потерять хотя бы одну марку из своего альбома.

Не без благоговения встали мы, чтобы проститься с этим маленьким человечком, у которого были такие печальные, пристальные глаза и распухшие ноги. У нас чудесный аппетит, аппетит к еде и к жизни. Нас двое, и есть наша хижина в дебрях, и впереди — неизведанное будущее. Ничего этого не было у патера Викторина. Бледный, щуплый, он грустно смотрел, как мы повели лошадей к домам Пакееее и Тиоти. Мы жалели, что не можем сразу направиться к себе в лес. Нам вовсе не хотелось причинять ему боль. Мы

ничуть не обижаются на патера за то, что он невольно расстроил нашу дружбу с его прихожанами ⁶.

Табу

В лучах полуденного солнца желтая бамбуковая хижина светилась, точно золотой дворец. После палатки она казалась особенно просторной, в ней можно было ходить, выпрямившись в рост, хотя рядом с могучими деревьями она выглядела кукольным домиком. Наш дом. У нас было такое чувство, словно мы здесь родились. На самом же деле мы пришли сюда ненадолго.

Насытившись хлебными плодами, таро и фруктами из одичавшего королевского сада, утолив жажду из бурливого ручья, мы последовали совету Тиоти удалиться еще на несколько дней. Тиоти ждал нас на море со своей долбленкой; хоть и маленькая, но у подветренной стороны острова она вполне могла выдержать вес троих.

Тиоти сам выдолбил ствол и оснастил его на полинезийский лад аутриггером — острым бревнышком, которое укрепляется параллельно лодке на двух поперечных жердях. Лодка была всего лишь вдвое длиннее обычной ванны и наполовину уже, так что мы с трудом втиснулись в нее со своими припасами.

Лив полулежала на корме, придавленная тяжелыми банановыми гроздьями, а мы с Тиоти плавно взмахивали каждый своим веслом, аккуратно погружая его в длинные, пологие океанские валы. Озаренный утренним солнцем красный скалистый остров казался объатым пламенем. Высоко над головой, словно клубы дыма, плыли пассатные облака; из-за мыса дул слабый ветерок, морщина гладкую поверхность могучих волн.

Сегодня пономарь был разговорчивее обычного, однако суть его речей сводилась к тому, чтобы убедить нас в могуществе не столько христианского бога, сколько всевозможных местных демонов. Бог был один, и, хотя Тиоти вслух об этом не говорил, он явно представлял себе, что этот бог надежно заточен в бамбуковой церкви Пакееее. А вот демоны кишели по всему острову. Простейший способ встретиться с ними — посетить какой-нибудь участок, охраняемый табу. Несколько поколений назад все островитяне запросто общались с демонами, сообщил Тиоти чуть ли не с завистью в голосе.

Мы с Лив слушали вполуха. Слишком сильно увлекало нас зрелище удивительнейших рыб; словно мы оказались очевидцами того легендарного дня в истории бытия, когда живые существа впервые вышли из океана на сушу. Сейчас с подветренной стороны не было прибоя, накат лишь слегка поглаживал крутые скалы, и лодка шла вдоль самого берега. Сначала наше внимание привлекли полчища красных, серых, зеленых и черных крабов, которые сновали во всех направлениях, ныряя в трещины над водой. Светло-зеленая вода была настолько прозрачна, что позволяла рассмотреть яркие водоросли и морские анемоны на дне. Там, в глубине, ходили пятнистые рыбы, из нор выглядывали огромные, с человеческую ногу, омары, покрытые буграми и колючками, расписанные роскошными узорами. Но больше всего поразила нас рыба, которая превосходно чувствовала себя вне воды. С палец длиной, большеголовая, совершенно черная, она разгонялась на гребне волны и прыгала на камень. Присосется и скачет посуху этакой безногой лягушкой. Множество причудливых рыбок переливалось на солнце. Одни лепились к скальной стенке, другие прыгали с камня на камень, третьи блаженно распластывались на животе, словно наслаждаясь солнцем. Казалось, они сторонятся соленых брызг. Напрыгаются всласть и ныряют обратно в воду, но с очередной волной опять выходят на сушу.

Тиоти не понимал нашего интереса к рыбе, которая не годилась в пищу. Встал и тонкой трезубой острой поразил пару живописных омаров. Его обидело, что мы не принимаем всерьез рассказ о местных демонах. Сначала мы не поверили, когда он обещал доказать нам,

что на Фату-Хиве есть кораллы, потом усомнились в существовании каменной рыбы, теперь вот не верим, что он может показать настоящих демонов. Они есть, хоть и остались, так сказать, без дела, а было время, помогали предкам Тиоти, как в наши дни ему самому помогает бог. Мы никогда не слышали про Тукопану?

Нет, не слышали. И согласились внимательно выслушать рассказ о нечистой силе. По словам Тиоти, истинность рассказа нам могли подтвердить французские власти на Хива-Оа.

Тукопана был последний великий шаман, которого еще застали европейцы. Сам он жил на Фату-Хиве, но о его связях с демонами знали на всех островах архипелага.

Подойдя к главному, Тиоти от волнения даже сбился с ритма гребли.

Перед смертью Тукопана собрал всех жителей долины Омоа во главе с королем и показал два изображения демонов, высеченные им из белого камня. Один демон был побольше, другой — поменьше. Когда умру, сказал Тукопана, мой дух вселится в большого демона, и пусть он называется моим именем. А когда умрет моя любимая дочь, ее дух вселится в меньшего демона, и вместе мы будем руководить народом ФатуХивы в последующих поколениях.

После смерти Тукопаны обе статуи установили на кладбище над долиной, где мы изучали черепа. Двадцать лет назад на Маркизские острова прибыл французский губернатор. Он прослышал о красивых статуях на Фату-Хиве и задумал присвоить себе драгоценные диковины. По его приказу четыре островитянина отнесли статуи вниз и погрузили на правительственную шхуну, которая доставила добычу в губернаторскую резиденцию в долине Атуона на острове Хива-Оа. Здесь Тукопану и его дочь, к великому ужасу островитян, поставили у входа на участок губернатора.

Вскоре на острова обрушился шторм страшной силы. День за днем лил дождь. Кончилось тем, что в горах Хива-Оа родился могучий поток, который ринулся вниз по долине Атуона. Он вырывал с корнем и разбрасывал кокосовые пальмы и огромные хлебные деревья. Поток направился прямо к дому губернатора. Сам губернатор спасся, но дом его разнесло в щепки, а когда наводнение кончилось, все увидели, что Тукопана и его дочь исчезли, словно сквозь землю провалились. Люди до сих пор тщетно ищут драгоценные статуи. А губернатор выстроил себе новый дом подальше от старого участка.

Поведав эту историю, Тиоти надолго примолк.

Продолжая работать веслами, мы переваливали через пологие волны. Рядом тянулся нескончаемый берег. Скалы то расступались, открывая взгляду маленькие долинки, то снова смыкались. Долина за долиной, пустынные, забытые. Высоко на кручах ходили пестрые дикие козы, а в одном месте на берегу стояла, похрюкивая, черная косматая свинья и близоруко смотрела на скользящую мимо пирогу. Проводив нас взглядом, она снова принялась грызть хлебный плод. Совсем необитаемыми эти долины нельзя было назвать, они кишели одичавшим скотом, оставшимся без двуногих хозяев. По словам Тиоти, люди ушли с ветром на запад. Вымершие язычники не попали на небеса. Их души последовали за солнцем, а солнце ныряет под океан и возвращается подземным ходом на свою родину на востоке.

Все старые люди рассказывали, что дом солнца находится на востоке. Там завершают свое подземное странствие солнце и души умерших, и там же бессмертное светило снова восходит каждое утро. Островитяне помнили древних мореплавателей, которые ходили в дальние плавания на легендарную родину первых богов-королей. Души-то, чтобы попасть туда, следовали за солнцем на запад, но живые путешественники предпочитали более короткий путь, плыли прямо на восток. Восточную часть горизонта здесь называли «верхним концом» океана, потому что течение и облака всегда шли с той стороны. Кроме неподвижных островов, все находилось в вечном движении «вниз», на запад. Океан, облака, солнце, звезды в ночном небе — все. Тиоти предупредил: если грести до самого вечера, мы выйдем из-под защиты северного мыса, и нас тоже понесет на запад, тогда уже нам не вернуться на Фату-Хиву.

Солнце висело прямо над головой, когда перед нами наконец развернулись сказочные

декорации долины Ханававе. Широкая сцена с множеством пальм и высеченные в красном камне складчатые боковые кулисы поразили нас больше прежнего теперь, когда мы шли на крохотной долбленке, наслушавшись рассказов Тиоти про демонов, духов и предков. Могучие кулисы смахивали на хоронящихся друг за другом огромных чудовищ, и мы почувствовали себя лилипутами в заколдованном царстве. Не трудно понять, почему суеверия и черная магия так прочно владели душами людей, заточенных между этими грозными скалами.

В верховьях долины голубела горная гряда и сквозь отверстие в горе светил, будто лампа, клочок неба. Ветер и дождь прогрызли туннель. Тиоти рассказал, что в старину людоеды из долины Ханахоуа на восточном побережье пробирались через этот ход и нападали на жителей Ханававе. Люди той поры лазили по горам не хуже коз, да еще они вырубали себе ступеньки на отвесных склонах. Теперь туннель с мудреным названием «Техавахиненао» с этой стороны совсем недоступен, и говорят, будто он набит человеческими костями... Если бы тропа не осыпалась, мы могли бы проникнуть из Ханававе в таинственные пещеры Вео в Ханахоуа. Перед грозной полосой пенистых бурунов, которые рокотали над отмелью у входа в залив, Тиоти заметил косяк серебристых рыб, по его словам, удивительно вкусных. Встав во весь рост, он метнул острогу, она описала в воздухе высокую дугу и упала в середину косяка. Торчащее древко затрепетало, говоря о точном попадании.

В деревне Ханававе нас встретили улыбки и обычные приглашения зайти перекусить. Мы вежливо отвечали положенной формулой — спасибо, сыты — и показывали свой улов. Здесь явно никто не был настроен против нас, но искалеченное проказой ухо одного островитянина напомнило нам слова капитана Брандера о том, что в этой долине распространены всякие заразные болезни. Ну да мы ведь и не собирались здесь жить, высадились только затем, чтобы посмотреть на обитель настоящего демона, с которым Тиоти так хотел нас познакомить.

Пономарь зашел к своему местному приятелю, тощему фатухивцу по имени Фаи, и уговорил его помочь нам нести рыбу и бананы. Сам Тиоти нес на плече острую палку, на которую наколол хлебный плод. Потом друзья о чем-то пошептались, и сразу Фаи пошел медленнее. Ему явно расхотелось идти с нами, и я на всякий случай забрал у него рыбу. Тут Тиоти принялся высмеивать его за то, что он испугался демонов. В конце концов Фаи все-таки решил нас сопровождать. Если уж мы непременно хотим, он покажет нам обитель нечистой силы, одно из немногих мест, до сих пор охраняемых табу. Из нынешних фатухивцев никто туда не ходит. Прежде было много всяких табу, теперь они почти все забыты или ими пренебрегают. Но кое-какие запреты остаются в силе. Например, не положено проходить там, где другой стоит и кормит кур. Может случиться несчастье. Еще хуже, если поставишь на голову деревянную миску вверх дном. До сих пор кое-где в лесу заправляют злые духи и демоны; забредешь туда — жди беды в ближайшие три дня. Фаи обещал показать такое место.

И когда мы вышли на берег каменистой речушки, он поднял руку, указывая направление на заколдованный участок. Тотчас Тиоти повернул назад. Ему вдруг страшно захотелось есть и загорелось найти подходящее местечко, чтобы изжарить рыбу. Чуть не бегом вел он нас по тропе обратно. Снова показалась большая светлая роща, сплошь состоящая из множества апельсиновых деревьев. Апельсины, кругом апельсины — на деревьях, на земле. Некоторые деревья, словно плакучая ива, склонили до самой травы ветви, увешанные зелеными и желтыми плодами. Мы наелись, утолили жажду да еще набрали всего впрок. В жизни нам не доводилось есть такие сочные и вкусные апельсины, как в Ханававе.

Выведа нас на опушку леса, Тиоти достал спички и, махая своей неизменной соломенной шляпой, развел костер из сучьев апельсинового дерева. Вскоре кругом распространился сладковатый запах печеного хлебного плода. Почерневшая корка лопнула, обнажив белую, как мука, мякоть. Тем временем Фаи выгреб из углей жареную рыбу и

омара. К черту демонов! Могут и подождать. С каким блаженством набросились мы на жертвоприношение не демонам, а самим себе, обыкновенным людям!

Фаи рассказал, что в лачугах у моря живет всего с полсотни человек. Один из них китаец, он держит лавчонку и ведет меновую торговлю с фатухивцами, совсем как Вилли в Омоа. А некогда в долине Ханававе жили могущественные племена, возглавляемые тремя королями. Одно королевство находилось у самого подножия гор, другое — посередине длинной долины, третье

— внизу, у моря. Все три племени вместе воевали против жителей Ханахоуа по ту сторону горного туннеля. В делях все еще стояли каменные сиденья, с которых караульные постоянно наблюдали за проходом. Если общий враг не показывался, три короля сражались между собой. Шаманы, состоявшие в связи с демонами, умели предсказывать, — когда противник готовит нападение. К ним часто обращались за советом в немирные времена. В состоянии экстаза, одержимые тем или иным демоном, они плясали с подвешенными к поясу черепами и говорили чужими голосами. Каждое слово, слетавшее с их губ, толковалось как совет и предупреждение.

Основательно подкрепившись, мы встали и вдруг обнаружили, что нас осталось только трое. Фаи исчез. Тиоти хотел бежать вдогонку, но я вернул его и напомнил, что он ведь сам вызвался показать нам демона. Место теперь известно, обойдемся без Фаи.

Тиоти засмеялся: ему не страшны никакие табу, он пономарь, протестант. Против него демоны бессильны.

Мы вернулись к ручью, откуда Фаи показал нам заколдованное место, и перепрыгнули на другой берег. Дальше пошла такая чаща, что никак не продрасться, даже ползком. Здесь явно не один десяток лет не ступала нога человека. Пришлось прокладывать себе путь с помощью моего мачете.

Вот уж правда заколдованное место. Мрак, духота, кругом густые дебри. Но нам доводилось преодолевать заросли похуже. Здесь хоть под ногами твердая опора.

Наше продвижение кончилось, когда мачете ударил о камень. Листва и выющиеся стебли скрывали замшелую стену с меня высотой. Мох почти совершенно скрывал швы между огромными прямоугольными блоками. Теперь мы уже все трое волновались. Я влез на стену, Лив и Тиоти последовали за мной. Мы очутились на большой платформе из плотно пригнанного камня. Под сплошным лесным пологом царил угрюмый сумрак.

Мы с Лив недоумевали: как это древние строители сумели доставить сюда базальтовые глыбы, ведь все ближайšie скалы состояли из рыхлого туфа. Внезапный возглас Тиоти дал нам понять, что он что-то обнаружил. Раздвинув ветки, он показал на прислоненные косо друг к другу, наподобие двускатной крыши, большие красные плиты, наполовину заросшие корнями и дерном.

Осторожно мы принялись их расчищать. Плиты были величиной с толстый матрац, но с острыми углами и с рельефными фигурами на плоскостях. Ничего подобного до сих пор не находили не только на Маркизских островах, но и во всей Полинезии вообще.

На одной плите выстроились в ряд семь гротескных человеческих фигур. Одни словно размышляли, подперев рукой подбородок, у других обе руки были сложены на животе, третьи подняли руки над головой, подобно изображениям, виденным нами вокруг кладбищ. Огромные торчащие уши придавали некоторым из них сходство с животными. В окружении этих демонов было высечено двойное изображение: бок о бок два маленьких человечка, руки на животе, ноги на общем цоколе. На второй плите — только три фигуры, все в танцевальных позах: одна рука на бедре, вторая плавно изогнута над головой.

Обтесанная поверхность плит выветрилась меньше, чем рельефные фигуры, и мы различили врезанные линии, образующие прямоугольные лабиринты.

Тиоти избегал близко подходить к этим «тики». На Маркизских островах все древние человеческие изображения называли «тики». У предков это слово означало «бог», у Тиоти — «демон».

Проливной дождь загнал нас под широкие листья.

К великому облегчению Тиоти, ливень кончился так же внезапно, как начался. Вернувшись к плитам, мы увидели, что с одного конца между ними вставлен белый треугольный камень. Противоположный просвет был плотно замурован. Осторожно отодвинув «дверь», я увидел темную яму. Интересно! Лив затаила дыхание, когда я ногами вперед полез внутрь. Тут Тиоти не выдержал.

— Ты можешь разогнать демонов моей лампой! — предложил он, приготовившись бежать к лодке, где лежал его керосиновый фонарь.

Я сказал, что обойдусь спичками. Тиоти подал их мне, соскочил с платформы и исчез.

Вытянув руки вверх, я протиснулся через входное отверстие, нащупал босыми ногами опору, отпустил руки и приземлился на мягком полу. Ощупью я убедился, что нахожусь в маленькой камере с гладкими каменными стенами. Чтобы не заслонять вход, я продвинулся дальше вглубь, но светлее от этого не стало. Мои ступни уперлись во что-то твердое. Чиркнул спичкой — она тут же погасла в сыром воздухе, и стало темнее прежнего. Я успел разглядеть лишь кусок стены около моего локтя.

Следующая спичка вовсе не хотела зажигаться. Вся коробка намокла. Я присел на корточках и чиркнул снова, защищая пламя ладонями. На меня глянуло оскаленное белое лицо, и опять воцарился мрак. Новая спичка. Черт, не тем концом! Еще одна. Наконец-то. И снова моим глазам предстало оскаленное лицо. Я стоял на покойнике.

Присыпанный перегноем, у моих ног лежал желтоватый скелет. Не слишком древний, судя по тому, что рядом с черепом стоял европейский аптечный пузырек из цветного стекла. Вероятно, здесь был погребен последний шаман Ханававе; когда на остров впервые прибыли миссионеры, они вполне могли застать его в живых. Подобно Тукопане в долине Омоа, он призвал на помощь тики и табу, чтобы отпугивать от могилы злых духов. Самым злым духом, какой когда-либо являлся в Полинезию, был белый человек. И я выбрался наружу из заколдованного склепа, предоставив шаману спать спокойно.

Найти Тиоти не представляло трудности, он ждал нас по ту сторону ручья. К нашему удивлению, мы застали здесь и Фаи. Он заявил, что и не думал удирать, просто ходил разведать еще одно заколдованное место. Фаи указал на высокий лавовый монолит, который, словно огромный палец, торчал над лесом поблизости. Моту-нуи — «большая скала».

Подойдя к скале, мы убедились, что ее отвесные стены отшлифованы дождем и ветром. В поисках питательной почвы несколько кустиков на высокой полке опустили вниз длинные, тугие лианообразные корни. Эти корни заменили веревки троим мужчинам, которые задумали карабкаться вверх на заколдованную скалу. Как Лив ни дулась, а пришлось ей ждать внизу, на дереве, чтобы не опасаться диких свиней и собак. Скалолазание — дело мужское.

Только унижительная перспектива остаться в обществе вахины заставила Тиоти и Фаи лезть вместе со мной. Высота их не пугала, они боялись последствий нарушения табу.

Взявшись за корни, Фаи полез первым, за ним — я, последним — Тиоти. У меня кружилась голова, и я старался прижиматься плотнее к скале. Да-а, это и впрямь не девичий спорт.

Из-под моего колена сорвался камень и полетел вниз. Я увидел у себя под ногами соломенную шляпу Тиоти, крикнул, чтобы он поберегся, и зажмурился. Быть беде, конец пономарю... Не открывая глаз, я тихо спросил, как он там. Спросил просто так, не рассчитывая на ответ.

— Камень разбился о голову Тиоти, — донесся снизу спокойный голос.

Пономарь успел увернуться.

И вот мы достигли полки, которую приметили снизу. Бросив на нее один взгляд, Фаи тут же захотел спускаться. Пришлось мне протискиваться мимо него.

Уступ был заполнен скелетами. На него выходила небольшая пещера; в ней лежали истлевшие лубяные веревки, черепа и кости. Многие кости были обернуты белой тапой-материей из луба хлебного дерева или вымершего дерева эуте. Под сводом висели длинные человеческие косы. Среди выдолбленных деревянных корыт стоял сколоченный из

самодельных досок ящик. Останки в этом ящике были облачены в европейскую одежду с пуговицами. След меновой торговли? Или здесь погребен потерпевший крушение моряк, который кончил свои дни среди каннибалов Фату-Хивы?

Фаи скрылся из виду, и снизу донесся отчаянный крик: он столкнулся с Лив, которая все же решила в одиночку лезть на скалу. Эта неожиданная встреча могла стать роковой. Фаи был вне себя от волнения и страха, пока не поменялся местами с Лив и продолжил спуск.

В один день столько переживаний! Я облегченно вздохнул, когда мы все четверо собрались внизу и направились в деревню. Мысль о нарушенных табу привела наших друзей в такое смятение, что от них можно было ожидать самых нелепых поступков. На каждом шагу им чудились всякие страсти. Табу нарушены

— кары не избежать...

Не очень-то крепко спалось нам в ту ночь на полу лачуги Фаи. Доносился глухой кашель из соседних хижин, слышался лай раздраженных собак, сквозь щели в стене просачивался тошнотворно-сладкий запах копры, и Тиоти вертелся юлой.

Рано утром мы спустились на черный галечный пляж. Пришла пора уезжать. Спустить лодку на воду даже с подветренной стороны острова было делом непростым. Океан никогда не успокаивался совсем. Катящие на запад валы засылали в обход северного мыса лазутчиков в открытую бухту. Здесь возникали длинные ряды бурлящих волн, которые одна за другой разбивались о черную гальку в туче соленых брызг. Полинезийцы маневрировали долбленками в полосе прибоя не хуже, чем европеец маневрирует автомобилем на оживленной улице. Подняв на руках лодку, они выжидали нужный момент и бежали вперед. Мы так и не научились определять подходящую волну. То ли она была пониже других, то ли просвет между нею и следующей был чуть больше.

И вот Тиоти, Лив и я стоим, держа на руках долбленку, и ждем подходящей волны. Слабый пловец, я чувствовал себя далеко не уверенно. Сжимая в руках поперечные жерди, готовые ринуться вперед, мы стояли на береговом валу, куда долетали только брызги. По знаку Тиоти вбежали в пенящуюся воду, вскочили в лодку и начали грести, как одержимые, чтобы перевалить через следующую волну прежде, чем она вздыбится отвесной стеной.

Несколько гребков, и вдруг я увидел нечто такое, что заставило меня живо отложить весло и упасть на четвереньки у ног Тиоти. Из круглого отверстия в дне пироги фонтаном била вода! Чертов пономарь! Когда мы вчера причалили, он вытащил пробку, чтобы вытекла накопившаяся в лодке вода, а сегодня в суматохе забыл закупорить отверстие. Пробка осталась на берегу. Волна за волной подбрасывали нас кверху; Тиоти в одиночку старался направлять нос лодки вразрез накату, чтобы нас не опрокинуло. Работая одним веслом, он уводил долбленку подальше от берега, от коварного прибоя, который норовил завлечь нас в ревущие каскады у скал. Лив схватила черпак — половину скорлупы кокосового ореха — и лихорадочно принялась вычерпывать воду, меж тем как я одной рукой зажимал дыру, другой искал что-нибудь взамен пробки. Пономарь лихорадочно перебрасывал весло с борта на борт.

Лодчонка была наполовину заполнена водой, когда полоса прибоя осталась позади и Тиоти наконец получил возможность отложить весло. Сняв свою соломенную шляпу, он стал ей помогать Лив вычерпывать воду. Тем временем я законопатил дыру пучком кокосового волокна. Опасность миновала, мы мерно покачивались на длинных валах среди открытого, дружелюбного моря. Берег — вот где сосредоточилась угроза, мы все еще слышали, как галька и прибой рычат и режут, будто разъяренные львы. Прежде я как-то не задумывался над тем, что море всего опаснее и коварнее у берега. А ведь именно эту полосу большинство из нас видит и по ней судит о нраве всего моря в целом.

Я покачал головой, осуждая забывчивость Тиоти. Он встряхнул соломенную шляпу, надел ее на голову и пробормотал в свое оправдание:

— Табу.

Но мы не спешили возвращаться домой. Нам хотелось осмотреть берег дальше на

север, вплоть до безлюдной долины Таиокаи. Там, согласно легенде, находилось подземное озеро, которое Фаи называл ВайПо — «ночная вода». Иностранцы до сих пор даже не слышали об этом озере, а из фатухивцев только двое — Капири и Кеакеа из долины Ханававе — проникли в пещеру и видели теряющуюся во мраке гладь. Снова занавес закрыл величественную сцену Ханававе, и дальше на север мы пошли вдоль сплошной стены, над нами словно нависали небоскребы без окон. Следом, качаясь на валах, на еще меньшей долбленке шел Фаи. Мы задумали, если найдем пещеру, внести его лодку внутрь.

Близился вечер, когда мы достигли цели. Перед нами открылась небольшая долинка Таиокаи. Здесь надо было пристать к берегу, и мы знали, что это не легче, чем отчалить. Когда причаливаешь, тоже следует на почтительном расстоянии ждать надлежащей волны. Снова между нами и сушей рычала галька и ревел прибой. Вспомнилась барабанная дробь, которую исполняют в цирке перед особенно рискованным номером. Мы уповали на опыт Тиоти. Он уже доказал, что умеет справляться с волнами.

Но сегодня у него что-то не ладилось. Невероятно: в решающую минуту, когда мы мчались, будто доска для серфинга, на гребне блестящей водяной стены, весло Тиоти вхолостую промелькнуло в воздухе. Аутриггер, прикрепленный на концах поперечин для устойчивости долбленки, вдруг поднялся из воды. Я успел еще увидеть между задравшимися кверху поперечинами, как Фаи выскакивает на берег и вытаскивает за собой свою лодчонку. В ту же секунду аутриггер описал дугу у нас над головой, долбленка опрокинулась, и мы все трое, очутившись в воде, завертелись мячиками среди каскадов. Возможно, какой-нибудь мастер серфинга лучше совладал бы со стихией, нас же выкатило кубарем на баррикаду из обкатанных морем камней. Несколько секунд пальмы Таиокаи стояли в моих глазах вниз макушками в вихре звездного фейерверка, наконец голова перестала кружиться, и я увидел, как Лив и Тиоти с трудом поднимаются на ноги рядом со мной. Мы отделались синяками и ссадинами. Фаи помог вытащить на гальку опрокинутую долбленку Тиоти; потом мы общими усилиями отнесли обе лодки подальше от воды.

Уже темнело, когда мы принялись выжимать соленую воду из наших пледов. Волны все доставили на берег, даже шляпу Тиоти.

— Табу, — коротко заметил он, надевая ее на голову.

В темноте все попытки проникнуть в заросли оказались тщетными; не помог и керосиновый фонарь, который Фаи привез с собой, чтобы светить в пещере. Поэтому мы разожгли костер на самом верху каменного вала, сооруженного прибором. Приложили к ссадинам и ушибам кору гибискуса и листья, просушили у костра сами и осторожно, чтобы не спалить, подсушили пледы. Постарались сделать каменное ложе возможно более удобным и уснули на пляже. Если бы не усталость, мы, наверно, и глаз не сомкнули бы.

А среди ночи меня разбудили жалобные крики и сердитые возгласы моих спутников. В первую минуту мне показалось, что из черных зарослей на берег вышел миллион духов и демонов. Я видел только звезды да тлеющие головешки угасающего костра, но со всех сторон доносился стук костей. Что-то холодное царапало мне острыми ногтями шею, ступню, пояс. Я отбрыкнулся одной ногой, но никого не задел. Тогда я начал беспорядочно отбиваться руками, колотя себя там, где меня щипали незримые гости. Задел рукой что-то противное, какие-то суставы и костлявые пальцы с когтями посыпались на меня и скатились на гальку, когда я сел. Каждая кость отдельно продолжала ползать по камням, цепляясь острыми когтями, и все вместе они с жутким сухим стуком норовили снова взобраться на меня.

Судя по тому, что крики остальных я услышал в ту самую секунду, когда костлявые пальцы начали щипать меня, нападение произошло одновременно со всех сторон.

Тиоти несколько раз выкрикнул какое-то имя, которого я никогда раньше не слышал, а Фаи ощупью нашел фонарь и зажег его. Тотчас сон как рукой сняло. Нас окружали сотни белых суставов величиной с куриное яйцо; они передвигались на крючковатых пальцах, напоминая огромных пауков. В свете фонаря я рассмотрел большие, выбеленные солнцем старые раковины, которые присвоил один из самых удивительных представителей

ракообразных — рак-отшельник, прячущий в передвижных крепостях свое мягкое брюшко.

Я в жизни не видел столько раков-отшельников одновременно. Да и наши друзья фатухивцы были поражены их размерами и количеством. Самые маленькие — с рисовое зерно, самые большие — с куриное яйцо, даже с детский кулак. Казалось, это галька ожила.

И снова мы вынуждены прибегнуть к мало что говорящему слову «инстинкт» для обозначения волшебства природы, которая с детства нашептывала этим созданиям, чтобы они подыскивали себе раковину подходящего размера и прятали брюшко в ее броне. Крохотная тварь, явившись на свет в большом мире, точно знала, что ей делать. Ползая по берегу, она исследовала старые пустые раковины, пока не находила подходящую. Затем брала ее клешнями и аккуратно надевала на себя, так что раковина мешком облекала брюшко. Природа позаботилась о том, чтобы брюшко изгибалось в соответствии с извивами раковины, а также чтобы одна клешня была больше другой и служила дверью, плотно закрывающей вход в присвоенный домик. Подрастет рак-отшельник — начнет искать квартиру попросторнее. Расхаживает на длинных ногах по берегу или по дну и проверяет пустующие жилища. Найдет недовольный жилец домик, устраивающий его на следующий срок, осторожно извлекает уязвимое брюшко из старой квартиры и забирается в новую. И так из поколения в поколение. В целом мире ни одно другое тонкокожее животное не додумалось до столь гениального способа защищать свое тело, а вот раки-отшельники во всех морях не сомневаются в его правильности.

Есть не менее хитроумные крабы, которые придумали свои способы защиты. Крабы не умеют думать? Значит, кто-то подумал за них и подсказал, как надо делать. Ведь знает же краб дремля, что всем представителям его семейства положено надевать для маскировки на свой панцирь определенного вида живую губку. Эта губка, напоминающая картофелину, очень легкая, и маленький хитрец может спокойно расхаживать по дну моря, полагаясь на камуфляж, ибо несъедобная губка отпугивает любителей крабьего мяса.

Крабу орегония кто-то подсказал другой, столь же остроумный способ. Представители этого семейства снимают клешнями с прибрежных камней молодые водоросли и с ловкостью искусного садовника сажают их на свой твердый карапакс. И достигают желанной цели: где бы они ни ходили, их практически невозможно распознать благодаря кольшащимся водорослям.

Не берусь сказать, что побудило раков-отшельников устроить такое нашествие и нарушить наш сон. Скорее всего эти местные жители бродили каждый по своим делам: один искал корм, другой — партнера, третий — отвечающее возросшим требованиям новое жилище. Мы восприняли их как дикую, неорганизованную банду, одержимую страстью метаться и ползать взад-вперед, щипать нас просто так, протискиваться под нами от нечего делать. Когда мы стали их прогонять, чтобы оставили нас в покое, они живо укрылись в своих убежищах, захлопнули дверь и откатились прочь. Через минуту, прикрываясь бронированной варежкой, высунули глаза на стебельках, чтобы проверить обстановку. Все спокойно? Можно высовывать ноги и шагать дальше.

В этом многочисленном береговом сообществе ни одна собака не уснула бы как следует. Все же я, видно, под конец задремал, потому что, когда открыл глаза, увидел, что наши друзья уже встали и Фаи выбирается из зарослей с грузом хлебных плодов и апельсинов. Он сразу же сходил за новой партией плодов и погрузил их в лодку Тиоти; сам пономарь в это время бил рыбу острогой. На пляже мы нашли крупных морских улиток, еще не покинувших свои раковины. Раки-отшельники терпеливо ждали, когда раковины освободятся, но мы повели себя более, бесцеремонно. Испекли улиток в их домиках и съели на завтрак.

Хотя руки-ноги заоченели от твердого каменного ложа, мы пошли искать вход в пещеру. Дорога туда вела вдоль крутого обрыва, в который одним концом упирался пляж.

Долину Таиокаи никак нельзя было назвать уютной. Некогда она была густо населена, но затем произошла катастрофа. Целый горный отрог обрушился, и деревни со всеми домами и жителями исчезли под грудами камня. Вызванная землетрясением волна прокатилась

далеко по океану. И теперь горы нависали над Таиокаи, грозя обвалиться в любую минуту. Большая часть долины представляла собой поросшее кустарником чудовищное нагромождение обломков. На краю осыпи мы увидели следы кладки, наполовину погребенной обвалом. И ночью, воюя с беспокойными гостями, мы то и дело слышали стук падающих камней.

Низкий, но широкий лаз в пещеру находился у подножия скальной стены и был частично завален здоровенными глыбами. Мы пробрались внутрь, и в полумраке нам открылась огромная подземная полость. Каменистый откос привел нас на окаймляющий озеро чудесный белый пляж. Свет проникал только через расселину за нашей спиной, и большая часть пещеры была окутана темнотой. С разных сторон доносился звук капающей в озеро воды. Без керосинового фонаря и лодчонки Фаи невозможно было толком что-нибудь рассмотреть, и мы сходили за ними.

Ваи-По — «ночная вода»... Мы зажгли фонарь и увидели низкий волнистый свод; как будто над гладким, словно замерзшим озером простерлось опрокинутое окаменевшее море. Блики света от фонаря лежали неподвижно на воде, но по неровному своду бегали сотни беспокойных теней.

Мы спустили лодку на воду и затаили дыхание. Хрустальные звуки, точно от ксилофона или серебряного колокольчика, поплыли над озером и наполнили пещеру. Кликк-клякк-клякк-клякк-кликк. Рябь от лодки покатила по темной глади и родила волшебную музыку, ударяясь о невидимые стены.

Я прыгнул в лодку, где уже сидела Лив, и оттолкнулся от берега. Тиоти и Фаи застыли, будто каменные изваяния, сидя на корточках на каменистом откосе. Озаренные со спины призрачным светом из расселины, их фигуры казались неестественными. Серебристые полосы дневного света, дотягиваясь до озера, плясали на небесно-голубой поверхности воды и смешивались с теплыми, красно-желтыми бликами от фонаря, который держала Лив.

Я начал грести, и тотчас со всех сторон опять зазвучали серебряные колокольчики. Незабываемая музыка, забываемая игра света... Работая веслом, я направил лодку в густой мрак. Небольшой мысок заслонил от нас пономаря и Фаи, и погасла феерия красок. Тусклый фонарь обступили мрак и тишина. Хотя наши друзья пропали из поля зрения, мы слышали, как Тиоти спрашивает Фаи, заколдовано ли это место, есть ли в озере опасные течения или чудовища. Фаи ответил, что не знает.

Взяв цветок тиаре, который был заткнут у нее за ухом, Лив положила его на воду. Никакого течения... Я зачерпнул ладонью немного воды и попробовал. Неожиданно холодная и вкусная, с едва заметным солоноватым привкусом. Еще несколько гребков веслом — и что-то больно ударило меня по голове. Свод опустился. Мы пригнулись и продолжали движение, пока нос лодчонки тоже не уперся в свод. Дальше продвигаться можно было только вплавь. «Ночная вода» уходила под скалу.

Фаи слышал предание, будто в глубине пещеры есть еще проход, но чтобы найти его, надо нырять. Проплывешь через подводный ход — окажешься в другой, совершенно сухой пещере. До того, как жители долины Таиокаи были погребены обвалом, местный шаман обитал в этой потайной пещере. Говорили, что его скелет до сих пор сидит там в каменном кресле рядом с алтарем.

Нам с Лив очень хотелось нырнуть и проверить правдивость этой истории, но фонарь Фаи не мог гореть под водой, к тому же у нас не было с собой веревки. В это время из-за мыса донесся взволнованный голос Фаи. Выйдя наружу, он обнаружил, что погода меняется. Мы быстро вернулись к белому пляжу и поднялись по откосу к выходу из пещеры. Наши друзья стояли и смотрели на выплывающие из-за нависающих гребней тучи. Тиоти почесывал спину

— явный знак тревоги. Его беспокоила погода. Направление и сила ветра изменились. Кончилось затишье, когда можно было спокойно выходить в море. Надо поторапливаться, если мы не хотим застрять здесь на неопределенный срок.

Первым делом мы вынесли лодки на крутой галечный вал. Потом забегали взад-вперед,

высматривая, где легче проскочить через ревуший прибой. Я проверил, на месте ли пробка в днище. И вот уже, вбежав по пояс в бурлящую воду, мы вскакиваем в лодки. Кричим, гребем, смотрим вправо-влево, не подкрадывается ли коварный гребень, мокрые насквозь одолеваем препятствие за препятствием на маленькой деревянной лошадке, совершая лихие прыжки между небом и водой. И наконец выходим в море, где катят длинные ленивые валы.

Фаи держался ближе к берегу, направляясь домой, в долину Ханававе, мы же решили срезать дугу, идти прямо в Омоа. Шел третий день после того, как было нарушено табу, и наши друзья не сомневались, что теперь-то уж непременно что-нибудь стряется. Если Тиоти вообще отважился отойти далеко от берега, то лишь потому, что нависающие скалы Таиокаи пугали его еще больше, чем море.

Вскоре мы убедились, что волны стали круче и пошли чаще, чем накануне. Нас то и дело захлестывало, пришлось даже, чтобы уменьшить осадку, выбросить за борт хлебные плоды. Тиоти оставил только рыбу.

Проходя залив Ханававе, мы на прощание помахали веслами Фаи. Затем каменные ворота закрылись за ним, мы остались одни в океане. Тропическое солнце нырнуло отвесно в море, и нашу часть мира быстро окутал мрак. На мгновение там, где скрылось светило, небо заиграло волшебными красками, потом нас окутала тропическая тьма, и мы словно ослепли. Иногда между огромными тучами проглядывали звезды; было несколько секунд, когда весь остров чернел расплывчатым силуэтом на фоне южных созвездий. Однако большей частью мы гребли, не видя суши. Тиоти правил, руководствуясь ветром и волнами.

А волны становились все выше, гребни — все острее, и все чаще в ночи с шипением сверкали белые барашки. Наша лодчонка то скатывалась вниз, то взмывала вверх, то скользила наискось, а в душе у нас росла тревога. Слишком мала осадка. Если волнение еще усилится, это может кончиться плохо. Мы не различали волн, поэтому нас каждый раз застигали врасплох коварные струи, которые поливали наши ноги. Приходилось поспешно вычерпывать воду. Иной раз долбленку захлестывало так сильно, что кокосовый черпак, которым орудовала Лив, казался наперстком. Тогда вступали в действие более емкий калебае и соломенная шляпа Тиоти. Мы спешили все вычерпать, не дожидаясь, пока новая коварная волна наполнит корпус до краев.

Если поверхность воды внутри и снаружи сравнивается, объяснил Тиоти, черпать уже ни к чему. Не потому, что долбленка пойдет ко дну, утешил он нас. Можно грести и дальше, сидя по шею в воде. Если бы не акулы. Когда мы шли на север, акулы не показывались, но теперь в воду, которую мы вычерпывали, попала рыба кровь, и можно не сомневаться, что хищницы незримо следуют за нами.

У акулы есть особые органы, позволяющие ей улавливать запахи, так сказать, всем телом, и она способна издали обнаружить каплю крови. Когда со скал срывалась в море раненая коза, треугольные плавники тотчас слетались со всех сторон; то же можно было наблюдать, когда рыбак чистил рыбу, сидя в лодке. Мы знали, что у Маркизских островов водятся самые большие в мире голубые акулы. Некоторые из них были в два-три раза длиннее нашей лодки.

Казалось, ночи не будет конца. В полузатопленном корыте, окруженные невидимыми шипящими волнами и безмолвными людоедами, не видя никаких ориентиров, мы изо всех сил старались удержаться на поверхности моря. Нас бросало вверх-вниз, качало во все стороны — хорошо еще, что совсем не укачало.

Нам было страшно, ведь каждая минута могла стать последней. Мы то откладывали весла, то снова хватались за них. Вычерпывать и грести, грести и вычерпывать... Опять на миг показался на фоне звезд силуэт острова. Но пока ничего похожего на Омоа.

Тиоти чуть изменил курс. Он ничего не говорил. Ему тоже было страшно, да к тому же он не сомневался, что нас все-таки настигла кара демонов. Он нас предупреждал. Теперь мы можем убедиться в его правоте.

Пономарь, который верит в табу! Меня разбирала злость. Это из-за него вчера случилась беда. Не табу, а самовнушение повинно в его ротозействе. А он, вместо того

чтобы вспомнить бога Пакееее и патера Викторина, сидит и думает о демонах, в которых верили старые каннибалы. Того и гляди какую-нибудь промашку совершит. Достаточно одного неосторожного движения, достаточно выронить шляпу, которой он вычерпывает воду. Что бы ему сосредоточить мысли на чем-нибудь позитивном? В кромешном мраке я вспоминал, чему меня учили в детстве. Христианин обязан знать, что вера способна сдвигать горы. Я злился на пономаря, потому что он верил в мстительного демона, а не в благожелательного бога. Точнее, он верил и в того, и в другого. Я ни в каких демонов не верил. Но в эту минуту мне думалось, что не мешало бы, пожалуй, верить в какого-нибудь бога. Может быть, прав мой отец и не права мать. Впрочем, не исключено, что и она верит. Только его бог взят из древней книги, написанной иудеями, а ее — из более свежего труда, созданного англичанином по имени Дарвин.

Мы гребли, мы вычерпывали, и я обзывал себя слепым дурнем. Даже в кромешном мраке среди пустынного моря, а может быть, здесь больше, чем где-либо, мне следовало бы сознавать, что наибольшее могущество воплощено не в человеке и не в том, что он видит в микроскоп, а в вездесущем и неуловимом явлении, которое выдавливает хлебный плод из сухой ветки, побуждает паука заниматься ткачеством, учит каждого рака-отшельника искать пустые раковины. Разве не видел я, месяцами живя на природе, на каждом шагу проявления этих природных сил? Свидетельства вполне реальных вещей, для которых наука еще не придумала названия, проявления силы, которая побуждает природу творить, а затем налаживать хитроумную эволюцию и автоматически регулируемое равновесие.

Мы чувствовали себя совсем маленькими в безбрежной ночи. Но есть же что-то огромное, что руководит всем, сокрытым во мраке от человека. Ночью вселенная кажется куда больше; когда светло, легче «внушить себе, что в мире существует лишь то, что ты видишь своими глазами.

Какая долгая ночь! Меня одолевала усталость, одолевал страх, терзала мысль о том, что силы Лив на исходе. И я обратился с мольбой к благожелательным силам, в которые сам не верил и которые все же никак не мог обойти в своих рассуждениях. Я молил сохранить нам жизнь и помочь благополучно добраться до берега. На душе стало легче, прибавилось энергии. Я бодрее заработал веслом. Заметив это, и Тиоти приналег на свое весло. Мы прибавили ход, нас уже не так сильно захлестывало. Разумеется, источником свежих сил было самовнушение, связанное с тем, что в мозговых извилинах место злокозненных демонов занял доброжелательный бог.

Определенно гребни волн стали менее крутыми. Мы рассмотрели черные скалы, услышали прибой. Показались тусклые огни в лачугах Омоа, а на берегу перед пальмами пылал огромный костер, который развел ожидавший нас Пакееее.

Мы развернули лодку носом на этот маяк. Снова от райских кущ на суше нас отделял оглушительный рев бушующего прибоя. Все черно, если не считать беспокойные блики на гальке да несколько полуголых фигур, которые металась между пальмами, подбрасывая хворосту в костер.

Мы задержали лодку у той черты, где рождался прибой. Наконец пономарь скомандовал:

— Пошли!

Могучая волна подхватила нас и понесла вперед со скоростью курьерского поезда. Впереди и сзади пенились острые гребни. Вода кипела, бурлила, вздымаясь все выше, выше, и, когда огромная водяная стена обрушилась на черную гальку, сильные руки поймали долбленку и оттащили к костру.

Мы благополучно вернулись в свою долину.

— Табу, — коротко произнес мокрый насквозь пономарь, встряхивая свою соломенную шляпу.

— Нет, — возразил я. — Сегодня третий день, а мы живы-здоровы.

— Потому что с вами был бог, — объявил Пакееее.

— Он был с нами потому, — добавил Тиоти, — что я пономарь и протестант.

Бегство через океан

И явился дождь. Не внезапный ливень, готовый смыть нашу хижину вместе с хранящимися под койкой черепами. Нет, дождь подкрался, как вор, похитил солнце, и воцарилась тоскливая сырость. Ни капли не просачивалось сквозь листовую крышу, и все-таки всюду проникала, все пропитывала влага. Матрац из упругих банановых листьев перестал пружинить, пледы отяжелели, запах плесени заглушил благоухание цветов и трав. Мы не слышали грохота обвалов или оползней, но день и ночь в ушах отдавались звуки, порожденные водой: вода капала, журчала, струилась, плескалась, брызгала, текла повсюду. Грязь... Наша хижина уподобилась судну в грязевом море.

Душа не лежала выходить на поиски пищи, разве что в короткие промежутки, когда проглядывало солнце. Оно казалось жарче прежнего, словно прибавило пылу, чтобы просушить дбри. Но слишком скоро светило опять скрывалось за пеленой туч, которые сбрасывали на лес свой влажный груз. Одно маленькое утешение: в такую погоду никакой враг, даже в темноте, не мог подкрасться к хижине, не оставив на грязи четких следов.

В начале дождевого периода мы продолжали кочевой образ жизни, Странствовали по горам, по дбрям, ходили на лодке вдоль подветренного западного берега. Однажды, когда вроде бы распогодилось, мы снова навестили богатую археологическими памятниками великолепную долину Ханававе. Среди зарослей на одной скале нам попала культовая терраса, выложенная из тщательно обтесанного красного камня. Тараща на нас большие круглые глаза, здесь стояли покосившиеся, источенные зубом времени деревянные фигуры. Высоко на склонах виднелись замурованные пещеры, но туда взобраться нам не удалось.

Однажды вечером, когда мы вернулись в долину Омоа из очередной вылазки, нас встретил в деревне Пакееее. Он и Тиоти явно ждали нас, их вахины приготовили чудесное угощение — зажарили дикую свинью в земляной печи. А после ужина мы были приглашены на необычный лов рыбы.

Наступила ночь, очень темная, несмотря на ясное небо, так как луна не показывалась. Море дышало ровно, будто спящая красавица. Мы прошли на берег и спустили на воду две лодчонки. Пакееее и Лив сели в одну, мы с Тиоти — в другую вместе с приемным сыном Пакееее, юным озорником Пахо. На носу каждой лодки было привязано лубяными веревками по снопу сухой теиты, местного травянистого растения, напоминающего бамбук и достигающего трех метров в высоту. Эти снопы должны были служить факелами.

Выйдя в море, мы зажгли факелы. Они с треском вспыхнули, озаряя воду кругом и рассыпая искры в ночном воздухе. Над пляжем пальмы помахивали своими веерами; над головой у нас мерцали бесчисленные звезды. Черная вода закипела рыбешками, но мы пересекли этот косяк, продолжая идти вдоль скал к рифам Тахоа. Вторая лодка следовала вплотную за нами в праздничном освещении. Где-то вверху хрипло кричали крупные морские птицы, гнездящиеся на скальных полках.

Внезапно воздух над лодками стали пронизывать летучие рыбы. Они взлетали из черной воды блестящими снарядами, проносились через освещенное пространство и падали в море с другой стороны. Их-то нам и предстояло ловить, но не на крючок и не острогой. Летучих рыб здесь ловили в воздухе, как птиц.

Творилось нечто неожиданное и удивительное. Трескучие факелы чудесным образом приманили полчища рыб, и веретенообразные жители моря парили в воздухе, летя на свет. Впервые в жизни увидели мы таких больших и тяжелых летучих рыб. Они были с локоть длиной. То одна, то другая, рассекая воздух, словно пущенная из лука стрела, громко ударялась о борта лодки,

— Берегите глаза, — предупредил пономарь.

Сверкающие стрелы не разбирали пути, некоторые из них проносились у нас перед самым лицом.

Выпрямившись в рост в углой лодчонке, пономарь размахивал сачком на бамбуковом

шесте. Поймал рыбу на лету и быстро бросил нам под ноги. Я схватил трепещущий снаряд. Из лодки рыба взлететь не могла, она была беспомощна, как планер на земле. Чтобы взмыть над поверхностью воды и пролететь на широких грудных плавниках сто или больше метров, ей необходимо как следует разогнаться, энергично работая хвостом. Я едва удерживал пленницу двумя руками — сплошной комок мышц! Спина черная, как ночное небо, брюшко белое, бока расписаны серебристо-голубыми полосами. Форма идеально приспособлена для высокой скорости. В те годы люди еще делали прямоугольные автомобили и только-только учились придавать обтекаемую форму своим неуклюжим самолетам. Рыба тарасила на меня торчащие темные глазища, которые обеспечивали ей круговой обзор, когда она расправляла свои несущие плоскости — тонкие, как целлофан, пятнистые крылья на расходящихся веером распорках.

Еще одна пленница очутилась в сачке... Вдруг я увидел рыбу, летевшую прямо на меня. Я не успел отклониться, и она ударила меня в живот так сильно, что я свалился с банки, к немалому удовольствию Пахо. Живая стрела попала в яблочко, но упала на дно лодки вместе со мной, и наш улов увеличился на одну рыбу. Из другой лодки тоже доносился визг и смех; видно, и туда залетали подводные ракеты.

Воздух наполнился летучими рыбами, и я невольно вспомнил норвежскую зиму, когда мы, мальчишки, обстреливали друг друга снежками. Одна рыба поразила любимый головной убор пономаря, и шляпа очутилась за бортом. Другая рыба ударила Пахо по шее. Мы ловили рыб на лету и в море и хохотали до упаду, мокрые от соленой воды. Нас то и дело задевали живые снаряды. Мы с Пахо еле поспевали увертываться, а Тиоти отбивался сачком.

Когда от факелов остались одни хвостики, Тиоти надел их на палку, чтобы горели до конца. Но вот последние искры, шипя, упали в море, и только звезды мерцают над нами. Тотчас потешные рыбы перестали летать. Лишь морские птицы кричали на невидимых в темноте скальных выступках над нами.

В нашей лодке я насчитал тридцать пять больших рыб, причем многие залетели к нам сами. Вполне достаточно не только для нас, но и для Вео и других семей. Однако пономарь не унимался. Вернувшись в залив, мы забросили удочку, наживив крючок кусками летучей рыбы. Тиоти объяснил, что здесь сейчас должна ловиться као-као. И правда, мы в два счета поймали четыре здоровенных рыбины с вытянутой в клюв головой. Потом надолго наступил перерыв. Меня клонило в сон.

Пономарь постучал веслом о борт. Не помогло. Клев кончился. Подождали еще немного. Он опять постучал о борт, так что грохот отдался в ночи. ,

— Зачем ты это? — спросил я.

— Рыба уснула, — ответил пономарь.

Прошла неделя, вторая, третья. Все чаще лил дождь, и все больше грязи прибавлялось в дебрях. Мало-помалу пришлось нам отказаться от кочевой жизни. Ноги покрылись нарывами и язвочками, которые вынудили нас ограничить вылазки районом, прилегающим к хижине. Нарывы появились еще раньше, но мы все терпели, пока они не взяли за нас всерьез. У Лив три больших фурункула образовались на голени; у меня обросли язвами щиколотки и ступни. Фурункулы возникли без всякой видимой причины, а мои язвы начались с почти незаметной сыпи, которая появилась в тот самый вечер, когда мы вернулись в Омоа из путешествия в заколдованные места. От морской воды ноги вздувались, как воздушный шар; к тому же из-за непрерывных дождей мы ходили в лесу по колено в грязи.

Наступила пора, когда мы только под влиянием голода совершали короткие вылазки; большая часть времени уходила на то, чтобы держать ноги в чистоте и промывать болячки кипяченой водой. Лекарств у нас не было. Вспомнился совет учителя Ларсена на Таити — захватить с собой мазь против тропических язв. Мы не послушались его. Отвергли все современные изобретения. Желая узнать подлинную цену цивилизации, отказались от всех ее благ и от всего того, что считали ее пороками.

В один прекрасный день пономарь, встревоженный нашим отсутствием, пришел проведать нас. Мы с радостью приняли от него в дар свежую рыбу. Посмотрев на наши ноги,

Тиоти объяснил, что это фе-фе — болезнь, которую можно излечить за неделю соответствующими травами. Тут же он сходил в лес и вернулся с полной шляпой желтых цветков гибискуса. Мы сварили из них кашу, которую надо было класть горячей на обнаженные болячки.

Тиоти был очень доволен, что смог нам помочь, как мы в свое время помогли ему одолеть зубную боль. Уходя, он напомнил, чтобы мы неделю продолжали лечение горячими припарками из борао.

Мы послушались его, и фурункулы Лив прошли, но язвочки остались. Целыми днями отсиживались мы дома, обернув ноги зелеными банановыми листьями и слушая шум дождя. Наш стол становился все более однообразным. Орехи. Хлебные плоды с кокосовой подливой. Лимонный сок. А дождь не прекращался. Кругом стояли сплошные лужи. Теплый воздух был насыщен влагой. И язвы не заживали, напротив, они упорно разрастались. Появилась боль в паху, мы все чаще вынуждены были отлеживаться. На сырой постели. Повернешься на бок — пахнет плесенью от бамбуковых стен, ляжешь на живот — пахнет плесенью от матраца.

Всевозможные насекомые искали в бамбуковой хижине спасения от воды и грязи. Через плетенку на полу проникали полчища крохотных желтых муравьев, и встречные шеренги мурашей тянулись по стенам, словно оживший электрический шнур. Опасаясь за наши скудные припасы, мы подвесили кокосовые миски с содержимым на протянутых через все помещение лубяных веревках. Однако бесстрашные лазутчики живо раскусили нашу уловку, и на другое утро миски были желтыми от муравьев, а веревки напоминали ржавую проволоку. Крохотные разбойники ползали по ним буквально в несколько слоев.

В постели тоже поселились муравьи. Решив немного просушить матрац из банановых листьев, мы потревожили покой трех муравьиных семейств, которые замечались, спасая свои яйца.

Попробовали окопать столбы, на которых стояла хижина, и наполнить ямы водой, но насекомые залетали в окно и падали на крышу с деревьев. Многочисленные лужи чрезвычайно способствовали размножению комаров. Комары и раньше нам докучали, теперь же целые рои преследовали нас на каждом шагу. На теле не осталось живого места, и повторные укусы сводили нас с ума. Окровавленными руками мы сметали сотни комаров на пол, где их тотчас подхватывали муравьи.

Однажды ночью, после того, как Лив несколько часов вертелась с боку на бок, доведенная до отчаяния кровожадными крылатыми демонами, мы сдались. Все равно их не одолеешь. Нельзя больше так жить, выступая в роли невольных доноров для этих ненасытных полчищ.

Кожа горела, словно нас облили кислотой. И мы заковыляли вниз, в деревню, к Вилли. Купили у него кусок кисеи против комаров, а также по паре белых тапочек, чтобы уберечь от грязи изъеденные язвами ступни. Тапочки, предназначенные для погребального облачения, были нам так велики, что пришлось привязывать их к ногам лубом.

Из кисеи мы сделали нечто вроде палатки над нарами, а остатком затянули окна. Успех был полный, и мы проспали почти целые сутки.

Проснувшись, Лив отодвинула кисею и сунула ноги в свои новые тапочки, чтобы пойти к роднику. И только вышла на крыльцо, как оттуда донесся вопль ужаса.

Я выскочил за дверь, приготовившись к самому худшему. Лив скакала на одной ноге, а из второй тапки этойкой восьминогой мышью вынырнул большущий черный пауцище и скрылся в папоротнике. Он успел укусить ее за палец. Я знал, какими страшными последствиями чреват укус тарантула и других огромных пауков, но местные виды были мне незнакомы. Мы выдавили кровь из ранок, натерли их лимоном. К счастью, волосатое чудовище, укрывшееся в тапке Лив, оказалось не таким уж опасным, несмотря на устрашающий вид.

Тем временем в хижине началось новое бедствие, от которого нас не могли защитить ни кисея, ни тапочки. Из крохотных круглых дырочек в плетеных стенах сочилась белая

мука. Она липла к плетенке влажными лепешками, падала на пол, висела в воздухе. Она проникала всюду. Обсыпала нас снегом, когда мы спали. Мы вдыхали ее с воздухом, глотали с пищей. Иоане и его помощники наперед знали, что так получится. Они построили нашу хижину из зеленого, незрелого бамбука, прекрасно понимая, что его будет точить жучок. Для своих домов они заготавливали твердый желтый бамбук да еще нередко вымачивали его в морской воде. А нам соорудили постройку, способную простоять лишь несколько месяцев, рассчитывая заработать на новом строительстве.

Белый порошок сыпался на нас из тысяч отверстий в стенах, просачивался сквозь кисею над нарами, и вечно во рту держался бамбуковый привкус. Лив не успевала стирать пыль. Иногда из дырочек высывалось крохотное брюшко или голова с усиками — единственное, что мы видели от полчищ производителей пыли.

Только один самовольный жилец пришелся нам по нраву — Гарибальдус. Так мы назвали крупную ящерицу, точнее, геккона, поселившегося этажом выше, то есть на потолке. Гарибальдус был величиной с новорожденного котенка и платил за постой, помогая нам справляться с муравьями и прочими насекомыми. Он отваживался даже атаковать больших ядовитых тысяченожек, когда они забирались в дом. Правда, акробатические номера Гарибальдуса не обходились без звукового сопровождения. Бегая по источенным жуками бамбуковым стенам, он довольно громко топал и притом стряхивал на нас облака белой пыли. А когда мы ложились спать, Гарибальдус, сидя на потолке, квакал, пищал и мурлыкал. Да и днем он вел себя отнюдь не пристойно, причем его визитные карточки почему-то всегда падали на меня. На первый взгляд случайно, но на самом деле он явно знал, в кого метить. Потому что, если мы с Лив менялись местами, на нее ничего не падало. Только я служил мишенью. Когда же я ударял кулаком по столу и грозил затолкать Гарибальдуса в банку с эфиром, он заливался смехом и мигом исчезал в кровле.

И еще одно животное скрашивало нам одиночество — Пото. На Фату-Хиве этим словом называют кошек, и Пото в самом деле была кошкой, красивой, молодой дикой кошкой, по-звериному гибкой, с полосатой, как у тигра, шубкой и пушистым хвостом. Она не решалась входить в хижину, но прокрадывалась на каменную террасу, охотясь за мышами и ящерицами. Пото стала нашей постоянной гостьей после того, как Лив однажды поставила для нее мисочку с выжатой из тертого кокосового ореха густой подливой. В первый раз Пото сама угостилась подливой, которая была приготовлена нами как приправа к хлебным плодам. Мы увидели кошку из окна, когда она вскочила на стол под кухонным навесом и окунула мордочку в миску. С первого взгляда было видно, что кошечка в жизни не ела такой вкуснятины. Вылизав миску, Пото удовлетворенно вытерла лапкой морду и стала игриво кататься на каменной плите. Потом, должно быть, услышала какой-то звук из дома, потому что одним прыжком скрылась в зарослях. Но на другой день из-за каменной кладки снова выглянула любопытная мордочка. Миска на кухонном столе выглядела очень уж заманчиво... Она и на этот раз была полна подливы, и кошка стала нашей постоянной гостьей.

Нам удалось почти совсем приручить Пото. На первых порах ее озадачивало зрелище высоких двуногих лесных жителей, однако со временем она привыкла и подходила к Лив за кокосовым молоком. Но тут наши полудикие куры вздумали ревновать.

Из всех кур, подаренных нам первоначально, только две не одичали совершенно. Они постоянно приходили к дому за кормом — крошками кокосового ореха. Принадлежность к женскому полу не мешала им вести себя весьма воинственно: выпитив грудь и взъерошив перья, они важно расхаживали по террасе, по малейшему поводу затевая драку. Когда Пото покусилась на их корм, ее атаковали так яростно, что кошку будто ветром смахнуло с террасы/ и куры еще долго ее преследовали, хлопая крыльями.

Надеясь умиротворить этих драчливых особ, мы попросили Тиоти принести им жениха. Но едва ослепительно элегантного храброго рыцаря с красным гребнем выпустили на террасу, как на пернатых вахин словно бес напал. Заключив перемирие между собой, они свирепо набросились на бедного петушка, и он с отчаянным криком бежал в дебри. Позже

мы нашли несколько ярких перьев под дуплистым деревом. Видно, петух прятался, пока не попал в лапы какому-то хищнику. А мужеподобные куры ходили с еще более гордым видом, чем прежде, и чувствовали себя хозяевами на нашей террасе, даже нам не хотели уступать дорогу. Они явно стыдились нести яйца около дома, делали это тайно где-нибудь в чаще, а насиживать и вовсе не помышляли.

Стоило удалиться курам, как Пото возвращалась за кокосовой подливой. Если куры пролетали над нашей крышей с таким шумом, словно по склону катилась лавина, то Пото двигалась бесшумно, как облачко. Однажды она представила нам своего кавалера, которому мы дали имя Пантера. Кавалер был примерно одного возраста с Пото, но с рыжеватой шубкой и более робкий. Пото завела Пантеру на расчищенную террасу и направилась на кухню, движением головы призывая его следовать за ней. Но Пантера жался к кустам и не решался приблизиться. Что ж, стой и смотри, как подруга уписывает кокосовые сливки, когда кур нет дома...

Только животные и навещали нас в это время. Деревья перед окном кишели птицами, а в один прекрасный день с гор спустилась длиннохвостая кобыла с жеребенком. Некоторое время они гостили на нашем участке, однако вели себя робко, точно газели. Но больше всего поразило нас появление здоровенных крабов. Это на нашей-то прогалине, в нескольких километрах от моря! Заползи в хижину омар или появишься в воздухе над крышей летучая рыба, мы и то удивились бы меньше. Это не были хорошо известные на южных атоллах пальмовые воры. Вообще какой-то совсем незнакомый нам вид, и мы поймали несколько экземпляров для университетского музея в Осло. После этого случая мы больше прежнего воспринимали свою хижину как этакий Ноев ковчег среди потоков грязи и воды.

И все-таки комары оказались нашим злейшим врагом. Без рубашек и шортов лучше было не выходить за дверь, а ноги с припарками мы защищали мешками, в которых до тех пор хранились под койкой черепа. Стоило открыть дверь, и полчища маленьких писклявых чертенят устремлялись к нам, словно железные опилки к магниту. И не отбиться от них, одно спасение — снова укрыться в доме. Тогда комары облепляли кисею на окне, надеясь проникнуть внутрь. Сдуру просовывали хоботки в ячею, а длинные ноги расставляли — разве так пролезешь! Случалось иногда, что порыв ветра все-таки помогал им проскочить внутрь. Пока мы бодрствовали, с несколькими десятками таких незваных гостей еще можно было справиться. Когда же ложились спать, на всякий случай опять воздвигали оборонительный бастион в виде кисеи над нарами: на что противны дневные комары, а ночные — куда хуже. Они представляли другой вид.

Именно ночные комары переносили то, чего мы боялись пуще всего, — слоновую болезнь. Возбудитель болезни — не видимый простым глазом микроорганизм филария. Этот крохотный паразит вносится на личиночной стадии в кровь человека самкой ночного комара. До прихода белого человека на Маркизских островах вообще не знали комаров.

Как мы ни защищались, все же агрессивные ночные комары ухитрялись забираться под полог, и порой мы просыпались, искуанные с головы до ног. Мы знали, что зуд при укусе вызывается желудочным соком комара, который он впрыскивает, чтобы разбавить кровь, — так сказать, первая стадия переваривания. Когда комар ночью вонзал в нас свой хоботок, убивать его было поздно, и мы оставляли маленького хищника в покое, надеясь, что с каплей крови он всосет обратно заразные личинки. Первый признак заражения слоновой болезнью — высокая температура. Капитан Брандер рассказывал, что болезнь не разовьется, если переберешься в более прохладные края до того, как начнут отекать конечности. А уж когда распухнет нога, или рука, или мошонка, останется только прибегнуть к помощи хирурга. Да и то, уверял он, развитие отеков не прекратится.

В те дни, когда мы отлеживались под пологом, страдая от ноющей боли в зараженных фе-фе ногах, казалось, что комары заполняют все наше существование. Слепленные ненавистью и жадной мести, мы ударялись в жестокость. Дадим кровожадным извергам насосаться, а когда отяжелевшие красные мячики приготовятся улетать, начинаются их затруднения. С набитым брюхом невозможно проникнуть обратно через ячею. И пищит

комар, и пляшет, цепляется за кисею, поворачивая к нам корму. А мы острым шипом прокалываем раздутое красное брюшко. В своем садизме мы заходили еще дальше. Увидим рой, который кружит над кисеей в поисках прохода, и поднесем к ней палец в виде приманки. Тотчас жужжащий хор пикирует на кисею, пытаюсь дотянуться до пальца хоботком. Сначала мы любуемся тщетными усилиями маленьких ненасытных демонов. Потом ухватим когонибудь двумя пальцами за хоботок и — сопротивляйся не сопротивляйся — втаскиваем внутрь, безжалостно казним и скармливаем муравьям, меж тем как остальные толпятся снаружи и буквально дерутся, крылатая бестолочь, ожидая своей очереди.

Лежишь этак дома день, лежишь два, а там все же надо идти на поиски пищи. И мы ковыляли в лес на покрытых язвами, опухших ногах. Но почему так мало фруктов? Правда, пора хлебных плодов была на исходе. Однако и бананы, и феи тоже пропали... Мы перебивались кокосовыми орехами и таро. И никак не могли насытиться.

Однажды пришел Тиоти, принес добрый кусок рыбы-меч. Мы испекли рыбу в банановых листьях и с упоением набросились на нее. И лишний раз убедились, что подлинный голод позволяет испытать великое удовольствие, недоступное цивилизованному человеку, который называет себя голодным, как только у него появляется аппетит.

А еще через несколько дней мы выяснили, куда исчезают все плоды. Рано утром, до восхода, мы заметили нашего бывшего друга Иоане: с группой женщин и молодых парней он крался через заросли по соседству с хижиной, неся мешки и корзины, набитые плодами с арендованного нами участка. Но ведь они вполне могли собирать урожай в другом месте! А попробуй мы пойти на чужой участок, на нас тотчас пожалуются вождю. Тиоти только что рассказал, что Пакееее обвинили в краже феи, которых он в глаза не видел. Пакееее — человека, неспособного ни красть, ни лгать!

Словом, речь явно шла о продуманном тактическом маневре. Посмотрев вверх, я увидел, что даже на нашей террасе обобрано несколько кокосовых пальм. Беда... Взбешенный, я заковылял вниз по тропе и догнал отряд у реки, где они как раз грузили свою добычу на лошадей. Основательно потрудились...

— Иоане, — сказал, — это же мои плоды.

— Аоэ. Нет, — нахально соврал он. — Мы собрали их на соседнем участке.

Я злой, и он злой. И ничего не сделаешь. На его стороне вождь и вся деревня. Отряд ушел со своей добычей.

А еще несколько дней спустя мы увидели, проснувшись, как Иоане спускается с кокосовой пальмы на нашей террасе. Одним прыжком я выскочил из хижины. Лицо островитянина исказилось от ярости.

— Это наша терраса, — сказал я.

— А пальма моя! — прошипел он.

— Ты сдал мне участок вместе с фруктовыми деревьями!

— Орехи — не фрукты.

— Все плодовые деревья наши, пальмы тоже. Без орехов нам не прожить. Кстати, фруктов на участке тоже не оставили.

Я был вне себя от негодования.

— Кокосовые орехи для Иоане не пища, а деньги, — крикнул он в ответ.

Еще немного, и я набросился бы на него, но Иоане повернулся и ушел, бормоча, что я могу забрать себе все проклятые орехи, которые остались.

Мы были бессильны что-либо предпринять. Одни среди островитян. Появится какая-нибудь шхуна — можем послать с ней жалобу французским властям на Таити. Минет не один месяц, прежде чем жалоба дойдет до адресата. И поскольку мы живем вдали от собственного мира, понадобится год, чтобы разрешить вопрос. Еще неизвестно, как он разрешится: мы будем твердить свое, фатухивцы все, как один, — свое. А за белыми укрепилась дурная слава людей, обманывающих местных жителей. Может быть, наш случай вообще первый, когда дело обстоит наоборот. Но кто нам поверит?

И никакого выхода. Мы ели кокосовые орехи, пытались ловить раков. Но раки с

паводком словно исчезли, остались одни комары. Их в лесу развелось столько, что фатухивцы перестали заходить в долину, даже заготовку копры прекратили. Оставалось только мечтать о том, чтобы появилось какое-нибудь судно и увезло нас с острова. Куда угодно, лишь бы нам с каждым вдохом не глотать бамбуковую пыль и комаров и наполнить пустые желудки пищей, о которой уже забыли.

Голод вынудил нас навестить Пакееее. От него мы услышали, что вся деревня ждет не дождется, когда зайдет судно. Одна женщина наступила на рыбью кость, и у нее развилась язва во всю ступню. Мы знали, чем это ей грозит, и наши опасения оправдались: позже бедняжку отвезли на Таити, и там пришлось ампутировать ногу, чтобы инфекция не распространилась дальше.

Стали ждать и мы. День ждем, вечером спать ложимся, утром снова начинаем ждать. И однажды, поздно вечером, сидя на табуретках у своего бамбукового стола, мы услышали в темноте низкий хриплый звук. С моря до нас через дебри донесся пароходный гудок. В ту ночь мы почти не сомкнули глаз. Задолго до рассвета вытащили из-под койки чемодан с европейской одеждой, которую сохранили на случай, если решим покинуть остров, и облачились в нее.

Меня чуть удар не хватил, когда я после долгого перерыва заглянул в зеркало, чтобы повязать нелепый галстук. Он совершенно исчез под пышной каштановой бородой. Бритвенный прибор давным-давно перешел к Иоане в уплату за его труды. Зеркало явило мне загорелого викинга с волнистыми волосами до белого воротничка. Лив выглядела куда более эффектно, когда надела элегантное платье и расчесала длинные волосы. Вот только очень уж потешно видеть свои загорелые рожи в сочетании с этими нелепыми европейскими одеяниями. Мы хохотали до упаду. Настроение было отменное.

Обвязав ноги мешковиной для защиты от солнца, мы весело заковыляли вниз по долине. Завидев первый дом, сняли мешковину и важно прошествовали через деревню к морю. Явление белых щеголей произвело глубокое впечатление на зрителей. Мы снова ощутили себя хозяевами положения.

На берегу нашему взгляду предстал расписанный привычным узором из белых барашков синий-пресиний океан и синее-пресинее небо. Залив пуст, никаких намеков на пароход. Хоть бы маленькая шхуна...

— Вчера мы только огни увидели, — сочувственно сообщил Пакееее. — Пароход прошел далеко в море.

Он тоже заметно пал духом. Нелегко приходилось этому фатухивцу, чья вера была столь же нерушимой, как вера патера Викторина, с той лишь разницей, что соплеменники не разделяли взглядов протестанта. Они всячески изводили его. Недавно передвинули камни, которыми был отмечен участок Пакееее в долине, а вождь оштрафовал его же. Я рассказал ему про Иоане, как тот крадет плоды на арендованном нами клочке да еще врет, будто собирает их на соседнем участке.

— Еще того не лучше, — сухо заметил Пакееее. — Ведь соседний участок — мой.

Когда мы уже собрались уходить, прибежал Тиоти и шепотом сообщил, что Хаии — тот самый, с распухшими ногами, — направился вверх по долине и захватил свою коллекцию скорпионов. Мы поспешили домой. На краю деревни, где мы оставили мешковину, которой защищали ноги, нам попался Хаии. Он сидел возле дома Вео, у огромного, пустого деревянного блюда из-под пои-пои. При виде нас Хаии встал; всю его одежду составляли обернутые вокруг бедер лохмотья. Я решил его сфотографировать — он расплылся в улыбке и поднял руки: в одной — топор, в другой — мачете. Дескать, заходите перекусить, если посмеете!.. Мы немедленно продолжили путь.

Вокруг нашей хижины не оказалось следов, которые могли быть оставлены широченной ступней Хаии. И даже если бы кто-то пустил к нам скорпионов, они были бы съедены или изгнаны Гарибальдусом. Он, как обычно, находился на своем посту и приветствовал нас кошачьим мурлыканьем.

Жизнь в деревне сильно осложнилась. Успев привыкнуть к рису и муке, фатухивцы

чувствовали себя скверно без этих привозных товаров. Полагаясь на продукты, которыми их обеспечивал Вилли в обмен на кокосовые орехи, они перестали запасать пои-пои в вырытых еще предками огромных ямах, а до нового урожая хлебных плодов было далеко. Фатухивцы жаловались, что они плохо переваривают свинину и рыбу без кислой приправы. И когда лавчонка Вилли опустела, для них это явилось бедствием. Ни риса, ни сахара, ни муки... Очень уж мало завезла «Тереора» в последний раз. В Ханававе тоже все запасы кончились. Китаец запер дверь своей лачуги и отправился в горы охотиться на коз. Вилли недавно побывал в Ханававе и вернулся с пустыми руками.

Все ждали шхуны. А шхуна не шла.

День проходил за днем. Неделя за неделей. Месяц. Два месяца. Три.

Все понятно... Прошло полгода, как мы не получали вестей из внешнего мира, а полгода назад в Испании шла жестокая гражданская война. В Китае тоже воевали. Война. Недаром у меня сложилось убеждение, что мировая война ничему не научила людей. Все больше времени и денег уходило на оружие, на изобретение новых, изощренных способов убивать собратьев. Сказочный прогресс современного мира несколько не изменил человека, как такового. Всякому видно, что мы преобразили окружающий нас мир, но никто не докажет, что мозг наш при этом хоть на грамм увеличился по сравнению с мозгом древних. Мы погрешим против теории эволюции, если станем утверждать, будто мозг человека, сидящего за пишущей машинкой, развит лучше, чем мозг человека, который шел за примитивным плугом. И столь же нелепо внушать себе, будто человек с пулеметом этически превосходит воина с пращей или копьем. Я не сомневался: второй мировой войны не миновать, потому что человек не извлек урока из первой. Миротворцы по-прежнему держались за порох. Так что скорее всего мир сейчас объят пламенем войны. Териероо рассказывал, что вести о первой мировой войне дошли до Маркизских островов лишь через несколько лет. Тогда немецкий военный корабль расстрелял из пушек деревянные дома Папэте, а на Фату-Хиве никто об этом не знал. Видно, шхуна потому не идет, что уже разразилась новая мировая война.

Минул и третий месяц, а никакие суда не показывались, сколько ни всматривались в горизонт дежурные. Положение в деревне стало совсем невыносимым, особенно для патера Викторина. Он рвался прочь с острова любой ценой.

От Фату-Хивы до ближайшего соседнего острова — около ста километров. Даже на самой длинной из имевшихся у фатухивцев долбленок было рискованно отправляться в такое плавание.

Правда, была еще старая бракованная шлюпка, которую Вилли когда-то получил в уплату за погрузку копры на шхуну. Потрескавшаяся, побитая, она лежала на берегу под навесом из пальмовых листьев. Вилли списал ее как непригодную и давно уже собирался обзавестись другой. И вот теперь по указанию патера Викторина несколько островитян вытащили ее из-под навеса и залатали прогнивший корпус. После этого угловое суденышко спустили на воду и оставили намокать. Наконец срубили два-три тонких деревца и оснастили шлюпку непомерно тяжелым, на наш взгляд, рангоутом.

С берега Фату-Хивы не видны другие острова. Правда, в ясные дни с возвышенностей можно вдаль в двух местах рассмотреть мглистые голубые очертания гор. Это вершины островов Тахуата и Хива-Оа. Но в облачную погоду их не увидишь даже с самых высоких точек Фату-Хивы.

Царило худшее время года, хмурый океан бурлил так, словно схватились между собой полчища акул, длинные ряды барашков напоминали оскаленные зубы. Однако сильный ветер, дувший с востока, несколько сместился к юго-востоку; это благоприятствовало плаванию на север, к Тахуате или Хива-Оа.

Однажды утром, хотя погода по-прежнему оставалась неблагоприятной, патер Викторин решился. С командой сильных гребцов его отвезли на шлюпку, и вскоре мы увидели, как угловое суденышко выходит в безбрежный океан. Маленькая фигурка француза неподвижно чернела среди смуглых силачей. Мы восхищались его отвагой. Океанские валы

немилосердно бросали лодку, когда команда принялась поднимать грот. Вместе с парусом шлюпка скрылась в ложбине, и мы затаили дыхание, боясь, что мореплаватели больше не покажутся. Но тут же шлюпка поднялась на следующем гребне. Снова и снова, вниз и вверх, пока парус не превратился в точку и не пропал вдали. Мы с ужасом думали о том, что добром это не кончится.

Потянулись волнующие дни. Страдающий слоновой болезнью патер Викторин собирался высадиться на Хива-Оа, главном острове южной части Маркизского архипелага. Фатухивские гребцы должны были вернуться на Омоа с мукой, рисом, сахаром. Все напряженно ждали их, и на целую неделю прочие заботы отошли на задний план. Жители деревни вновь стали с нами здороваться, Пакееее и Тиоти по-дружески беседовали со своими соплеменниками, которые сидели на гальке, всматриваясь в горизонт. Наконец дежурный на мысу знаком дал понять, что видит шлюпку.

Рокочущий прибой выбросил на берег открытую скорлупку с изможденными гребцами. Всю обратную дорогу они гребли. Мачта сломалась и упала за борт. В днище выбило одну доску, и пришлось изо всех сил вычерпывать воду, пока не заделали пробойну. Они благополучно доставили патера на Хива-Оа, но продукты оттуда довести не удалось, уцелел только небольшой мешок намокшей пшеничной муки. Мокрые с ног до головы, гребцы побрели к своим лачугам и на сутки завалились спать.

Обстановка еще больше осложнилась. Шхуна не показывалась. От радиста на Хива-Оа стало известно, что никакой войны нет, просто идут махинации на рынке копры.

Все остатки пои-пои были съедены, и даже Тиоти жаловался, что желудок не переваривает рыбу и мясо без риса и муки, хотя его предки прекрасно обходились без того и другого. Они не знали никаких злаков, зато привыкли со всеми блюдами есть пои-пои.

Поскольку фатухивцы стали относиться к нам приветливее, мы спускались на берег за продуктами моря. Инфекция в деревне теперь пугала нас меньше, чем инфекция в лесу. Берег постоянно продувало ветром, который хоть разгонял комаров. Правда, вода в море, несомненно, кишела вынесенными рекой невидимыми микробами. Малейшая царапина на ступнях вызывала болезненные язвы фе-фе. У островитян сопротивляемость была больше, чем у нас, и зрелище наших ног ужасало их. Только женщине с язвой во всю ступню досталось еще хуже.

По совету Вилли мы с Лив стали сдирать свежую кожу на ранках. Дело в том, что язвы зарастали не с краев, а с середины, причем кольцо обнаженного мяса вокруг островка свежей кожи ширилось вместе с ростом этого островка. В итоге мы рисковали остаться совсем без кожи на ногах, вроде несчастной женщины, которая ждала врачебной помощи.

Вернувшись ни с чем после визита к китайцу в Ханававе, Вилли с большим энтузиазмом возобновил наши беседы о Поле Гогене, единственном друге покойного старшего Греле. Хотя Гоген жил и умер в далекой бухте на Хива-Оа, том самом острове, куда теперь перебрался патер Викторин, друзья старались встречаться при каждой возможности, и Поль Гоген не раз гостил в домике, доставшемся Вилли в наследство от отца.

Верно ли, что Поль Гоген так знаменит в Европе и Америке? Я рассказал Вилли, что все, составляющее наследие Гогена, очень высоко ценится. Не только картины, но и письма — словом, все. На Таити мы услышали, что один американский турист купил старое окно, через которое Гоген будто бы вылез однажды после доброй попойки.

Вилли хотел знать подробности. Сколько именно платят за вещи Гогена? Огромные деньги, ответил я. Не подозревая, что у Вилли на уме, я объяснил ему, что за каждую вещь, действительно принадлежавшую Гогену, можно получить состояние. Рассказал, что мне довелось встретить двух сыновей художника — таитянского и европейского. Таитянский сын — своего рода туристская достопримечательность. Пола Гоген, которого Полю Гогену родила его жена, датчанка Метте, стал известным искусствоведом в Норвегии. Услышав, что я собираюсь на Маркизские острова, он разыскал меня и попросил поискать что-нибудь из вещей отца. А также проверить слух, будто отец был отравлен островитянами.

Вилли мог лишь подтвердить то, что я слышал от одного очевидца на Хива-Оа: Поль

Гоген умер за обеденным столом, упал замертво со стула. Он не был отравлен, его погубила тяжелая болезнь.

На другой день после нашего разговора Вилли исчез. И появился снова через два дня. Оказалось, он опять ходил на лодке в Ханававе, навещал китайца. Но хотя у того в лавке по-прежнему было пусто, Вилли вернулся не с пустыми руками. Он привез старое ржавое ружье системы «винчестер». Я ничего не смыслил в оружии, и мне было невдомек, почему Вилли так доволен, пока он не показал мне приклад. Левую сторону приклада украшала резьба: тучный мужчина сидел на запряженной быками тележке, держа бокал в поднятой руке. Волнистые линии сверху и по бокам изображали облака. Божество на небесной колеснице? Поди угадай. Только Поль Гоген мог бы ответить на этот вопрос. Потому что ружье некогда принадлежало ему, а полустершийся рельеф был одним из редких образцов его резьбы по дереву.

Поль Гоген подарил свое любимое ружье отцу Вилли, а когда тот умер, «винчестер» купил один островитянин, который в свою очередь продал его китайцу в Ханававе. С этим ржавым ружьем китаец и ходил на охоту. Вплоть до прошлой недели. После беседы со мной Вилли отправился в Ханававе и приобрел старый «винчестер» за бесценок. Он задумал со следующей шхуной плыть на Таити, чтобы там сбыть свою драгоценную добычу.

Я не был ни коллекционером, ни антикваром, но ружье с резным прикладом пленило меня.

— Могу избавить тебя от необходимости ездить на Таити, — осторожно сказал я. — Что ты хочешь за него получить?

— Целое состояние, — ответил Вилли. — Ты же сам говорил, как высоко ценятся вещи Гогена.

Ничего не скажешь, было дело. И кто меня тянул за язык! Я предложил в десять раз больше, чем Вилли заплатил китайцу. Вилли покачал головой. В сто раз больше! Вилли задумался. На Фату-Хиве слово «состояние» явно понимали не так, как в других местах.

— Лив, — сказал я, гордо шагая вверх по лесной тропе с ружьем Гогена на плече, — придется нам отказаться от возвращения в Европу первым классом. Зато у нас будет самая драгоценная берданка в мире.

...Сидим вместе с фатухивцами на круглой каменной скамье под могучим баньяном на берегу. По-прежнему никаких намеков на судно. И посоветовавшись с Вилли, мы принимаем решение. Выбора нет. Из язв на ногах Лив выпирает мясо, будто салями. Сама сна не жалуется, но у меня за нее душа болит. Мы очутились в тупике. Остается последовать примеру патера Викторина — покинуть остров. Вилли и несколько островитян собирались сделать новую попытку раздобыть муки и риса, и мы с Лив решили идти с ними.

Нам предстояло надолго покинуть бамбуковую хижину, и мы задумались над тем, как сохранить наши зоологические и археологические образцы. Как застраховаться от воров? Банки с фауной, черепа, каменные топоры и другие древние орудия, возможно, никого не привлекут. Но мы нашли вещи, на которых островитяне могли подзаработать. Под нарами лежал старинный королевский венец — за него ухватился бы самый знатный музей. Сплетенный из кокосового волокна, он был украшен пластинами из белой раковины и черепаховой кости, причем на черепахе были вырезаны изображения тики. У нас хранилось и облачение из черного человеческого волоса: набедренная повязка, накидка и манжеты для рук, ног и шеи. Еще одна дорогая диковина — магическая шаманская сеть с человеческим черепом. Мы нашли также фигурки из человеческой кости, которые нанизывали на нитку и носили как украшение на голове. Изящные серьги, тоже из человеческой кости, изображали маленьких тики. Словом, в хижине накопились сокровища, способные кого угодно ввести в соблазн. Теперь к ним добавилось европейское ружье, мечта каждого островитянина.

Я решил снова выступить в роли шамана. Когда мы в последний раз пришли в свой бамбуковый домик, за нами увязались четверо наиболее алчных деревенских парней. Я откупорил бутылку формалину, который привез для консервации зоологических образцов. Парни по очереди понюхали содержимое и запрыгали, гримасничая и фыркая обожженными

ноздрями. Затем я отыскал под камнем золотистую ядовитую тысяченожку, невероятно живучую: разрежь ее на куски, все равно продолжает ползать. В воде она плавала не хуже рыбы, но, очутившись в пробирке с формалином, тотчас околела на глазах у пораженных зрителей. После этого я обрызгал тем же раствором пол внутри хижины, выскочил, захлопнул дверь и запер ее при помощи колышков и веревок. Фатухивцам я объявил, что хижина наполнена ядовитым паром и пока мы не вернемся и не обезвредим этот пар, всякого, кто решится войти внутрь, постигнет судьба тысяченожки. Четыре гостя посмотрели на дверь с почтением и разочарованием. И когда мы направились вниз, сопровождаемые роями комаров, парни не замедлили последовать за нами. Правда, ружье я все-таки не решил оставить. Его мы взяли, а также металлическую коробку с фотоаппаратом и мешок с одеждой, которую берегли на случай, если надумаем вернуться к цивилизации.

Ночевали мы у Вилли. И наконец-то получили передышку от комаров. Мы почти успели забыть, что такое спокойные ночи; казалось, мы всю жизнь жили в дебрях Омоа.

Проснулись затемно от лая собак. К дому приближались колышащиеся огни. За дверью слышались низкие мужские голоса. Было задумано отчалить возможно раньше.

Всех беспокоила погода. Тучи стремительно летели по ночному небу. И волнение, должно быть, изрядное. Может, все-таки лучше немного выждать?..

В это время суток было довольно прохладно. Вилли вскипятил котелок воды. Апельсиновый чай согрел нас и прогнал дремоту. Мы почувствовали себя бодрее. Странно было сидеть в окружении былых недругов. Ни Тиоти, ни Пакееее... Зато Иоане тут. Он прихлебывал из миски чай и поглядывал в окно. За окном моросил дождь.

До чего прибой бушует... Прежде мы такого не слышали. Мы дрожали от холода и подавляемого страха. Кто-то, стуча зубами, произнес несколько слов. Остальные не поддерживали разговор.

Кажется, светает? Да, скоро отступит черная ночь. Вилли встал и подал команду:

— Хамаи! Пошли!

Начинается. Сейчас мы выйдем в безумное плавание... Больше всего на свете боялся я новой встречи с океаном. Но оставаться еще хуже. Обернув ноги свежими банановыми листьями, мы побрели следом за остальными на пляж, а там уж было не до размышлений, сознание и слух наполнили непрерывные громовые раскаты. Волны долбили скользкую звонкую гальку.

Ловкие гребцы доставили нас на долбленке к шлюпке, которая плясала на якоре на безопасном удалении от скал. Затем они вернулись, чтобы провезти через чертову мельницу вторую группу. Долбленка совершила третий, и последний, рейс, а на берегу все еще кто-то лихорадочно размахивал руками. Это был китаец; он добрался в Омоа из Ханававе и тоже хотел покинуть Фату-Хиву. Но в шлюпке не было больше места, а бедняга к тому же намеревался везти с собой свинью и кур. Так и остался он на пляже со своей живностью, прыгая от досады.

Да шлюпка и без того была перегружена. Даже здесь, в бухте, где длинные ленивые валы дыбились только у самого берега, нас тревожила глубокая осадка. Если бы наши смуглые друзья уже не сходили на Хива-Оа, мы сочли бы эту затею неосуществимой. На каждой банке сидело по два человека; под банками лежали бананы и феи. На носу вместе с грудой зеленых кокосовых орехов — бочонок воды. При удачном стечении обстоятельств попутный ветер позволял дойти до цели за один день. Правда, у нас не было ни карты, ни компаса. Иди в пустынном океане по направлению к другим островам, пока над горизонтом не поднимутся вершины Хива-Оа. Если угодим в туман — пропадем, разве что прояснится раньше, чем нас отнесет в сторону от архипелага.

Старая шлюпка сильно кренилась на волнах. Гребцы еще раз поглядели на тучи. Мы могли рассчитывать на помощь сильного юго-восточного пассата.

Всего нас было тринадцать человек. Роль шкипера выполнял старик Иоане, он сидел на корме и рулил веслом. У его ног, опираясь на старые чемоданы и мешки, примостились

Вилли, Лив и я. Перед нами, по двое на четырех банках, сидели наготове гребцы. Самые опытные, самые искусные. Их напряженные, суровые лица словно бросали вызов любой непогоде; мышцы играли под блестящей от кокосового масла кожей. Они ждали команды навалиться на весла. Еще один человек находился в запасе; он держал в руках большой деревянный черпак. Подле него лежали ржавые гвозди и молоток — на случай, если какая-нибудь доска не выдержит ударов волн.

Иоане, одетый, как обычно, в майку, белые шорты и соломенную шляпу, весь подобрался. Его морщинистое лицо, обращенное к волнам и ветру, казалось высеченным из камня.

Все готово. Иоане встал, обнажил голову, перекрестился. Остальные, склонив голову, напряженно слушали, как он медленно произносит на полинезийском языке молитву моряка. Затем все перекрестились, ритуал был окончен.

Словно буря разразилась вдруг на борту. Иоане размахивал руками, выкрикивал команды. Гребцы вскочили на ноги, под громкие крики выбрали каменный якорь, подняли парус. Казалось, все обезумели. Даже тихий Вилли что-то командовал.

Лодка птицей сорвалась с места. Большой полинезийский парус наполнился ветром, и фатухивцы, сияя от возбуждения, разразились радостными воплями. Вот это жизнь! Так жили предки. Кровь заиграла в жилах современных апатичных потомков. Они ликовали. Иоане широко улыбался, нагнувшись над рулевым веслом, и на бородатом лице его был написан восторг.

Мы неслись в прямом смысле с ветерком; даже у нас, обленившихся лесных жителей, сердце забилось чаще. Идти бы так все время под прикрытием Фату-Хивы! Но мы знали, что скоро условия переменятся к худшему: надо думать, в открытом океане волны повыше.

И когда гористый островок превратился в зубчатый бугор вдали за кормой, мы узнали подлинный нрав океана. Высоко над шлюпкой ценились барашки. Мы взмывали вверх, теплые брызги хлестали нас по лицу, соль и солнце слепили глаза. Не успеет наша скорлупка оседлать гребень, а впереди уже разверзлась глубокая бутыльно-зеленая ложбина, за которой вырастает новая гора. Стремительно скатываемся вниз и с-замиранием сердца смотрим на нависший над нами бурлящий гребень. Такие волны могли основательно потрепать судно и побольше нашего.

Мы не знали, что как раз в это время на север пробивалась «Тереора». Шхуне изрядно досталось: волны захлестывали палубу, разбили дверь камбуза, учинили немалые разрушения в трюмах. Но наша лодочка с большим парусом лучше вписывалась в ложбины. С головокружительной скоростью мы перемахивали через могучие водяные горы.

На руле Иоане творил чудеса. Сжавшись в комок, оскалив зубы в усмешке, он не спускал глаз с высоченных гребней и ловко переваливал через них. Если лодку все же захлестывало, он нечеловеческим усилием удерживал в руках рулевое весло и пристально следил за следующей волной. Его окатывало с ног до головы, соль разъедала глаза, но он был начеку. Поистине великолепный шкипер.

Двое гребцов помоложе свалились с банок и корчились в воде на дне лодки. Остальные высмеивали слабаков, поддавшихся морской болезни. Промокшая насквозь, с невероятно распухшими голыми ногами (банановые листья смыло почти сразу), Лив выглядела ужасно. Мясо так и выпирало из язв. К полудню она впала в забытие и безжизненно простерлась на нашем мешке. Я напрягал все силы, чтобы не дать волнам увлечь ее за борт.

Снова и снова пенистая вода наполняла шлюпку, и казалось, что мы уже идем ко дну. Но лодка выравнивалась, и гребцы лихорадочно вычерпывали воду, отодвигая всплывшие банановые гроздья. Непрерывное напряжение, ни единой минуты передышки... Сколько раз мне представлялось, что пришел конец, когда могучая волна, по скату которой мы скользили, поднималась на дыбы и обрушивалась на нас бурлящий каскад. Или когда мы с бешеной скоростью перемахивали через гребень и сваливались в ложбину так стремительно, что доски жалобно скрипели и на нас со всех сторон летели брызги. И с каждой минутой меня все больше тревожила Лив. С закрытыми глазами она привалилась к моим ногам и ни

на что не реагировала.

Завязтый сухопутный краб, я тем не менее усваивал уроки, преподаваемые океаном. После долбленки Тиоти я второй раз очутился в открытом море на утлом суденышке. И задавался вопросом: почему бывлые мореплаватели перестали вязать бревенчатые плоты, променяв их на долбленки и дощаники, которые легко заполняются водой и тонут. Идя на шлюпке, мы, как перед тем на долбленке Тиоти, непрерывно сражались с волнами и вычерпывали воду, и я снова молил о том, чтобы над нами сжалилась стоящая за чудесами природы незримая сила. Ну, не нелепо ли это — строить лодку из тонких досок, изготавливая не что иное, как сосуд для захлестывающих волн. Древние плавали на плотях, и вода сама уходила в щели. Сиди мы на плоту, эти же волны нам были бы не страшны. Но люди давным-давно изменили принципы судостроения, предпочтя во имя прибыли скорость надежности.

Со скоростью все было в порядке, мы шли так, что дух захватывало, зато наша жизнь висела на волоске. Даже с самых высоких гребней мы совсем не видели земли. Фату-Хива с его вершинами давно скрылся из виду, но Иоане правил уверенно, словно у него был компас.

И ведь я тогда не подозревал, что на нашу долю выпало особенно сильное волнение. Конечно, высоченные волны производили на меня внушительное впечатление, но я говорил себе, что в открытом океане любая волна должна казаться устрашающей тому, кто идет на такой скорлупке, как наша. Только позже, услышав, как досталось в тех же водах крепкой «Тереоре», я понял, в какую переделку мы попали. Но я четко уразумел, что наша лодочка именно в силу малых размеров держалась на воде. Она целиком умещалась между волнами. Будь шлюпка чуть длиннее, она не уложилась бы в ложбинах, зарылась бы в скат волны либо носом, либо кормой. Выходит, неверно считать, будто чем меньше лодка, тем опаснее выходить на ней в море.

Память не сохранила подробностей этих нескончаемо долгих часов. Помню только, что между хлесткими холодными ливнями нас немилосердно жгло и слепило яркое солнце. Медные спины гребцов почернели; от соли и ультрафиолета у нас на коже вздулись волдыри. Только длинные волосы спасли меня и Лив от солнечного удара. Помню фыркание стаи блестящих черных дельфинов, которые резвились вокруг лодки, пока нас не разлучил очередной бурлящий гребень. Дельфины остались позади, мы продолжали мчаться вперед.

Вперед и вперед... Ближился вечер. Наш путь заметно увеличивался из-за бесчисленных водяных гор, через которые надо было переваливать. Сквозь дремоту я услышал возглас Иоане:

— Мотане!

На севере показался крохотный необитаемый островок. Шкипер изменил курс. Нам надо было пройти западнее Мотане.

Загорелые спины стали двигаться живее. Видно, и гребцы справились с дремотой, которая, однако, не мешала им следить за тем, чтобы на длинную рею не обрушился удар падающего гребня.

Обстановка изменилась. Далеко на севере, словно спина кита, торчала над водой столовая гора Мотане. Мы видели ее всякий раз, когда шлюпку поднимал высокий гребень. Нас по-прежнему бросало вверх-вниз, но теперь появился ориентир. Хоть бы Лив открыла глаза...

Через некоторое время слева от Мотане возникли смутные очертания Тахуаты. Зелеными пятнами сквозь мглу просвечивали не те леса, не то долины на склонах голубеющих гор. Остров был подобен миражу, который никак не хотел приближаться. Да нам и впрямь еще предстоял долгий путь. Хотя вершины Тахуаты уступают высшим точкам Фату-Хивы, все же они поднимаются на тысячу метров над уровнем моря, их видно издалека.

Наконец на севере показался Хива-Оа. Заметив на горизонте между Мотане и Тахуатой длинную серо-зеленую гряду, я крикнул Лив, что наша цель видна, но она меня не слышала.

День подходил к концу, а впереди нас ждал самый опасный участок. Наши спутники

знали, что в узкий просвет между Тахуатой и Хива-Оа протискивается океанское течение. Наткнувшись на первое препятствие на своем пути от Южной Америки, могучее Перуанское течение здесь ускоряло ход, и по обе стороны пролива вода буквально кипела от беспорядочно мечущихся отраженных волн.

Нам предстояло пробиваться сквозь эту свистопляску. Вилли признался, что в такую погоду не хотелось бы форсировать эту опасную полосу, и спросил Иоане, нельзя ли придумать что-нибудь другое. Но другого пути не было. Единственное, что мог сделать наш шкипер, — держаться в проливе возможно восточнее. Чем ближе к берегу Тахуаты, тем опаснее волны. Это был второй урок, преподанный мне океаном. Все этнографы считали, что первобытный человек мог плавать исключительно вдоль берегов островов и континентов. Мой собственный опыт впоследствии подтвердил, что на малых судах лучше держаться подальше от коварного берега.

Мы с ходу врезались в кипящие буруны. Иоане напряг все нервы, все мышцы, словно пума, приготовившаяся к прыжку. Все зависело от его искусства.

Далеко впереди слева протянулся длинный мыс на подступах к самой большой на Хива-Оа долине Атуана, где располагалась своего рода столица южной части Маркизского архипелага. Только долина Таиохаэ на острове Нуку-Хива на севере могла соперничать с ней. Мы знали, что в Атуане живет двести-триста полинезийцев. Некогда тут находилась резиденция французского губернатора; именно здесь поток унес статуи Тукопаны и его дочери. Глядя на открывшуюся за мысом долину, я подумал о том, что она была последним прибежищем Поля Гогена. Где-то там на холме расположена его могила. Рядом со мной в пляшущей шлюпке лежало его ружье. Волны так нещадно трепали нас, что я поспешил привязать наше скудное имущество к банке на случай, если лодка опрокинется.

Черные тучи и темные скалы заслонили вечернее солнце, когда мы поровнялись с мысом у входа в залив. Скалы служили ширмой, преграждающей путь на запад неутомимому восточному пассату, а вместе с ним и высоким волнам, чьи гребни мы срезали. У подножия скал, словно пламя и дым лесного пожара, бушевали белые каскады и фонтаны.

Мокрые до костей, измотанные борьбой с волнами, окоченевшие от соли и солнца, мы пробились сквозь высокие буруны и стали готовиться к долгожданной и рискованной высадке на берег. Волнение и в заливе было достаточно сильным, и хриплые возгласы смешались с ревом прибоя, когда мы развернулись курсом на берег и настало время убирать парус и мачту.

Перед нами простирался черный песчаный пляж Атуаны. Но хотя плавание было почти завершено, мы не почувствовали облегчения, видя и слыша отделявшую нас от суши чертову мельницу. Ветер и волны со стороны бушующего океана штурмовали незащищенный берег. В отличие от Фату-Хивы здесь нам пред— стояло высаживаться на наветренной стороне. Пройдя от Южной Америки семь тысяч километров, накат финишировал на отмели в глубине залива.

Восемь гребцов-крепышей приготовились к последнему броску. Иоане правил прямо в центр пляжа. На сотни метров протянулась от берега отмель. Могучие, неудержимые волны одна за другой вставали на дыбы, и, хотя нам были видны только их пологие задние скаты, мы отлично представляли себе высоченные стены, которые рушились вниз и наваливались на берег. Ключья пены и ритмичный гул были достаточно красноречивы. Белые каскады, взлетая вверх, закрывали черный песок и захлестывали траву под кокосовыми пальмами. Было еще достаточно светло, и мы различили кучку островитян, которые пришли на берег полюбоваться разгулом стихии.

Лив очнулась, но смотрела на прибой тупо и равнодушно, словно он нас не касался. Гребцы сидели наготове, прислушиваясь к командам Иоане. Жертвы морской болезни взяли вдвоем за одно весло. Раз за разом подкрадывались мы к полосе прибоя, но волна за кормой почему-то не устраивала шкипера, гребцы табанили изо всех сил, и корма взмывала в воздух, напоминая хвост морской птицы.

Сжавшись в комок, с искаженным гримасой лицом, Иоане выкрикивал команды так,

что голос срывался. Он пристально следил за каждым веслом, был весь заряжен на борьбу, точно спринтер на старте. Все глаза были устремлены на него — руководителя, облеченного диктаторскими полномочиями. Сейчас он думал за всех.

Наконец явилась нужная волна. Как только она подступила к корме, Иоане завопил: — Навались! Навались! Навались!

Тотчас заскрипели уключины, смуглые парни с блестящими от возбуждения глазами гребли, как одержимые.

Мы шли на гребне могучего вала. Впереди — отмель и бушующий прибой, сзади — череда волн. В аду посередине — мы. Лив и я вцепились изо всех сил в планшир качающейся шлюпки.

Внезапно у двух парней, объединивших свои усилия, вырвалось из рук весло, и они плюхнулись спиной на бананы на дне лодки.

Иоане яростно заорал что-то, Вилли одним прыжком перемахнул через нас и поймал взбунтовавшееся весло.

Поздно. Шлюпку развернуло боком, и руль в руках Иоане беспомощно болтался в воздухе. В ту же минуту гребцы, бросив весла, проворно вскочили на планшир и дружно нырнули в воду.

Я подхватил Лив, и вместе с Вилли мы выпрыгнули за борт в тот самый момент, когда лодка встала на дыбы.

Нет, я не своим ходом добрался до берега.

Меня вертело и крутило в бурлящих каскадах, пока я внезапно не понял, что сижу на отмели рядом с Лив. А с моря уже наступала могучая водяная стена, чтобы увлечь нас обратно, и откат поволок нас ей навстречу. Взявшись за руки, мы побежали, одолевая сопротивление встречного потока, и выскочили на траву, на безопасное место.

Между тем среди кипящего прибоя наши спутники цеплялись, словно муравьи, за опрокинутую лодку. Они не собирались отдавать ее океану, и, хотя их снова и снова накрывало с головой, не ослабляли хватки. Плывая скорее под водой, чем по воде, они доставили на берег мешки и чемоданы, затем перевернули лодку и, полузатопленную, вытащили на песок. На всякий случай шлюпку отнесли под самые пальмы, подальше от воды.

Море учтиво доставило на берег весла, фрукты, несколько соломенных шляп и прочую мелочь.

Мы все-таки достигли Хива-Оа.

На Хива-Оа

От угольно-черного пляжа в глубь долины вела покрытая непритоптанной влажной травой широкая тропа. Словно мы восстали из гроба и ступили на разостланный среди колоннады из кокосовых пальм мягкий храмовый ковер. Возвращенные к жизни, мы с благоговением и радостью ощущали под ногами надежную твердь.

Миновав зеленый храм, мы увидели домик, один-единственный. Здесь, обитал радиотелеграфист. Рядом с домом раскинулась основательно вытоптанная поляна, в обоих концах которой стояли столбы с перекладиной. Похоже на футбольное поле. Сразу видно, что мы вернулись к цивилизации.

Отрыв от природы сказывался и в поведении островитян, которые невозмутимо наблюдали нашу высадку, стоя на траве под пальмами. Право же, не совсем обычная высадка, а им хоть бы что, стоят, широко расставив ноги, шляпы набекрень, во рту болтается сигарета.

Итак, Хива-Оа. Долина Атуана. Главный пункт захода для немногих яхт, навещающих этот уединенный уголок Тихого океана. Да и пароходы редко показывались здесь. Маркизские острова лежали далеко от всех морских путей, к тому же кругосветных мореплавателей, которых тогда было куда меньше, отпугивало отсутствие гаваней. И ведь

без разрешения властей тут можно было задерживаться не больше чем на сутки. Чаще сюда заходили торговые шхуны с Таити. Они бросали якорь в каменистой бухте за мысом к востоку от песчаного пляжа.

Вряд ли до нас какая-нибудь чета прибывала в Атуану кувырком, но вообще-то здесь явно привыкли к заморским гостям. Зеваки наметанным взглядом оценили меня и Лив. Они знали белых и делили их на три четко разграниченных категории: чиновники в мундирах, которых надлежало почитать, туристы, над которыми они потешались, и рабочие — заготовщики копры, которых они презирали.

Мундир — любой мундир — воплощал здесь силу и власть. Мундир носят люди, которые сочиняют законы и посылают других людей в тюрьму на Таити.

Туриста почитали только за его богатство, а вообще-то видели в нем последнего из глупцов. В самом деле, мотается человек по свету и попусту тратит деньги. Христианин, а готов последнюю рубашку отдать за языческого идола. И чем древнее выглядит идол, тем больше турист за него платит. Вот и хитрят резчики, мочат свои изящные изделия в воде и сушат на солнце, чтобы выглядели старыми и неказистыми и можно было побольше запросить за них. Турист — невежда и мастер задавать дурацкие вопросы. Он не знает, когда начинается дождевой период, не знает, как готовят пои-пои, не видит разницы между феи и бананом. Приезжает знакомиться с островом, а проходит, не глядя, через деревню с аккуратными новыми домами куда-то на пустырь, таращится на голые скалы и говорит: «Красота». А некоторые туристы надевают пареу и рвутся танцевать хюлу — такое странное у них представление о прогрессе.

Правда, турист — миллионер. Не то что заготовщик копры, самый нежелательный из всех иноземных гостей. Хоть и белый, он такой же бедняк, как островитяне. Он поумнее туриста, не задает дурацких вопросов. Не хуже любого полинезийца лазает на кокосовые пальмы и напивается пьяным. Но он приезжает, чтобы заработать, а не тратить деньги. Туристы и чиновники тоже не очень-то с ним церемонятся, не считают его равней. Значит, он принадлежит к низшей касте белых.

Наблюдая, как мы ковыляем по тропе, промокшие насквозь и обожженные солнцем, ноги в язвах, имущество — ржавая берданка да потрепанный мешок, зрители тотчас отнесли нас к третьей категории.

Должно быть, так же нас воспринял и французский жандарм мсье Триффе, когда мы, стараясь не отставать от Вилли и Иоане, подошли к местной жандармерии. Мы помнили, что нам говорил капитан Брандер. На Маркизских островах почти не осталось белых. Есть двое на Нуку-Хиве, а все остальные здесь, на Хива-Оа: жандарм Триффе, радиотелеграфист Бельвас, владелец местной лавочки «мистер Боб» и персонал католической миссии — священники и две монашенки. Сверх того, многодетный китаец. Да еще двое белых обосновались на другой стороне острова, один из них — норвежец Генри Ли, владелец кокосовой плантации. Капитан Брандер предупредил нас, что белые, долго прожившие среди островитян, усваивают их нравы и образ жизни.

Худошавый мужчина, открывший дверь жандармерии, встретил нас более чем равнодушно. Не снимая тропического шлема и не вынимая из кармана правой руки, протянул Лив левую для приветствия. После чего отвернулся и предложил Иоане и Вилли остановиться у него, если им больше негде переночевать. На нас он больше не смотрел. Что ж, мы и впрямь выглядели не очень презентабельно.

И мы зашагали дальше.

Деревня Атуана состояла из нескольких дощатых домиков и пустующих административных построек; в глазах островитян, не бывавших на Таити, она была настоящим большим городом, верхом красоты, преддверием рая. Ни одной старинной хижины. Все домики выстроены из крашенных в серый цвет досок и крыты рифленным железом.

От жандармерии через всю деревню тянулась битая тропа. На этой главной улице мы увидели двухэтажный дом мистера Боба: первый этаж — магазин, второй

— жилые апартаменты. Тучный, румяный мистер Боб — «Попе» в местном произношении — стоял в дверях своей лавки. Из синих шорт торчали тощие волосатые ноги, обутые в домашние туфли; сложенные к а груди толстые руки украшала татуировка. Огромный синий якорь на правой руке вполне соответствовал облику английского моряка, осевшего на суше.

Увы, в его доме для нас не нашлось места. На остров прибыли два фотографа, все комнаты заняты.

Мистер Боб повернулся к нам спиной и удалился, пробурчав что-то насчет скверной погоды. В самом деле, с наступлением сумерек пошел дождь.

Мы поняли: что-то не так. Приличным людям не пристало являться на Хива-Оа босиком, с видом дикарей. Мы очутились, так сказать, в предместьях нашего собственного мира. Мира, который изо всех сил стремился порвать с природой. Я оскорбил местных белых, явившись небритым неряхой, который вообразил, что западная цивилизация осталась за тридевять земель. Мы задели гордость этих людей, не посчитавшись с их желанием чувствовать себя частицей современного мира, а не изгоями в дебрях.

Стоя перед закрытой дверью Боба, мы услышали голос Вилли. В отличие от Иоане он вежливо отклонил приглашение Триффе и предпочел пойти к вождю Атуаны, который состоял в родстве с матерью Вилли. Следом за ним шагали гребцы. Они, как и в прошлый раз, когда привезли патера Викторина, собирались ночевать в католической миссии. Счастливики. Нам вспомнился совет Пакеее по прибытии обратиться к местному священнику-протестанту. Хочешь не хочешь, придется так и сделать.

В дальнем конце долины стоял грязный барак. Такой же унылый, как большинство домов местных жителей, но повместительнее. Спустилась ночь, когда мы подошли к обители протестантов. Всякий, разделяющий веру протестантского священника, был здесь желанным гостем.

Улыбающийся священник-полинезиец в смокинге и цветастой набедренной повязке вышел босиком на грязный двор и пригласил нас присоединиться к причудливому сборищу метисов и полинезийцев, составлявших его паству. Нас встретил хор пронзительных голосов, исполнявших псалмы; больше я ничего не помню, потому что через минуту мы с Лив уже спали крепким сном на матрасе, который нам уступил кто-то из прихожан.

Когда мы открыли глаза, через разбитое окно под потолком пробивались солнечные лучи. Они осветили горы красных кофейных ягод, разложенных для сушки на пыльном полу. В просторном помещении не было людей, кроме нас, но кашель, стоны и причитания, доносившиеся из соседней комнаты, вызвали у нас оторопь.

Лив закусила губу. Тут нельзя оставаться.

Мы развязали непромокаемый мешок и вывалили на матрац его содержимое. Все промокло насквозь. Наша роскошная городская одежда — вся липкая и тяжелая от морской воды... А, черт с ним. Мы напялили на себя свои наряды и вышли на солнце: Лив — в красном шелковом платье и в туфлях на высоких каблуках, я — в темном костюме, при галстуке, в шляпе, в черных ботинках.

В таком облачении мы чувствовали себя куда более знатными персонами, чем накануне. Пусть одежда мокрая и помятая, зато в глазах местных жителей мы разом превратились в туристов.

В маленьком магазинчике Боб отпускал своим клиентам одеколон, клубничное варенье, фуражки с лаковым козырьком. Толстая вахина пришла за резинкой. Боб натянул кусок на деревянный метр, отрезал и вручил пораженной покупательнице укоротившуюся на глазах резинку.

— Мистер Боб, — сказал я. — Нам нужны кое-какие продукты.

Он повернулся к нам, и глаза его чуть не выскочили из орбит.

— Слушаюсь, мистер, — поклонился мистер Боб.

— У вас есть еще варенье? — спросил я, когда другие покупатели забрали свои банки.

— Есть, мистер. Сколько вам угодно?

— Я возьму все, что у вас осталось. И тушенку тоже, — добавил я, быстро обзрев скудные запасы на полках.

— Ты с ума сошел? — шепотом осведомилась Лив, когда Боб принес охапку банок.

— Тихо, — прошептал я ей в ответ. — Надо пустить пыль в глаза.

— Это все, что у меня есть, — почтительно молвил Боб, оставив прилавок банками.

— Еще что-нибудь вкусненькое?

— Конфеты и шоколад. — Глаза Боба сверкали, он вытер вспотевший лоб.

— Берем. Табак?

— Какой именно?

— Я не курю. Мне для подарков.

В магазин набились островитяне, которые таращились на нас, словно на каких-нибудь знаменитостей. Мы чувствовали себя Ротшильдами в деревенской лавке.

— Может быть, возьмете одеколон таитянского производства?

— Разумеется. Давайте весь.

Следуя моему примеру, Лив тоже принялась играть роль энергичной покупательницы.

Когда стало ясно, что бой нами выигран, я достал один из своих аккредитивов и расписался на нем ручкой Боба.

— Не к спеху, не к спеху, — затараторил Боб, живо подхватывая аккредитив.

Поворачиваясь к двери, я громко сказал Бобу, чтобы товары доставили нам позже. Куда — для нас было такой же загадкой, как и для Боба, но не говорить же об этом вслух. В тот момент меня больше всего заботили две вещи: найти кого-нибудь, кто мог бы заняться нашими ногами, и присмотреть удобное местечко, чтобы сесть и вволю наесться тушенки, которую я рассовал по карманам.

Выйдя из магазина, мы чуть не столкнулись с французской парой, про которую нам накануне говорил Боб: он — тощий и застенчивый, обвешанный фотокамерами и браслетами из кабаньих клыков, она — маленькая, изящная, с темпераментом львицы и шапкой рыжих волос.

Это было все равно, что напасть на оазис в пустыне. Мы подружились с первой минуты. Мадам Рене Хамон, французская журналистка, прибыла вместе со своим фотографом во время вчерашнего шторма, всего за несколько часов до нас. Шхуна «Тереора», на которой они пришли с Таити, еще стояла на якоре за мысом.

Энергичная мадам Хамон обладала незаурядным организаторским талантом. Увидя наши ноги и услышав, где мы провели ночь, она взорвалась.

— Это скандал! Вы находитесь во французской колонии и сегодня будете спать на приличной кровати, хотя бы мне пришлось уступить вам свою!

Выяснилось, что им предоставили бывший дом губернатора, который обычно стоял под замком. К Бобу они приходят только есть. Как только «Тереора» погрузит копру, двинутся обратно на Таити.

— А с Таити — напрямик во Францию! — радостно воскликнул тощий фотограф. — Сто тысяч пальм за иголку хвои под снегом.

Мы взяли курс на жандармерию, но в это время показался сам Триффе. Окруженный толпой островитян, он выступал так, словно спал на ходу. Мадам Хамон подмигнула нам и ураганом обрушилась на бедного жандарма. Он поспешил вынуть из карманов обе руки и поздороваться с нами.

И вот уже его смуглые помощники волокут кровати, матрасы, белые простыни и половые щетки. Нас провели в коттедж рядом с тем, в котором расположились французские гости. Теперь он пустовал, а когда-то в нем жил местный врач. С некоторых пор должность врача и губернатора исполнял один человек, он поселился на Нуку-Хиве, на севере архипелага, а на южные острова ему практически не на чем было добираться.

Оставив в коттедже свое имущество, в том числе драгоценное ружье, мы со всей доступной нам скоростью заковыляли к единственной на всю долину бамбуковой хижине. В ней помещалась больница, которой заведовал чрезвычайно симпатичный и приветливый,

стриженный ежиком санитар с Таити. Его звали Тераи, и он принадлежал к ставшим редкостью среди таитян чистокровным полинезийцам. Лицом, могучим телосложением и гордой осанкой он напомнил мне Териероо, только помоложе возрастом. Услышав, что мы усыновлены вождем и получили имя Тераи Матеата, он горячо пожал руку своему тезке. Так у нас появился на Хива-Оа еще один друг.

В двадцать с небольшим лет, при среднем росте Тераи весил добрых сто килограммов, что не мешало ему быть страстным охотником и великолепным наездником. У себя на Таити он не один год проработал в больнице Папезте. И явно не тратил время впустую. Бросив один взгляд на наши ноги, он сразу определил тропическую язву. Явись мы на несколько недель позже, объяснил Тераи, у Лив инфекция дошла бы до кости, и не миновать ей ампутации. В самом деле, бедная жительница Фату-Хивы, которая не отважилась плыть на шлюпке ни с патером Викториной, ни с нами, поплатилась за это одной ногой.

В окружении терпеливых островитян, пораженных всевозможными недугами — от зубной боли и безобидных порезов до венерических заболеваний, мы по очереди простерлись на лежанке, предоставив коренастому Тераи колдовать пинцетами и ланцетами.

Через какую-нибудь неделю нас уже не пронизывала острая боль от макушки до ступни при воспоминании о первом визите в бамбуковую больницу. Тераи поработал на совесть. Он резал, скоблил, удалял ногти, чтобы уберечь от инфекции кости, мазал нас желтовато-зеленой мазью из огромной банки. И нам стало заметно лучше.

Часть продуктов, купленных у Боба, перекочевала из нашей резиденции в домик еще одного нового друга, китайца Чинь Лу. За ширмой в его экзотической кухне уместился своего рода ресторанчик. Мы были единственными посетителями, но семейство Чиня составило нам компанию и потчевало вкуснейшими блюдами.

По истечении недели мы услышали, что «Тереора» снимается с якоря и по пути на Таити посетит ФатуХиву. Однако Тераи не разрешил нам возвращаться на свой остров. Дескать, необходимо продолжать лечение, если мы не хотим остаться без ног. Мы проковыляли на скалистый мыс, чтобы хоть поглядеть на «Тереору» и помахать капитану Брандеру, который никогда не сходил на берег. Заодно проводили друзей. Рыжая шевелюра француженки буквально искрилась от переполнявшей эту маленькую женщину энергии. Держась за руку обвешанного камерами фотографа, она крикнула нам «оревуар», и они прыгнули со скалы в качающуюся шлюпку, где их приняли в свои объятия Вилли и наши смуглые товарищи по плаванию.

Подняты паруса, «Тереора» выходит в море. Вилли, Иоане и другие фатухивцы стояли на палубе; на этот раз можно было не сомневаться, что они благополучно доберутся до дома с провиантом. Старая шлюпка Вилли с новыми заплатами плясала на буксире за кормой белой шхуны. Наши мысли летели быстрее ветра, и, сидя на скале, мы на миг представили себе, что любимея чудесным видом из окна нашей собственной бамбуковой хижины в долине Омоа. Но тут же в памяти возникли жгучие комариные укусы и бамбуковая пыль, мы прогнали воспоминания и побрели на перевязку в больницу Тераи.

Между тем до Триффе наконец дошло, что в день приезда я стоял перед его домом с ружьем на плече. И встретив меня на дороге, он попросил предъявить документ, разрешающий носить оружие.

Я сходил в коттедж и гордо предъявил ему наш драгоценный экспонат. Объяснил, что на прикладе есть резьба Гогена, мы купили старое ружье как изделие искусства, у меня даже патронов нет.

Но для жандарма ружье — старое или новое — оставалось ружьем, хоть бы приклад украсил сам Рембрандт. У меня есть оружие и нет разрешения.

Ружье было конфисковано. Жандарм обещал вернуть его, как только я получу надлежащую бумагу от властей на Таити. Но «Тереора» уже ушла, а это означало, что раньше чем через год мой запрос не обернется.

Триффе приготовился куда-то запрятать мой драгоценный сувенир, но тут меня вдруг осенило. Попросив отвертку, я на глазах у пораженного жандарма отвинтил приклад. После

чего, держа в одной руке деревянный приклад, в другой — ржавый ствол с замком, спросил, что считается оружием.

Триффе, не задумываясь, показал на железку.

— Держите оружие, а я оставлю себе дерево, — сказал я.

Жандарм разинул рот, и я зашагал обратно, унося свое сокровище.

Мои подозрения оправдались. Несмотря на многолетнюю переписку, я так больше и не увидел металлические части Гогенова ружья. Скорее всего какой-нибудь менее знаменитый мастер вырезал новый приклад, и не исключено, что старый «винчестер» по-прежнему стреляет в горных коз на Маркизах.

Ближайшие недели не были богаты событиями. Мы бродили от бамбуковой будки Тераи до занавешенного уголка в кухне Чинь Лу, где нас обслуживали с истинно китайской учтивостью и закармливали лакомыми блюдами, приготовленными по китайским рецептам из содержимого банок Боба совокупно с плодами тучной земли Хива-Оа.

Большие расстояния и отсутствие приличной лодки не позволяли Тераи посещать другие острова архипелага. Однако раз в месяц он седлал коня и отправлялся обследовать соседние долины Хива-Оа. Несмотря на изрядный вес, он был искусным наездником, и его маленький маркизский конь развивал такую скорость, словно нес на себе воздушный шар.

Тераи вообще не ходил пешком. Конь всегда стоял наготове, привязанный к бамбуковому колышку. Бросил ему на спину мешок вместо седла, и скачи с визи — том к больному.

Когда пришла пора совершить очередную инспекционную поездку, Тераи раздобыл еще двух коней и резные деревянные седла. Нам удалось-таки уговорить его, чтобы взял нас с собой. Ноги заживали, и в походе Тераи мог продолжать лечение.

Задолго до восхода приступили мы к крутому подъему на извилистые гребни, ведущие к далекой долине Пуамау в восточной части острова. Снова испытали мы счастливое чувство от встречи с девственными дебрями, наполняя легкие чистым, прохладным горным воздухом. Внизу, зеленея пальмами, простирались широкие долины. В сердце острова одна за другой вырастали могучие лесистые пирамиды, соединенные острыми, как лошадиная холка, перемычками. Тропа петляла по этим перемычкам, так как отвесные кручи не позволяли двигаться вдоль побережья. Как и на Фату-Хиве, вся береговая линия здесь была источена тысячелетним прибоем, который превратил склоны вулкана в вертикальные стены, а древние кратеры преобразил в глубокие, чаще всего серповидные долины, зажатые между нависающими скалами. Далеко внизу под нами на фоне синего моря и синего неба парили, словно вырезанные из бумаги, белые птицы; сплошная лента прибоя белой змеей окаймляла берег, обозначая грань между крохотным островком и необъятным океаном. Дикая петухи кукарекали в глубине темных долин, куда еще не проникло утреннее солнце; на освещенных склонах им откликались другие. Лошади весело ржали, стуча нековаными копытами по красной тропе.

На самом высоком гребне мы остановились. Выше пути не было. Выше простиралась пустота. Пассат трепал волосы и гривы, лошади нервно переступали с ноги на ногу. Мы всмотрелись в безбрежную даль — где там Фату-Хива? Густые облака скрыли Тахуату, отбрасывая рваные черные тени на солнечную синь океана. По мере того как мы поднимались, горизонт отступал все дальше, и далеко на юге, на краю света, сквозь мглу проступили зубчатые очертания крохотного островка. Одни лишь макушки гор торчали над морем; казалось, там уходят под воду остатки сгоревшего корабля, окутанные густым дымом. На Фату-Хиве все еще шли дожди. На далеком, далеком острове ФатуХива...

До чего же мал мир Иоане, Тиоти и Пакееее, когда посмотришь на него вот так со стороны! А в масштабах вселенной мы все — мелюзга, и пустяки, из-за которых мы препираемся, кажутся вздором.

— Се жоли, — услышал я голос Тераи.

Сидя верхом на своем беспокойном коне, он любовался долинами внизу.

— Что красиво? — удивленно спросил я, повернувшись к своему таитянскому тезке.

— Горы, лес — да все. Вся природа прекрасна. Гляди-ка, и в этом Тераи похож на Териероо.

— Но разве не Папэте — идеал красоты для островитян? — спросил я.

Тераи дал шпоры.

— Не для всех. Кое-кто из нас разбирается, что к чему. Во времена наших предков на Таити тоже было неплохо.

Мы ехали бок о бок вдоль продуваемой ветром перемычки.

— Но ведь большинство полинезийцев при первой возможности перебирается в Папэте?

Тераи не отрицал этого. В этом трагедия его народа, сказал он. Богатство белых мужчин влечет в Папэте девушек. А за ними и парни тянутся, тоже повеселиться хотят.

Тогда я не подозревал, что много лет спустя, прибыв в Полинезию во главе научной экспедиции, не найду на Таити ни одного гарантированно чистокровного полинезийца. Даже на Хива-Оа с трудом отыскалась горстка островитян, у которых стоило брать кровь для генетических исследований.

Тераи предвидел это в тот день, когда мы вместе с ним ехали по крыше островного мира, который его народ некогда открыл без нашей помощи и сделал садом, благополучно существовавшим до тех пор, пока мы не преподали полинезийцам свою философию прогресса.

Мы въехали в красивый горный лес, и лошади потянулись вереницей по мягкой траве. Тераи запел сочиненный таитяньским королем старинный гимн «Я счастлив, цветок тиаре с Таити». Лошади перешли на рысь, и приходилось нагибаться, чтобы нас не зацепили свисающие над тропой ветви и лианы. В пронизанной солнечными лучами листве порхали и сновали редкостные птицы, радующие глаз великолепной расцветкой.

Пересекая лес, мы поднялись на поросший папоротником бугор. Внезапно Тераи осадил коня и показал вперед. На тропе, глядя на нас, стояла большая бескрылая птица. В следующую секунду она припустилась бежать и мигом исчезла в зеленом туннеле. Нам уже рассказывали про эту птицу, представляющую неизвестный орнитологам вид. Островитяне часто ее встречали, но поймать не могли, очень уж быстро она скрывалась в туннелях и норах. Вообще-то бескрылые птицы в Тихоокеанской области были известны по Новой Зеландии — родине киви и вымершего ныне четырехметрового моа. Мы исследовали лабиринт ходов в густом папоротнике, весь бугор облазили, но загадочная птица как сквозь землю провалилась.

Оставив позади пол-острова, мы устроили привал у ручья, чтобы немного перекусить. Дальше простирался совершенно дикий край. Лес вдруг кончился, и мы словно очутились в пустоте. Ни листвы, ни земли, только головокружительные пропасти. Снизу доносился далекий гул прибоя; глухо порывкивал отраженный каменной стеной ветер, грозя сбросить нас в бездну.

Следом за Тераи мы свернули на полочку, вырубленную в скале древними островитянами. В следующую секунду наш маленький мир перевернулся в моих глазах вверх ногами. Борясь с головокружением, мы с Лив поспешили повернуться лицом к стене. Наши лошади медленно, очень медленно следовали за возглавлявшим кавалькаду гордым всадником. Могучие плечи Тераи и конский круп шириной как раз равнялись опоре, по которой ступали копыта.

Неожиданно полочка кончилась, кончилась и пропасть справа, тропа повернула влево и через перевал спустилась на другую сторону гребня, где нас ожидал новый обрыв, на этот раз с левой руки. И здесь из пропасти с ревом поднимался воздушный поток. Да, эту часть острова никак нельзя было назвать широкой! Далеко внизу виднелась другая бухта, тоже с белой полоской прибоя. Этот обрыв был по меньшей мере таким же устрашающим, как тот, от которого мы только что ушли. Лучше опять отвернуться носом к горе, доверившись опытным лошадям...

Но вот стенка справа оборвалась. Пустота с обеих сторон. Я чувствовал себя будто

верхом на пегасе. Впереди — пик, сзади — пик, а между ними узенькая перемычка, по которой вилась тропа. Тераи поглядел через плечо на нас и улыбнулся. Наши ноги болтались над крутыми склонами, спадающими к морскому берегу с плавно изогнутой белой каймой. Гул прибоя сюда не доносился, только непрерывный ровный шорох. Не только мы, но и лошади нервничали. Задрал голову и насторожив уши, они осторожно ступали по гребешку. Их явно беспокоили порывы ветра снизу. Я боялся вздохнуть, пока мы одолевали этот отрезок. Если лошадь оступится, соскочить некуда...

Пронесло!.. Тропа обогнула пик, за которым протянулся еще один острый гребень, потом пошел лес, и нас поглотили дебри. Когда мы снова вынырнули из зарослей, под нами простиралась долина Пуамау. Один шаг — и в несколько секунд достигнешь цели, пролетев с километр по вертикали. Мы очутились на краю самой большой на острове кратерной впадины. Открывающаяся к морю подкова крутых и мрачных скал крепостной стеной обрамляла огромную зеленую чашу. Розовые лучи вечернего солнца озаряли выстроенный вдоль пляжа пальмовый авангард.

Дальше путь пролегал по вырубленному в голом склоне узкому серпантину. Солнце быстро ушло за горизонт, и черные скалы погасили розовый отсвет от закатных облаков. Мы ничего не видели. Только гулкая пустота, оттеняемая доносящимся снизу шорохом, напоминала, что мы едем по краю пропасти. Наклон конской спины указывал, что мы спускаемся, разматывая петлю за петлей. Поразительно, как уверенно ступали в темноте эти маленькие маркизские лошадки. Ведь сколько потрудились, целый день неся нас на спине по горным тропам, а все равно терпеливо шагают дальше. Темнота заставила их замедлить ход, но они почти не спотыкались. У меня и Лив окоченели ноющие ноги, горело натертое сиденье, мы вспоминали нисшествие Данте в ад. Скорее бы кончился этот переход, все равно где, лишь бы слезть с деревянных седел. Не видно ни тропы, ни конских копыт, только слышно, как скатываются вниз задетые лошадьми камешки. Мы поминутно окликали друг друга, чтобы не потеряться, и наши голоса улетали в пустоту над замкнутой кручами долиной.

Наконец лошадиные спины выпрямились, кони затрусили по траве. Послышался шум реки, и под копытами заплескалась вода. Мы явно достигли ложа долины. Прибой ритмично рокотал где-то на одном уровне с нами.

В крошечном мраке появилась светящаяся точка и заплескала между конскими ушами. Постепенно увеличиваясь, она превратилась в освещенное окно. Прибой шумел совсем близко; внезапно нас обдало свежим морским ветром. Мы подъехали к стоящему на берегу дому. Наконец-то у цели! С великим трудом спешившись, мы привязали коней к деревьям. Дверь... Чудесный запах яичницы... Я постучал и прислушался.

Дверь распахнулась, нас осветил керосиновый фонарь, его держал в поднятой руке пожилой коренастый мужчина скандинавского типа. Голубые глаза внимательно рассматривали неожиданных гостей. Белые появлялись здесь раз в несколько месяцев, если не лет. И не с гор, а со стороны пляжа.

— Бонжур, — отрывисто произнес хозяин.

— Добрый вечер, Генри Ли, — ответил я на его родном норвежском языке.

Он озадаченно попятился и только тут рассмотрел стоявшего позади нас старого знакомого — Тераи.

Немало яиц было съедено и не одна бутылка вина откупорена в тот вечер в одинокой норвежской хижине в долине Пуамау на острове Хива-Оа.

Жизнь Генри Ли сложилась не совсем обычно. Тридцать лет назад он прибыл на Маркизские острова рядовым матросом на старом паруснике. Капитан был пьяница, на борту не прекращались стычки и драки. Когда судно бросило якорь у Хива-Оа, молодого Генри вместе с другими матросами послали на берег за водой. Ему удалось бежать, и он спрятался в пещере, из которой вышел лишь после того, как разъяренный капитан прекратил поиски и судно ушло. Генри полюбил полинезийскую красавицу и женился на ней. Она унаследовала долину на острове, и он решил основать плантацию кокосовых пальм, чтобы заготавливать

копру. Жена умерла, оставив ему сына. Вместе с ним Генри перебрался в долину Пуамау, и теперь у него была лучшая плантация на всем Маркизском архипелаге.

С внешним миром Генри Ли соприкасался, только когда с Таити приходила за копррой торговая шхуна. Наряду с работой главным в его жизни был сын Алетти, отличный парень. Еще он дорожил внушительным собранием книг. Однокомнатный дом был заставлен кроватями и завален книгами — знак гостеприимства и интеллекта. Меня поразила библиотека Генри Ли, ведь единственным по-настоящему культурным человеком на Хива-Оа считался Гоген, а он никогда не добирался до этой части острова.

Хозяин дома освободил кровати от книг и журналов, чтобы гостям было где спать.

Утром Генри Ли еще до восхода ушел работать, а юный Алетти и вторая жена Генри, красивая плотная вахина с островов Тубуаи, принялись готовить нам основательный полинезийский завтрак. Тераи осмотрел наши ноги и велел Лив сидеть дома, а сам отправился проведать местных больных.

Островитяне здесь, как и на Фату-Хиве, обосновались на берегу, где ветер разгонял комаров. Но очень уж мало домов было для такой большой долины, и жителей — раз, два и обчелся. Одни сидели на корточках перед своей хижинкой, другие развалились на циновках в доме. Разница между деятельным Генри Ли, который не покладая рук трудился, чтобы расширить свою плантацию, и праздными полинезийцами, думающими только о еде и любви, бросалась в глаза. По словам Алетти, островитяне ждали, когда орехи сами свалятся на землю. Расколуют топором скорлупу, извлекают ядро и продадут копру на шхуну или получают за нее консервы у того же Генри Ли. Подобно Вилли на Фату-Хиве, норвежец, держал небольшую лавчонку.

Если не считать птичьего щебета, царил полная тишина, и никто, за исключением Генри, не проявлял трудовой активности. Убедившись, что конь Тераи стоит перед одной из хижин, я попросил Алетти быть моим провожатым, и мы отправились в глубь долины.

Внезапно я увидел их. Увидел великанов. Раздвинув зеленые ветки, Алетти молча, с благоговением на лице показал в глубь зарослей. Оттуда на меня таранились глаза величиной со спасательный круг; искаженные дьявольской усмешкой огромные рты, казалось, были способны проглотить человека. Шире гориллы в плечах, высотой в два человеческих роста, истуканы производили сильнейшее впечатление на немногих путешественников, которым довелось их видеть. И зрелище могучих красных изваяний настолько не вязалось с видом апатичных островитян, что невольно рождался вопрос: кто и как воздвиг в долине Пуамау этих многотонных исполинов?

В свое время я читал о том, что где-то на Маркизских островах есть большие статуи. Но одно дело прочесть две-три строки, совсем другое — неожиданно встретиться в дебрях лицом к лицу с огромными истуканами.

Мы подошли к самому большому из них, опирающемуся на высокий пьедестал. Вместе с углубленным в кладку цоколем каменный богатырь достигал трех метров; вдвоем нам еле удалось обхватить его вокруг пояса. Материал — красная порода, выходов которой я поблизости не обнаружил⁷. Алетти рассказал, что карьер находится в верховьях долины; отец видел там несколько необработанных заготовок из такого же туфа. Рядом с заготовками лежали брошенные ваятелями рубила из твердого базальта.

Красные изваяния стояли на своего рода культовой площадке под открытым небом; присмотревшись, я увидел в зарослях много стен и террас. Некоторые статуи лежали полузасыпанные на земле, обезглавленные или с отбитыми руками. Из-под лиан и папоротника на нас глядели высеченные отдельно чудовищные круглые головы. Но самым поразительным было изваяние, изображающее как бы плывущего великана с коротенькими руками и ногами. Он опирался животом на уходящий в землю короткий цоколь.

⁷ Подробное иллюстрированное описание этого и остальных монументов на культовых террасах Пуамау см. в монографии: Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific. Ed. Heyerdahl and Ferdon, vol. 2, Report 10, i 1965.

В книгах отца Алетти вычитал, что каннибальские празднества на этом святилище происходили вплоть до тех пор, пока гавайский миссионер, полинезиец Кекела, пятьдесят лет назад не обратил три местных племени в христианство и не засадил весь участок кофейными кустами. И в самом деле, среди поглотивших статуи зарослей всюду рдели кофейные ягоды.

Три исследователя осматривали каменных истуканов Пуамау. В 1894 и 1896 годах — Ф. Крисчен и К. фон ден Штейнен; в 1920 году, когда Генри Ли уже поселился здесь, — Ральф Линтон. Всем им местные жители поведали разные версии и сообщили разные имена великанов. Генри Ли услышал от островитян признание, что на самом деле они ничего точно не знают про эти статуи. Но все версии сходились в одном: истуканы уже стояли здесь, когда предки нынешних островитян прибыли на остров и оттеснили в горы предшествующих поселенцев. Никто не мог сказать, кем были эти поселенцы; по некоторым преданиям, они потом влились в племя наики.

В жизни каждого бывают случайные на первый взгляд эпизоды, которым суждено в дальнейшем сыграть важную роль, вплоть до полной перемены жизненного пути. Встреча с каменными великанами Пуамау в то время, когда я проводил эксперимент с возвратом к природе, позднее отарыла мне перспективы, определившие мою судьбу на много насыщенных увлекательнейшими событиями лет. Это она побудила меня пересекать на плотах океаны, забираться в дебри Андских гор и пустыню Сахару, раскапывать на острове Пасхи изваяния высотой с четырехэтажный дом. И все это ради волновавшей меня загадки: я заподозрил, что еще до прихода полинезийских рыболовов на восточном мысу Хива-Оа обосновался энергичный народ, которому было привычно воздвигать каменных истуканов. В старину полинезийцы тоже были полны энергии и энтузиазма, но они больше увлекались мореплаванием, войнами, резьбой по дереву. Каменные изваяния явно воплощали иную традицию. Недаром обитатели приморской деревушки твердили, что не их предки воздвигли этих истуканов.

Вечером Генри Ли вернулся с плантации и составил нам компанию. Положив стопку книг подле керосинового фонаря, он показывал мне страницы, которые я и прежде видел, однако не уделил им достаточного внимания. Генри напомнил мне про сохранившиеся в Полинезии предания, будто на этих островах предков нынешних полинезийцев опередил другой народ. По всему полинезийскому треугольнику — от Пасхи на востоке до Самоа и Новой Зеландии на западе и Гавайских островов на севере — первые европейские мореплаватели слышали одну и ту же версию: полинезийцы застали на многих островах светлокожих рыжеволосых людей, называвших себя потомками бога Солнца, и либо изгнали, либо абсорбировали их. Память об этом была настолько свежа, что европейцев приняли за возвратившихся в свои прежние владения представителей светлокожего народа. Когда гавайцы поняли свою ошибку, они убили капитана Кука. Ему не повезло в отличие от Кортеса и Писарро, которые легко покорили могучие империи ацтеков в Мексике и инков в Перу как раз благодаря тому, что в памяти местных народов сохранилось предание о светлокожих переносчиках культуры, поклонявшихся Солнцу и воздвигавших исполинские каменные статуи. Согласно легенде, эти солнцепоклонники ушли куда-то через Тихий океан.

— Полинезийцы обожествляли предков, — говорил Генри Ли. — Они были знатоками генеалогий и могли перечислить поименно всех своих предков вплоть до тех, которые впервые высадились на здешних островах. На Маркизах генеалогии были зашифрованы в замысловатом узелковом письме вроде перуанских кипу. У нас нет причин не верить им, когда они утверждают, что до полинезийцев здесь уже жили какие-то племена.

— Но какие именно? — спросил я. — До Южной Америки семь тысяч километров, до Индонезии вдвое больше — где искать?

Генри Ли пригладил свои длинные светлые волосы.

— Во всяком случае викинги тут ни при чем, — усмехнулся он. — И нелепо говорить о народах, которые будто бы дошли сюда по сухопутным мостам. Каждый геолог знает, что в полинезийской области океана таких мостов не было. Речь может идти о мореплавателях из

безлесной страны, где было заведено использовать для строительства камень и высекать статуи. Полинезийцы вышли из лесистых краев и были мастерами резьбы по дереву. Они вырезали тотемные столбы, украшали резьбой носы своих пирога. Конечно, и они умели делать орудия или фигурки из небольших камней, но никто не видел, чтобы полинезиец врубался в горный склон и вытесывал монолитные изваяния. Никто. Да и сами они не приписывают себе таких подвигов. Может быть, кто-нибудь из вас хочет попробовать?

Я согласился, что это непросто. К тому же тут нужно было не только большое искусство, но и традиция. Ни один европейский народ каменного века не затевал ничего подобного. В Африке только в стране фараонов найдешь сходные примеры.

Алетти прервал нашу беседу, сказав, что нас приглашает в гости второй белый житель Пуамау. Мы чуть не забыли о его существовании, а пришли к нему в дом и увидели симпатичного маленького француза с густыми бровями и длинными висячими усами. Генри Ли представил его предельно коротко: «Мой друг». У них было заведено до поздней ночи сидеть и толковать о политике, искусстве, науке. В минуты разногласий француз набивал ноздри нюхательным табаком и стучал кулаком по столу: уж он-то знает мир, ходил шеф-поваром на роскошной яхте, охотился на медведей в Канаде, пас овец в Новой Зеландии, искал золото на Аляске!

Маленькая хижина старого чудака напоминала карточные домики нашего детства. Нам пришлось пригнуться, чтобы войти в самодельный дворец, крыша которого была сделана из снопов соломы, а стены — из ящиков и плавника. Конура конурой, но сколько же в ней поместилось хитроумных устройств! Дернет гордый улыбающийся хозяин за веревочку или повернет гвоздь — жди какого-нибудь чуда. Пора ложиться спать — тянет за одну веревку, собрался закусить — тянет за другую: и койка, и стол складные. Не сходя с места, он мог дотянуться до всех тайников и приспособлений. Дернешь не ту веревочку — на тебя сверху спускается седло. Или вдруг открывается ящик с чудесным свежим хлебом. Француз сам пек хлеб в жестяной печи между столом и койкой.

Все не могли одновременно уместиться внутри, так что нам пришлось осматривать лачугу по очереди. Затем Генри Ли повел нас обратно в свой просторный коттедж, и француз пошел вместе с нами, неся под мышками по заманчиво пахнущему горячему караваю. До самой смерти не забуду я этого человечка из ларчика. Обернувшись, я еще раз посмотрел на окруженную аккуратным огородом необычную конурку с бамбуковым полом и соломенным потолком. Рядом с высоченными кокосовыми пальмами она казалась особенно маленькой. В ней заключалось все достояние французика, но я в жизни не встречал среди белых более довольного и по-настоящему счастливого человека.

Увидев разложенные на столе Генри книги, он сразу загорелся. Пока хозяйка накрывала на стол и резала хлеб, француз подошел к одной из коек и взял толстую книгу; было видно, что он с ней хорошо знаком.

— Вот вы говорили про наши статуи, — сказал он. — Взгляните сюда.

Он показал мне иллюстрацию. Поразительно. Могучая статуя точно такого вида, какую мы видели утром. И так же стоит под открытым небом среди деревьев. Огромная, в треть высоты истукана, голова, смехотворно короткие ноги, круглое, намеренно гротескное лицо с большими глазищами, плоский широ— кий нос, рот от уха до уха — полное совпадение.

— А посмотрите на руки: согнуты в локтях, кисти лежат на животе, — горячо продолжал старик. — В точности, как у всех статуй здесь на острове.

Я заглянул на обложку. Книга повествовала о путешествиях в Южной Америке. Прочел текст под иллюстрацией. Статуя была воздвигнута в Сан-Агустине в Северных Андах, прямо на восток от Маркизов. В той же области было обнаружено множество сходных изваяний, и я читал еще раньше, что зона больших антропоморфных статуй непрерывно тянется оттуда вплоть до Тиуанакко, важнейшего доинкского культурного центра на берегах озера Титикака. Истуканы найдены и на самом берегу Тихого океана ниже Сан-Агустина. Современные индейцы были непричастны ко всем этим изваяниям. Европейские конкистадоры встречали каменных исполинов и в лесах, и в пампе, где их некогда оставили

неизвестные исчезнувшие ваятели. Самая большая коллекция связана с доинкским культовым центром Тиауанако. Обитавшие поблизости от его развалин индейцы аймара сообщили испанцам, что древние статуи изваяны не их предками, а людьми чужого племени, белыми и бородатыми. Эти люди поклонялись Солнцу. Они пришли с севера, туда же потом удалились за своим вождем и спустились к океану около Манты в Эквадоре. И в этом районе все инкские предания говорят о прибывших из Тиауанако чужаках, которые погрузились на бальсовые плоты и, взяв курс на запад, навсегда исчезли в просторах Тихого океана.

Я посмотрел на троицу, окружившую вместе со мной керосиновый фонарь. Юный учтивый Алетти, уроженец Хива-Оа, не знающий, что такое школа, но обученный отцом читать и писать. Веселый французик — в одной руке огромный бутерброд с тушенкой и луком, другая перелистывает ученый труд. Наш невозмутимый норвежский хозяин в майке, не скрывающей обтянутых розовой кожей мускулов и темно-коричневых от тропического солнца плеч труженика. Внешность Генри никак не вязалась с его пристрастием к книгам. Для меня до сих пор остается загадкой, откуда человек, который ступил на берег Хива-Оа с пустыми руками, успев окончить только семилетку на родине, добыл такое множество ученых книг. И ведь он никуда не выезжал с острова, если не считать короткого посещения Таити, где Генри нашел свою нынешнюю жену. В глухом закоулке далекого острова он и его друг, этот маленький Робинзон Крузо, поведали мне интереснейшие вещи, каких я не слышал ни от одного профессора.

Я поглядел внимательнее на снимки статуй Сан-Агустина. Многие из них удивительно напоминали заброшенные изваяния в долине Пуамау.

Южная Америка. Слишком уж далеко, чтобы можно было предположить контакт через океан. Впрочем, расстояние до Индонезии в противоположной стороне вдвое больше, и там нет сходных памятников. Да и на Азиатском материке за Индонезией не найдено ничего похожего на статуи Пуамау.

Француз торжествующе захлопнул книгу, словно закрыл ларец с сокровищами, дав нам налюбоваться его содержанием. Вот тут и разберись... Естественно положиться на моих учителей, ведь они опирались на пособия, составленные признанными авторитетами. Считалось, что до европейских парусников к здешним островам могли прийти лодки только из Азии и Индонезии, поскольку у американских индейцев не было мореходных судов. Меня учили верить авторитетам. Но я верил также собственным глазам. Да и так ли уж надежны авторитеты, если они сами по-разному судят, из какой именно области Азии происходят полинезийцы.

Одни называют Яву, другие — Китай, Индию. Некоторые забираются в поисках родины полинезийцев в Египет и Месопотамию. Даже в Скандинавию! Но в огромной буферной области, отделяющей Полинезию от Индонезии, нет никаких следов прохождения полинезийцев. На семь тысяч километров в ширину простерся здесь островной мир с древними воинственными австрало-меланезийскими и микронезийскими племенами. И такой же ширины необитаемая морская пустыня отделяет от Маркизов Южную Америку. И почему непременно надо считать, что люди только однажды высаживались на этих островах?

Когда Тераи завершил свой обход, мы легли спать. На другой день рано утром ему предстояло ехать одному через горы в долину Ханайапа на северном побережье. Остальные долины давно опустели. Генри Ли уговорил Тераи оставить нас в Пуамау: очень уж меня увлекла загадка каменных великанов. Лив получила от Тераи нужные указания и взялась лечить нас обоих.

Целую неделю я ежедневно поднимался к культовой террасе, известной островитянам под названием Оипона, и досконально все осмотрел. Над участком, где стояли статуи, огромным пальцем возвышалась скала Туэва, очень похожая на фатухивскую скалу, вершину которой мы покорили. Генри Ли рассказал, что пробовал подняться на Туэву, но был вынужден отступить, слишком ненадежен камень, служащий мостиком к самой вершине.

Взяв в провозатые одного симпатичного паренька из деревни, мы с Алетти отправились на штурм скалы и довольно легко добрались до широкой вымощенной

площадки, с которой открывался великолепный вид на долину. Мы видели даже кусок пляжа. Дальше путь был посложнее; все же вертикальная трещина в гладкой скале позволяла достаточно надежно цепляться руками и ногами. У самой вершины трещина переходила в небольшой камин. Протиснувшись сквозь него, мы добрались до рассекающей вершину щели, через которую и впрямь был переброшен весьма шаткий камень. Соблюдая предельную осторожность, мы одолели этот мостик и выпрямились в рост. Замечательный кругозор! Вся долина простиралась перед нами, а внизу краснели среди листвы каменные великаны.

Вершина была расчищена и выложена плитами. Небольшую площадку ограждал бруствер из тяжелых камней. В ямках между ними лежали камни для пращи. Подобно некоторым древним народам Среднего Востока и Перу, но в отличие от народов Индонезии и Восточной Азии, древние маркизцы пользовались пращей на войне. Две маленькие наклонные трещины за бруствером были набиты плесневелыми костями и черепами.

Между культовой площадкой внизу и этим маленьким оборонительным укреплением явно существовала какая-то связь. В случае вражеского вторжения король со своими жрецами и приближенными мог занять позицию на вершине, оставив главные силы оборонять нижнюю террасу. Сумей противник все же занять террасу, дальше воинам надо было по одному протискиваться через камни. А с шаткого мостика ничего не стоило столкнуть их вниз, к истуканам.

Только голод и жажда могли принудить защитников к сдаче последнего бастиона. Видимо, так и получалось с ваятелями, когда предки нынешних островитян высадились на берег Пуамау и захватили долину.

Соблазнительно было посчитать нагроможденные в трещинах, позеленевшие кости останками исчезнувших каменотесов. Соблазнительно, но вряд ли верно. Этим костям было от силы несколько десятков лет. Скорее всего они очутились здесь в конце прошлого века, когда перед ослабившимися идолами происходили последние каннибальские ритуалы. Генри Ли еще застал людей, помнивших эти ритуалы. На культовой площадке обращал на себя внимание алтареподобный камень, один угол которого был оформлен одноглазой личиной. На поверхности камня было несколько чашевидных углублений, и местные жители утверждали, что эти ямки наполнялись человеческой кровью во время жертвоприношений.

Особенно интересной показалась мне лежащая фигура, напоминавшая скорее плывущего зверя, чем человека. Несравненный образец каменной резьбы. Только настоящий мастер-профессионал мог изваять эту симметричную, обтекаемую, гладко отшлифованную скульптуру. Я не мог ни с чем ее сравнить, ведь тогда мне еще не довелось видеть сотни заброшенных и забытых статуй в южноамериканских джунглях под Сан-Агустином. Когда же три года спустя я попал туда, то сразу обратил внимание на две большие каменные скульптуры точно такого типа: в позе пловца лежали на животе звероподобные фигуры с демоническими лицами и вытянутыми вперед коротенькими руками. Южноамериканские экземпляры можно было истолковать как символическое изображение обожествленного каймана. Но в Полинезии не водились ни кайманы, ни крокодилы.

Стремясь проверить все детали, я с помощью Алетти расчистил подпиравший эту скульптуру короткий цоколь. Алетти старательно скреб камень перочинным ножом, и мы с удивлением увидели высеченные на цоколе изображения двух сидящих на корточках фигур с поднятыми вверх руками. А между ними — два четвероногих зверя в профиль: глаз, рот, торчащие уши, длинный хвост.

Четвероногие звери! Сюжет для детектива. Каждому, кто занимался Полинезией, известно, что из четвероногих у полинезийцев были только собака и свинья, причем собака почему-то не достигла Маркизских островов. Но и не свинья была передо мной: длинный тонкий хвост торчал кверху, и только самый кончик его чуть изогнулся, как это бывает у кошек. Кошка... Нет, во всей Полинезии, да что там, во всей Океании, включая Австралию, кошки неизвестны. Собака? Художник мог видеть собаку на других островах. Но у полинезийской собаки был пушистый хвост крючком, а не торчащая тонкая палочка.

Кажется, нож Алетти помог нам сделать новое открытие... Местные жители пришли посмотреть на нашу находку. Сами они, поднимая поваленную кем-то много лет назад статую, не заметили этих изображений.

Лишь много позже таинственный сюжет получил свое развитие. В свое время фон ден Штейнен забрал с культовой площадки наиболее искусно изваянную каменную голову и доставил ее в Музей народоведения в Берлине. И ведь я видел ее там, когда готовился к поездке на Маркизы, но не оценил ее значения и не присмотрелся к шее. Снова попав в музей много лет спустя, я исправил эту оплошность и увидел две скорченные фигуры и двух длиннохвостых четвероногих зверей — таких же, каких сам обнаружил на Хива-Оа. Фон ден Штейнен не заметил рельефы на цоколе поваленной статуи. Ему были известны только изображения на вывезенной им голове, сохранившиеся настолько хорошо, что он различил длинные когти на лапах и волоски на морде, усиливающие сходство с кошкой. Но поскольку кошек в Полинезии не знали, а хвост зверя не позволял назвать его собакой или свиньей, фон ден Штейнен заключил, что речь идет о крысе, последнем из трех млекопитающих, известных полинезийцам ⁸.

Крыса. Но какой же художник, пусть самый неумелый, изобразит крысу с гордо поднятой головой и торчащим кверху хвостом. И еще никто не видел, чтобы на древних монументах в честь богов или героев были высечены крысы. Два льва как символ власти изображались на цоколях древнейших статуй хеттов и других народов Среднего Востока. Две пумы высечены на цоколе красной каменной статуи в Тиауанако, изображающей светлокожего и бородатого короля Кон-Тики, легендарного вождя ваятелей, которые, согласно инкским преданиям, ушли на запад через Тихий океан. Но это все кошки, не крысы.

Поднявшись вместе с Генри Ли и маленьким французом к культовой площадке, островитяне вынуждены были пересмотреть свое прежнее убеждение, будто статуя изображает рожавшую женщину. Мы услышали от Генри, что до недавней поры местные женщины, ожидавшие ребенка, приносили сюда тайком дары. Островитяне лишь несколько лет назад поставили прямо изваяние, поваленное то ли их дедами, то ли миссионером Кекелой. Поэтому три исследователя, побывавшие здесь до нас, не заметили рельефов. В торчащем цоколе они усмотрели ребенка, выходящего из чрева богини; при этом их не смутило ни отсутствие головы и конечностей у младенца, ни тот факт, что он очутился на уровне пупка. Правда, Линтон усомнился в объяснении островитян и заявил, что фигура очень уж отличается от остальных, вряд ли она изображает человека. Сам он не выдвинул никакой версии, только заключил: «Нет сомнения, что ваятель мастерски воплотил великолепный замысел» ⁹.

И Генри, и француз знали, что каменные статуи получили ограниченное распространение в полушарии, занятом Тихим океаном. Изваяния были найдены всего на нескольких островах, и почему-то все они расположены ближе к Южной Америке: остров Пасхи, Маркизы, Питкерн и Раиваваэ. Числом и размерами особенно выделяются статуи Пасхи, расположенного на полпути между Южной Америкой и остальными полинезийскими островами. На десятках тысяч других островов, разбросанных в Тихом океане, — ничего подобного. Спрашивается: почему изваяния сосредоточены в его восточной части?

Поскольку господствовал взгляд, будто ваятели происходили из Азии, на Тихоокеанском побережье которой ничего похожего не найдено, исследователи пришли к выводу, что ваяние зародилось самостоятельно на наиболее удаленных от Азии островах. Маркизские острова лежат несколько ближе к Азии, чем остров Пасхи, отсюда — гипотеза, что первоначально идея создания таких скульптур возникла на Маркизах, а уже оттуда переселенцы принесли ее на Пасху, крайний форпост Полинезии перед южноамериканским

⁸ K. von den Steinen. Die Marquesaner und ihre Kunst, vol. 2. Berlin, 1925-1928.

⁹ Ralph Linton. Archaeology of the Marquesas Islands. B. P. Bishop Mus. Bull. 23. Honolulu, p. 162.

континентом. И будто бы на Пасхе ваяние достигло кульминации потому, что на безлесном острове полинезийцам, мастерам резьбы по дереву, пришлось всецело перейти на другой материал. Хотя гипотеза эта была всего лишь воздушным замком, с ней согласились почти все после того, как ее преподнес в качестве «элементарной истины» ведущий авторитет в области полинезийской культуры Те Ранги Хироа. А ведь Те Ранги Хироа сам не бывал ни на Маркизах, ни на Пасхе и не видел статуй своими глазами ¹⁰.

Впрочем, Генри и его французский друг не очень-то полагались на авторитеты. То, что они сами видели и трогали руками, весило для них больше, чем постулаты, призванные подтвердить надуманную гипотезу. Я услышал вопрос: насколько близко прошли мы к Мотане, направляясь с Фату-Хивы на Хива-Оа? Присмотрелись к его ландшафту? Нет? Так вот, этот островок теперь совсем голый, а не так давно там был такой же густой лес, как на соседних островах. Люди превратили Мотане в пустыню. Почему знать, может быть, раньше и остров Пасхи вовсе не был безлесным? Обилие монументов позволяет предположить, что остров был перенаселен, и люди вполне могли истребить лес. В Норвегии, добавил Генри Ли, сотни безлесных островов. Или взять Исландию, Шетландские острова — где там лес? Тем не менее, когда туда пришли викинги, среди которых были и резчики по дереву, они не занялись ваянием. Да и как можно, даже не поглядев на немногочисленные статуи Пуамау, утверждать, что они старше сотен истуканов, воздвигнутых во всех концах Пасхи?

Пока загадка не решена, нельзя отвергать ни одну из возможностей, мудро заключил старый француз. Подняв указательный палец, он важно добавил, что превратно толковать факты еще хуже, чем вовсе их игнорировать, ведь превратные толкования мешают непредвзято смотреть на другие версии.

— От нас до Пасхи так же далеко, как до Южной Америки, — продолжал он.

— Если допустить, что кто-то с здешних островов принес на Пасху искусство ваяния, с таким же успехом можно допустить, что эти люди могли прийти сюда из Южной Америки.

Алетти промерил расстояние на школьном атласе. Да никто и не спорил, ведь француз был прав. К тому же час был уже поздний.

Потушен фонарь на большом столе, но я еще долго не мог уснуть, лежа на скрипучей железной кровати Генри Ли и пытаюсь собраться с мыслями под аккомпанемент дружного храпа. Эх, вернуться бы когда-нибудь сюда после тщательной подготовки, провести в долине научные раскопки. Археологи тогда еще не работали на Маркизских островах, даже на знаменитом острове Пасхи не копали. Да и другие острова Восточной и Центральной Полинезии не изучались ими.

Мечты — что семена: им, чтобы прорасти, нужны хорошая почва и уход. Семена, посеянные в домике Генри Ли, не могли пожаловаться на уход, они про— росли и дали плоды. Много лет спустя я пришел в залив Пуамау на собственном экспедиционном судне. С мостика вместе со мной на зажатую горами долину смотрели четыре профессиональных археолога. Мы прибыли сюда с острова Пасхи. Полгода вели там раскопки, углубляясь в грунт, который за много столетий засыпал некоторых пасхальских великанов по самую шею. В земле этого удивительнейшего из всех тихоокеанских островов были собраны новые драгоценные научные данные. Выявлены чередующиеся слои, отвечающие трем последовательным культурным периодам. Вооруженные свежими, надежными сведениями о возрасте и эволюции пасхальских статуй, мы прибыли на Маркизские острова за сравнительным материалом. Я всматривался в излучину черного пляжа. Не видно ли под пальмами большого коттеджа? И маленькой конурки? Нет. Ни того, ни другого.

Островитяне рассказали, что оба дома смыло наводнением. Вместе со всем инвентарем. Пропали книги Генри Ли, пропала его коллекция старинных идолов и других вещей языческой поры. Старый француз скончался. Генри Ли переселился в соседнюю долину и

¹⁰ Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959, стр. 185; A. Metraux. Ethnology of Easter Island. B. P. Bishop Museum Bull, N 160. Honolulu, 1960, p. 308.

вел там жизнь отшельника.

Мы разыскали его. Хотя ему было трудно ходить из-за слоновой болезни, он расчистил участок в лесу и разбил новую плантацию, лучше прежней. Алетти

— гордость и радость отца — вырос в отличного молодого человека, собирался занять должность суперкарга на одной из таитянских торговых шхун.

Только красные каменные великаны оставались на тех же местах — неподвижные и неизменные. Правда, они успели снова укрыться за ширмой из деревьев и кофейных кустов. Сколько они простояли вот так? Сколько времени прошло с тех пор, как наделенные Творческим воображением энергичные и искусные мастера выломали из горного склона бесформенные глыбы, протащили их через густые заросли, пренебрегая обилием древесины, и превратили в истуканов по заранее обдуманному плану? Ваятели их обожествляли, враги боялись, миссионеры ненавидели и валили, немногие добравшиеся сюда современные путешественники восхищались ими, а сами они оставались такими же безмолвными, как лесные деревья.

Но через несколько месяцев за них заговорили экспедиционные археологи. Внутри постаментов, на которых стояли изваяния, и под ними был найден древесный уголь. Это позволило датировать культовые платформы радиоуглеродным методом, как перед тем мы датировали три чередующихся культурных слоя острова Пасхи. Выяснилось, что истуканы Хива-Оа были воздвигнуты около 1300 года. В это время ваятели среднего пасхальского периода уже полным ходом устанавливали исполинские статуи, которым предстояло прославить остров. Но наши раскопки показали, что еще до того скульпторы раннего пасхальского периода изготовили множество каменных великанов, похожих, как родные братья, на древнейшие статуи Тиауанако в Южной Америке. И получалось, что на ближайшем к Америке острове истуканов воздвигали задолго до того, как на Маркизах вообще началось ваяние. К тому же обнаруженная в кратерных болотах Пасхи цветочная пыльца позволила установить, что раньше он, как и все остальные острова теплого пояса Тихого океана, был покрыт лесом. Не было недостатка в древесине. Первые поселенцы свели лес, чтобы расчистить место для обширных каменоломен, для посадки американского батата, для больших деревень, состоявших из неполинезийских каменных построек. Словом, первые же раскопки нарисовали картину, обратную той, которую предлагали раньше, подгоняя ее под господствующую догму.

Но об этом, понятно, никто из нас не знал, когда мы с Лив, завершив наш первый визит в Пуамау, оседлали коней и простились с Генри Ли и его семьей. Напоследок мы еще раз провели веселого француза, а затем двинулись по следам Тераи вверх по извилистой тропе, ведущей в горы.

Мы любовались видом, искали взглядом бескрылую птицу, беседовали — и запутались в тропинках на поросших папоротником буграх. Ошибка обнаружилась, когда тропа свернула вниз в глубокую долину Ханайапа — ту самую, в которую Тераи направился из Пуамау. Небо заволочли тяжелые тучи, близился вечер, дотемна все равно не отыскать нужную тропу... И мы решили спуститься в последнюю из трех обитаемых долин Хива-Оа, где еще не бывали.

Когда мы начали спуск по серпантину, оставив позади горные плато, нам открылась довольно мрачная картина. Обе известные нам долины были образованы полукруглыми кратерами; здесь же мы увидели обращенное на север, к ревущему океану, глубокое и темное ущелье с нависающими безжизненными кручами.

На дне ущелья, у подножия отвесной стены, нам попала неприглядная хижина обычного типа: привозные доски, неоткрывающиеся застекленные окна, рифленое железо. Мы постучались в дверь, осторожно заглянули в окно. Пусто. Ни циновок, ни другого инвентаря — очевидно, хижина заброшена.

Несколько дальше стояла еще одна, такая же постройка. И в ней обитали только ящерицы и пауки. Унылое зрелище... Лишь на лесной прогалине у самого берега моря увидели мы людей, Но и тут большинство домов пустовало. Мы рассмотрели целых три

церквушки. Куда теперь направиться?

Пока мы размышляли, меня схватил за ногу какой-то оборванный тип. Он пытался мне что-то втолковать, но я плохо разбирал его речь. Темнота не позволяла разглядеть его лицо, однако мне показалось, что он больной и не совсем нормальный.

— Вене, — настаивал островитянин. — Плюй томпер.

На ломаном французском языке он твердил, что надвигается дождь. И предложил нам остановиться в доме протестантского священника.

— Мерси, — ответил я. — Мы будем ночевать на воле.

Островитянин, не выпуская моей ноги, энергично замотал головой и показал на небо. Там сгущались черные тучи, сверху по склонам ущелья сползал туман, Где-то в горах рокотало. Гроза. Довольно редкое для этих островов явление; значит, надо ждать нешуточной бури. Все же мы сдались только после того, как первый электрический разряд наполнил ущелье оглушительными громовыми раскатами и обрушил на нас ливневые каскады. Пришлось искать убежища на веранде священника.

Быстро спустилась ночь. Дождь лил как из ведра, тьму непрерывно рассекали ослепительные молнии, гром перекатывался между склонами, словно между крепостными стенами. Мы прочно застряли на веранде.

Мотаро — так звали приветливого хозяина этого дома — неторопливо рассказывал нам о долине, в которую нас нечаянно занесло. В Ханайапе осталось всего три десятка жителей, все — полинезийцы. В деревне зверствует туберкулез. Суеверие не позволяет местным жителям предавать земле останки, и покойников кладут под пол хижины. В таких домах, говорил священник, все умирают. Слоновая болезнь и проказа здесь тоже распространены сильнее, чем в других долинах. Из тридцати жителей деревни двое потеряли рассудок.

Мы дремали, снова просыпались и не могли отделаться от ощущения, что нас окружает сплошной кошмар. Сверкали молнии, гремел гром, но мы не уходили с веранды. Сколько бы ни возмущался и ни обижался хозяин, ничто не могло нас заставить укрыться в доме и разделить ложе с другими гостями. Тогда уж лучше выйти под ливень. От кашля, стонов и причитаний, которые доносились через открытую дверь, у нас мурашки бегали по телу.

Среди ночи мы подскочили от зловещего шума. Сначала посыпались камни, потом раздался грохот, и в долину обрушилась часть нависающей скалы. От страшного гула все проснулись и в панике выскочили на веранду; дом дрожал от скатившегося в речку обвала. Постепенно эхо смолкло, но по склону продолжали прыгать большие и малые камни. И непрерывно полыхали молнии. Долго рядом с нами на веранде сидели перепуганные люди; наконец они вернулись в комнату и снова легли. Для жителей Ханайапы обвал был привычным явлением.

К утру погода наладилась; тяжелые тучи ушли в море, продолжая громыхать и сыпать молниями. Взошедшее солнце осветило свежую влажную брешь на склоне. От самого края пропасти вниз тянулся красноречивый след; в зарослях на дне долины появилась широкая просека, заканчивающаяся грудами камня. Маленькая речушка разлилась и заполнила почти всю долину. Казалось, к заливу медленно катит поток расплавленного шоколада.

Мы не мешкая сели на коней. И с досадой увидели, что у нас появился спутник: впереди по тропе ехал верхом вчерашний дурачок. Он ни за что не хотел пропустить нас вперед. И так как накануне в темноте мы мало что смогли рассмотреть, самозванный провожатый ухитрился завлечь нас совсем на другую тропу.

К тому же наше внимание поминутно отвлекали окружающие картины. Куда ни погляди — старые каменные стены. Вот огромная глыба, испещренная уже знакомыми нам ямками, рядом — плита с высеченным на ней изображением огромной ящерицы. Что-то очень старинное. Меня удивило, что художник изобразил маленькое животное, которое не считалось съедобным и не было предметом поклонения. Да еще так его увеличил. В Полинезии вообще не водились крупные рептилии. Самым большим представителем этого класса, которого видели мы с Лив, был наш жилец геккон Гарибальдус. Но ведь ни одному полинезийцу не пришло бы в голову увековечить его сильно увеличенный образ на каменной

плите. Чудеса да и только.

Когда же начнется подъем? Тропа продолжала углубляться в заросли. Я встревожился. Что происходит?

Вот так штука! На земле перед нами лежали сотни человеческих черепов, и я понял наконец, что островитянин завел нас не туда. Вымощенная плитами прогалина в лесу была усеяна большими и малыми, белыми и плесневелыми, целыми и разбитыми черепами. Лежа бок о бок, они тарасились в разные стороны пустыми глазницами и словно вдыхали лесной воздух костяными ноздрями. Я резко повернулся к нашему проводнику, требуя объяснения, островитянин обнажил в бессмысленной улыбке беззубые десны. Ясное дело: один из двух сумасшедших, про которых нам говорил священник. Соскочив с коня, я присмотрелся поближе к черепам. Одни принадлежали длинноголовым, другие — широкоголовым. Если верить форме черепа, у этих полинезийцев были разные предки. Где-то произошло смешение, то ли здесь, на Хива-Оа, то ли на неизвестной прародине полинезийцев. Совершенно очевидно было также, что в прошлом островитяне, будь то каннибалы или вегетарианцы, не могли пожаловаться на зубы.

Я вскочил на коня, и мы с Лив, преследуемые по пятам придурковатым островитянином, помчались рысью обратно, пока я не отыскал тропку, ведущую в горы. Здесь ухмыляющийся островитянин отстал, а мы продолжали подъем по серпантину со всей скоростью, на какую были способны наши лошадки.

Наверху мы остановились и еще раз окинули взором долину Ханайапа. Над деревушкой с тридцатью жителями, тремя церквами и тысячами черепов снова собирались тучи.

Мы не спеша пересекли вольные горные плато и спустились в широкую, подковообразную долину Атуана.

Улыбающийся Тераи освободил наши ноги от бинтов. Болячки отлично заживали; правда, шрамы грозили остаться навсегда. Мы оставили коней и дошли пешком до наших китайских друзей. Нас встретили радостные возгласы и кипящие кастрюли. Ешь, отдыхай и жди очередной шхуны...

Прошло несколько дней. Мы сидели на веранде китайца, пили зеленый чай из пиал. В это время на дороге показался симпатичный коренастый радиотелеграфист Бельвас. У него была такая походка, словно он ступал по пружинному матрацу. Остановившись перед лавкой Боба, Бельвас развернул телеграфный бланк и торжественно зачитал текст окружившим его слушателям — Бобу, Триффе и горстке полинезийцев. Телеграмма извещала о назначении нового губернатора Французской Океании. Он уже вышел в море на военном корабле, чтобы посетить с официальным визитом Хива-Оа и Нуку-Хиву перед тем, как обосноваться в губернаторском дворце на Таити.

Не успел Бельвас убрать телеграмму, как поднялась страшная суматоха. В одно мгновение новость облетела всю деревню. В Ханайапу и Пуамау был отправлен верховой гонец с наказом вызвать всех, кого еще держали ноги, в Атуану, где Триффе собирался организовать грандиозный прием в честь губернатора.

Все более или менее значительные обитатели Атуаны собрались на совещание. Уж коли представилась возможность осуществить некоторые меры по благоустройству, нельзя ее упускать. Когда-то еще они смогут обратиться лично к губернатору. Участники совещания горячо обсуждали различные предложения. Боб считал, что пора отменить ограничения на продажу спиртного островитянам. В неделю ему разрешалось отпускать им только по одной бутылке вина на брата. Он вовсе не гнался за прибылью, но ведь известно, что островитяне сами гонят спиртное из зеленых кокосовых орехов и упиваются до смерти. Пора с этим покончить.

Вельвас выступил с возражением. Белые могут покупать сколько угодно вина у Боба и на шхунах. Очень удобный и дельный порядок. А если отменить ограничения для островитян, они и впрямь упьются до смерти. Сейчас все же не так пьют, ведь не каждому охота лазить на пальмы за орехами и самому гнать вино.

Предложение Боба провалилось.

Единоголосно постановили просить разрешения провести водосток под деревенской улицей. И все мечтали об электрическом генераторе для уличного освещения. На Таити уже провели электричество.

Следующий оратор заявил, что Фату-Хива нуждается в санитаре вроде Тераи. И рассказал про своих родичей на Фату-Хиве, лишенных всякой медицинской помощи. Последовали возражения. Дескать, ситуация на Фату-Хиве настолько бедственная, что все равно поздно что-либо предпринимать.

Решили воздержаться.

Триффе больше всего волновала программа встречи. Пляски, сказал Боб, хюла. Европейцам нравится смотреть, как девушки вертят задом. Все были согласны. Но очень уж мало девушек, пусть мужчины тоже участвуют. Костюм? Соломенные юбки, предложил Бельвас. Ему возразили. Чего доброго, губернатор подумает, что попал к каннибалам. Боб горячо ратовал за новые белые костюмы для всех участников. У него есть как раз то, что нужно. Один островитянин поддержал Бельваса. Современные танцовщики на Таити выступают в лубяных юбках. Гости из Европы одобряют такой наряд.

Развернулась жаркая дискуссия. Зачем принимать губернатора в дикарских одеяниях, когда можно одеться прилично? Большинство было за длинные белые платья для женщин, белые сорочки и отутюженные белые брюки для мужчин. Но сторонники лубяных юбок не унимались. Пришлось пойти на компромисс.

Когда губернатор прибыл на сером крейсере и высадился на берег, сопровождаемый свитой в безупречных белых мундирах, его встретили двойные шеренги танцоров, тоже в белом. Но поверх платьев и брюк были привязаны длинные лубяные юбки с болтающейся бахромой. Все остались довольны. Крейсер ушел; белый человек лишился раз полюбовался своей тенью; тропическое солнце озарило новую ступеньку на лестнице прогресса, ведущей в никуда.

Кто-то возложил венок на скромную могильную плиту Поля Гогена. Кто-то ценил его краски. Я подумал, что Гоген был миссионером наоборот. Пытался цивилизовать нас с помощью теплых красок островного народа. Мы же сумели убедить островитян в преимуществах белого воротничка. Я и сам надел воротничок в честь прибытия губернатора. А вернувшись в отведенный нам домик, сорвал его. Не сомневаюсь, что губернатор сделал то же, как только остался один в своей каюте.

Жарко... Обмотав бедра красно-зеленым пареу, я растянулся на панданусовой циновке на веранде. Прилично и прохладно, и никто не придерется, пока я сижу дома.

Меня тянуло на Фату-Хиву. Там мы были ближе к природе. Глупо сдаваться, не сделав еще одной попытки. Ноги Лив почти совсем зажили, и она решительно восстала против того, чтобы проситься на крейсер и плыть на Таити. Проводив взглядом ошестиненное пушками чудовище, мы не сомневались, что вернуться в Европу — значит увидеть, как современное общество рушится под тяжестью своих танков и линкоров. Независимо от того, кто с кем будет воевать. У нас был только один враг — фатухивские комары. И мы решили еще раз схватиться с ними. Лучше комариное жало, чем бомба. Тысячи жал не так страшны, как один штык.

Нас тянуло на Фату-Хиву, в нашу бамбуковую хижину.

Остров дурных предзнаменований

Я проснулся от звона тяжелой якорной цепи и увидел, что рядом со мной лежит очаровательная полинезийка. Ветер трепал ее черные волосы. Вечером, когда я засыпал, ее тут не было. Вдали, совсем низко над горизонтом, покачивалось солнце — в следующую секунду его заслонил толстый гик. Только я хотел сесть, как пришлось живо распластаться на палубе, чтобы гик не снес мне череп. Неизвестная красавица рассмеялась, потом натянула одеяло к самому носу. По другую сторону от меня спала Лив, и всюду на палубе лежали

люди, закутанные в пледы и коврики.

Качка усилилась, и я вспомнил, что накануне мы поднялись на борт шхуны «Моана», которая бросила якорь под защитой мыса Атуана. Она пришла за копррой через две недели после молниеносного визита военного корабля. Очевидно, остальные пассажиры явились ночью или на рассвете. Из трюма доносились громкие голоса, но те, кому был не по душе тошнотворный запах машины и копрры, подобно нам устроились на люке, под самым гротатиком.

Но вот якорь поднят, ветер наполнил грот, и «Моана» белым орлом скользит к выходу из зеленой бухты. Парус прочно удерживал гик у правого борта, можно было спокойно сесть и полюбоваться напоследок широкой долиной Атуана, пока она не исчезла вдаль. Прощай, долина Тераи, мистера Боба и Поля Гогена! Что тебя ждет? Может быть, и впрямь появятся уличные фонари, откроется свободная продажа спиртного. А может быть, такие люди, как Тераи и мадам Хамон, возродят здесь власть солнца.

Огибая мыс, мы заметили развалины нескольких построек. Здесь находился госпиталь для прокаженных. Недавно дома сломали и сожгли, чтобы истребить бациллы и помешать распространению заразы. А обитателей маленького поселка отправили в их родные деревни; лишь кое-кого перевели в госпиталь на Таити.

Вечный пассат подул в полную силу, мы жадно вдыхали свежий соленый воздух — дыхание безбрежного океана. Два-три островитянина озябли и укрылись пбд палубой, остальные укутались поплотнее в одеяла. В этот ранний час было еще довольно прохладно. Трех молодым вахинам слева от меня не терпелось познакомиться с нами, они пересмеивались и кокетничали, но тут по шхуне распространилась новость, которая прогнала улыбки с их лиц.

На борту находится сумасшедший: в трюме заперт опасный преступник, его везут на Таити. Он нарушил табу, и его постигла кара. От шкипера мы слышали подробности.

Задумав посадить кокосовые пальмы на заброшенных землях, в обезлюдевшей долине рядом с Атуаккой поселилось несколько полинезийцев, двое даже с Таити приехали. В той же долине стояло огромное старое дерево, охраняемое строгим табу. Но молодые таитяне не испугались священного запрета, подошли к дереву и обнаружили дупло. А в дупле лежали три необычно больших человеческих черепа. Они таких в жизни не видели. Алчность взяла верх, и парни забрали черепа, рассчитывая сбить их туристам на Таити за хорошую цену.

В ожидании шхуны, идущей в Папеэте, они спрятали черепа в чемодан. Но в первую же ночь, как потом рассказывали жандарму, черепа начали скулить.

Один парень почувствовал угрызения совести и хотел сразу же отнести черепа на место. Другой уперся, его манили деньги, он не верил ни в какие табу. Между тем в чемодане поднялся такой шум, что даже соседям было слышно. Тут и второй парень перепугался, да так, что потерял рассудок. Схватил мачете и бросился на своего приятеля, собираясь отсечь ему голову. Завязалась драка. Наконец соседям удалось обезоружить свихнувшегося таитянина. Его доставили через горы в Атуану и сдали жандарму. И вот теперь его везут в тюрьму в Папеэте.

Я подумал о том, что маркизские крысы, судя по всему, охотно селятся в пустых черепках...

Вскоре с левого борта над качающимся горизонтом показался островок Мотане. Тот самый, очертания которого мы видели, когда направлялись на север. Тогда мы прошли вдаль от него, теперь же, к нашему удивлению, капитан велел смуглому рулевому править прямо на необитаемый остров. Дескать, не мешает запастись провиантом, свежим мясом.

Неясный силуэт сменился трехмерным ландшафтом, и нашим глазам предстало неожиданное зрелище. Мы-то приготовились увидеть густой зеленый лес, как и всюду, где природа отвоевала земли, покинутые человеком. Но тут — ничего подобного. И мы вспомнили, что нам говорили на Хива-Оа старый француз и Генри Ли: на Мотане вмешательство человека Лигубило лес.

Шлюпка приблизилась к острову с подветренной стороны, насколько позволял прибой,

и мы прыгнули на скалы у подножия отлогого пригорка. Высадив кроме нас горстку полинезийцев, лодка отошла на безопасное расстояние.

Несколько человек, одетые в одни только пестрые пареу, вооружились острогами и нырнули в бушующее море, чтобы поохотиться на рыб и лангустов. Остальные поднялись на пропеченный солнцем склон: белый, сухой, стерильный песок, мелкие камни, голые плиты... И ослепительно яркий свет, словно на коралловом пляже. Тут и там торчали сухие кустики с толстыми кожистыми листьями. И вся растительность. Ни дерева, ни травинки, солнце без помех жгло не защищенную древесными кронами землю. Кругом простиралась подлинная пустыня. Изредка попадались мертвые белые стволы без коры, без листвы, будто выгоревшие кости. Голые сучья призрачными пальцами тянулись к голубому небу.

И всюду валялись побеленные солнцем кости, кривые рога, черепа животных. Куда ни повернись, одна картина: источенные ветром камни, сухой кустарник, скрюченные овечьи скелеты. На мертвом дереве сидел и кукарекал одичавший петух, издали ему откликнулся другой.

Когда-то здесь жили люди. Нам встречались старые полинезийские фундаменты паэпаэ, искусно сложенные из валунов. На Маркизских островах строители всегда заботились о том, чтобы пол дома был поднят достаточно высоко над сырой лесной почвой. Сырой почвой... На Мотане от нее не осталось и следа. Нигде ни капли влаги, сплошь сухой песок. Правда, в ложбинах и ущельях мы увидели высохшие русла с глубокими заводьями. От этой картины полного безводья сразу стало как-то сухо во рту... А соленый душ, которым нас обдали разбивающиеся о камни волны на наветренной стороне острова, заставил еще острее ощутить нехватку питьевой воды.

Мы шли без провожатого, да он и не был нужен, чтобы ориентироваться на этом голом клочке земли и разобраться, что тут произошло. Остров Мотане представлял собой поле битвы, на котором современный человек одолел природу. На других островах архипелага дебри победили. Здесь — нет. Там, где победили дебри, человек вполне мог обосноваться вновь. Здесь — нет. На Фату-Хиве и на Хива-Оа мы видели последствия стараний белого человека утвердиться и улучшить условия для себя и полинезийских хозяев. Он ввел свой образ жизни, привез своих домашних животных — и нарушил баланс природной среды. И когда его попытки «помочь» островитянам потерпели крах, он отступил, испугавшись собственной тени. А дебри шли за ним по пятам, местами до самого берега, и вернули всю потерянную территорию.

На Мотане получилось иначе. Остров был мал, чересчур мал, чтобы выстоять в неравном бою. Со времени прихода первых европейцев на Маркизских островах шла непрерывная жестокая борьба за существование, и борьба эта потребовала немалых жертв. В 1773 году, по подсчетам капитана Кука, на Маркизских островах жило 100 тысяч человек. Следом за ним явились европейские поселенцы, китобои, миссионеры, и началась трагедия. Сто лет спустя, в 1883 году, перепись населения дала цифру 4 865 жителей. Этнолог Ральф Линтон в 1920 году насчитал около трех тысяч, из которых многие были китайцами или метисами; на Тахуате ему сообщили, что смертность чуть не в сто раз превышает рождаемость. Возможно, какие-то из этих цифр преувеличены, но все равно потери в борьбе против привезенных европейцами инфекций и нового образа жизни достигали потрясающих размеров. На Мотане вообще не осталось никого, кто мог бы рассказать о прошлом этого острова призраков.

Поднявшись повыше, мы впервые увидели какуюто живность. Две-три овцы с ягнятами, испуганно бляя, бросились наутек в сухой кустарник. Маленькие, тощие, облезлые... Трое босых матросов с «Моаны» ринулись вдогонку и легко настигли изможденную скотинку. Охотники попросту хватили овец руками и несли к берегу, взвалив добычу себе на плечи. Мы с Лив молча смотрели на это печальное зрелище. Повернувшись к нам, замыкающий с торжествующим смехом сказал, что мы можем подождать здесь, они еще вернутся, чтобы продолжать охоту. Овечки костлявые, мяса на них маловато.

Ослепительное солнце показалось мне луной, озаряющей заброшенное кладбище.

Призрачно-белые деревья среди костей и черепов — словно памятники над разоренными могилами. Полдень сменился полночью.

Вот еще один каменный фундамент, древний паэпаэ. Некогда на нем стоял дом. И была дверь, через которую сновали детишки и входили, пригнувшись, мужчины с острогами в руках. А в доме женщины их ждали с ароматным пои-пои и печеными хлебными плодами. Может быть, как раз вот эти голые ветви иссохшего дерева некогда гнулись под тяжестью плодов.

Но в голубом заливе за рощей бросил якорь большой европейский парусник. Люди в треуголках и странных одеждах, с грохочущим огнестрельным оружием сошли на берег, требуя воды, плодов, поросят, женщин. С собой они привезли странных животных с длинными зубами на голове, привезли ром и рецепты напитков, куда более крепких, чем невинная местная каза, привезли свои обычаи и нравы, привезли заразные болезни. Островитяне все принимали с восхищением и благодарностью. Пришел конец дикости в Полинезии. Заодно пришел конец полинезийской культуре. А на Мотане всему пришел конец. Может быть, последний житель острова испустил дух на панданусовой циновке. Как раз на этом паэпаэ, где мы присели отдохнуть. Может быть, последняя семья, отчаявшись, села на лодку и бежала на Хива-Оа, чьи вершины можно было различить на горизонте в ясную погоду. Может быть, последним жителем острова был ребенок, одиноко бродивший среди деревьев и животных. Нам остается только догадываться.

Но мы точно знаем, что брошенный людьми остров одичал. Самыми живучими оказались овцы. Те самые овцы, которые, по мысли белого человека, должны были стать последним добавлением к тому, чем сама природа облагодетельствовала островок. На материке хищники помогли бы поддерживать естественное равновесие, позаботились бы о том, чтобы от каждой одичавшей пары в среднем оставалось не больше двух ягнят. Но на Мотане с исчезновением человека ничто не мешало овцам размножаться сверх всякой меры. Многочисленные стада поедали траву, листья, выгрызали корешки, обгладывали кору, так что деревья зачахли и остров превратился в пустыню. Без деревьев, прикрывающих землю от жгучих лучей солнца, без корней, удерживающих влагу, каждая капля дождя уходила в глубь грунта. Без питания высохли ручейки и речушки, не осталось никакого намека на влагу. Биологические часы Мотане не просто остановились — они пошли назад, и теперь стрелки показывали случайному гостю, как примерно выглядела наша планета до того, как из моря на сушу пришла жизнь. Если матросам «Моаны» удастся выловить последних тощих овец, этот миниатюрный мирок уподобится планете Земля той поры, когда только океан и воздух были освоены живыми организмами. Той далекой поры, когда время точило камень, превращая его в песок, когда песок и вода с помощью солнца наполнили сперва моря, потом воздух тварями, которые плавали и летали вдоль безжизненных берегов. Сколько миллионов лет пришлось бы нам просидеть на паэпаэ, дожидаясь, когда выброшенные на берег водоросли снова обратятся в траву и деревья? Когда рыбы снова выберутся на сушу и обзаведутся легкими, конечностями, мехом? Наверно, предки маленькой рыбешки, которую мы видели на Фату-Хиве, сотни тысяч лет резвились на приморских скалах, однако ни одна из них не сделала даже первого шага на долгом пути к превращению в кенгуру или обезьяну.

Нет уж, лучше побережь тот мир, который нам достался. Очень много времени понадобится, чтобы образовался новый...

Мы успели задремать, сидя на паэпаэ, когда матросы наконец прекратили охоту и пришло время возвращаться на «Моану». Чистые воды вокруг островка кишели морской живностью. Среди богатого улова, добытого ныряльщиками, было много жирных мурен. Сваренные в кокосовом соку из захваченных с ХиваОа зеленых орехов, эти чудовища оказались куда вкуснее, чем рагу из тощих овечек.

Еще до захода солнца остров песка и костей скрылся за горизонтом. Мы словно путешествовали в космосе. Словно покинули мир, который был то ли намного моложе, то ли намного древнее нашего. Кутаясь в одеяло и втискиваясь между Лив и смешливыми вахинами, я мечтал поскорее вернуться в маленький зеленый мирок с журчащими ручьями и

щебечущими птицами. Я безумно соскучился по нашей хижине на Фату-Хиве!

Да, только так называемый белый человек, одержимый страстью к переменам, к прогрессу, мог погубить райский островок, с которым так называемые туземцы обращались очень бережно.

А впрочем, верно ли это? Тогда я не подозревал, что голый остров Пасхи в прошлом тоже был покрыт пальмами и деревьями, но люди свели их. Причем это были те самые люди, которые задолго до прихода европейцев расставили по всему острову огромные статуи. Древние скульпторы рубили и жгли лес и кусты, пока — совсем, как на Мотане, — не высох последний ручей. Затем явился белый человек и стал разводить овец на оголенном острове. Но на Пасхе между камнями росла трава, рос папоротник; ведь как ни поредело коренное население от привезенных болезней, оставшихся жителей было достаточно, чтобы не дать овцам размножиться сверх меры.

Покидая Мотане на шхуне, я еще не знал, почему остров Пасхи на крайнем востоке Тихого океана стал бесплодным, поэтому мысли мои обратились к Месопотамии и странам Средиземноморья, где всем было известно, что человек давным-давно извел зеленые леса. Известно, что во времена шумеров и финикийцев пустыни Среднего Востока были плодородным краем, густые леса покрывали Ливан, Кипр, Крит и Элладу с прилегающими островами, пока люди не срубили их, чтобы строить дома и корабли и расчистить земли для возделывания. Кое-кто считает даже, будто пустыня Сахара — дело рук человека: пастушеские племена сожгли леса, а затем многочисленные стада коз и овец погубили пастбища. Современная наука как будто подтверждает это. Мы знаем, что Сахара продолжает наступать в южном направлении, в год на два-три километра, а то и больше, и одна из причин — неразумное землепользование. В сердце Сахары обнаружено множество древних наскальных фресок, на них изображены типичные обитатели дождевого леса, в том числе бегемоты. В районе Джанета на юге Алжира в трех различных местах древние фрески изображают серповидные тростниковые лодки такого же вида, какие нарисованы на скалах Верхнего Египта ¹¹.

Выходит, когда писались фрески, на месте нынешней Сахары были леса и болота, но люди превратили плодородный край в безжизненную песчаную пустыню.

Посещение обреченного островка в море между лесистыми нагорьями Хива-Оа и Фату-Хивы надолго врезалось в память. Может быть, именно воспоминание о судьбе Мотане побудило меня много лет спустя добывать образцы цветочной пыльцы на голом острове Пасхи. И уж во всяком случае оно послужило сигналом тревоги, который заставил меня энергично защищать окружающие цветущие ландшафты, когда я уже в пятидесятых годах обосновался в маленькой средневековой деревушке среди лесистых холмов итальянской Ривьеры. Из года в год сражался я на стороне могучих деревьев, отступающих под натиском человека. Ведь из года в год лесные пожары опустошают Средиземноморское побережье Франции и Италии.

Прежде главными виновниками пожаров были пастухи, птицеловы, неосторожные туристы. Теперь пастухов давно нет, зато на смену им пришли строительные подрядчики, которым «зеленые пояса» стоят поперек горла, да пироманы, отводящие душу в заброшенных лесах. Тлеющий окурочок на высохшем навозе, огарок свечи на сухой хвое — много ли надо, чтобы незаметно подпалить густой подлесок, поднявшийся между стволами после того, как диких животных истребили, а крестьяне и пастухи перебрались в города, нашли себе место в сфере обслуживания, на пляжах и в отелях. Только гарь начнет покрываться новым кустарником и молодыми деревьями, как разражается второй пожар, за ним — третий... Кому какое дело до леса, который перестал приносить доход со времен угольщиков? Редкие любители природы бьют тревогу, немногочисленные местные пожарные дружины трудятся как черти, а люди, некогда кормившиеся землей, стоят на

¹¹ Анри Лот. В поисках фресок Тассили. М., 1976.

пляже и вместе с туристами любуются морем огня на склоне горы...

Судьба Мотане угрожает остаткам зеленых массивов Средиземноморья, и в наши дни процесс идет куда быстрее, чем шел он в древности. От пустынь Сахары и Месопотамии на юге и востоке, через оголяющиеся острова и жалкие остатки пышной природы эллинского мира опустошение распространяется на запад. Сгоревший лес не скоро восстанавливается. Если же он за десять лет горел трижды, меняется вся ситуация. Корни умирают, ручьи и речки пересыхают. Дождь вымывает из почвы драгоценный перегной, тоннами уносит его в море. Остается стерильный песок, голый камень. После сильного ливня шоколадная полоса вдоль побережья отчетливо говорит, куда девается драгоценная пресная вода и бесценная плодородная почва. Они возвращаются туда, откуда некогда вышла вся жизнь на земле, — в океан.

Мотане — далеко не единственное место на нашей голубой планете, где одержимый страстью к улучшениям человек крутит биологические часы в обратную сторону.

В долине каннибалов

Казалось, высокие пальмы нарочно выстроились для встречи вдоль королевской тропы. Не чопорные флажтоки на параде, а приветливо махающие представители зеленых дебрей Фату-Хивы желали нам «добро пожаловать» обратно в нашу родимую долину. Так и хотелось помахать в ответ, ведь мы знали их всех — и длинных, и коротких, и кривую, которая изогнулась над тропой, но потом, спохватившись, исправила ошибку и тоже потянулась вверх. Каждая пальма — наш личный друг. И так же мы воспринимали грозди орхидей на узловатых ветвях у нас над головой. Как будто они, не двигаясь с места, ждали нас с того самого дня, когда мы уехали. Мы узнавали свисающие в зеленый коридор лианы и воздушные корни. Легкое приветственное прикосновение, и они уже покачиваются за спиной.

Наш мир. Наша долина. Мы вернулись к себе домой, мы шли к нашей пожелтевшей бамбуковой хижине. Душа радовалась.

Босые, одетые в легкие пареу, мы вновь ощущали бодрящий контакт с подлинной жизнью, и природа играла на своих инструментах, будоража все наши органы чувств. Лес ласкал кожу, наполнял легкие теплым благоуханием. Мотане

— мертвая планета — остался позади, погрузился в соленые волны. Мы снова вступили в живой мир, где бабочки и пичуги по-прежнему вольготно порхали на солнце или в прохладной тени под зеленым пологом. Тучный перегной мощным слоем выстлал бесплодный камень, обеспечив опору и питание для грибов, корней, стеблей и могучих стволов. Не стерильный песок, а почва, в которой растет и копошится всякая мелюзга. Образец доставшегося человеку чудесного наследия: природа в седьмой день творения.

Мы углублялись в лес веселые, полные радостных предвкушений, словно дети, спешащие на день рождения. Кругом простирался мир, где ничто не сковывало нас, не ограничивало наши порывы и чувства.

Хотя день выдался облачный, нам казалось, что долина озарена солнцем. Облака не делали погоды. Воздух в дебрях по-прежнему был влажный, но теперь мы радовались влаге. Даже запах грибов и плесени был нам приятен. Все воплощало бьющую через край жизнь и плодородие. Накануне мы посетили остров, где даже грибы не хотели расти. За ночь совершили прыжок из мертвого мира обратно на живую планету. Планету, где листья роняли бусинки воды. Где журчащие ручейки вбегали на цыпочках в пляшущие речки. Где среди зелени деловито жужжали насекомые, выискивая, куда окунуть свой хоботок, словно им платили за то, чтобы они смазывали сложный животворный механизм, который обеспечивал нас тенью, воздухом, пищей.

Мы смотрели на все так, будто с глаз упала пелена, и всему восторгались, как восторгается путешественник в неведомом краю, хотя мы возвращались в собственный дом. Снова природа окружила нас множеством вопросов, над которыми стоило задуматься.

Пустынный, голый островок Мотане не шел у нас из головы. После несчетных тысячелетий он возвращался к первобытному бесплодию. Таким же голым был вначале Фату-Хива. Сегодня здесь пышный лес, вчера его не было, завтра, быть может, опять не будет. Так сказать, заем на неопределенный срок. Но откуда все эти миллионы тонн сочной древесины, откуда самый сложный комплекс взаимозависимых жизней? Ветер и течение принесли отдельные клетки, а из них возникло все это изобилие живых, умирающих, гниющих и возрожденных видов. Масштабы времени не позволили нам наблюдать это превращение голого камня в зеленое царство; чудесное взрывное развитие органической материи произошло незримо для глаз человека и зверей, как незримо немое чудо банана, который за один сезон неприметно вырастает из черной земли. Подобно всем животным, человек — ради самозащиты — создан так, что его зрение, слух, обоняние, осязание реагируют на резкие изменения. Все постоянное, однообразное, неподвижное усыпляет нас. Мы не видим кончика носа, неизменно маячащего у нас перед глазами, не слышим привычного шума улицы или водопада. Собака спокойно спит под тянущейся вверх яблоней, птица безмятежно сидит среди медленно разрастающихся ветвей; они не замечают набухающих среди листвы яблок, пока одно из них вдруг не свалится на землю. Природа привила всем нам, живым тварям, способность замечать лишь происходящие поблизости от нас быстрые перемены, которые могут оказаться опасными. Наши восприятия не настроены на медленные изменения, ведь они редко представляют для нас угрозу. Чаще всего они связаны с безмолвной работой природы, она-то и обеспечивает нам хлеб насущный и необходимую для жизни среду.

Два маленьких прыжка на шлюпке, которые в одни сутки перебросили нас с голого острова в подлинно райские кущи, каким-то образом повлияли на частоту наших внутренних приемников. Нам казалось, что возникший из моря голый лавовый массив вдруг оделся великолепным лесом. В самом деле, ведь долина, по которой мы шли, когда-то была еще стерильнее, чем нынешний Мотане, — ни одной зеленой травинки, ни единой щепотки перегноя. В пучинах времени утонул процесс, создавший из ничего это зеленое богатство, словно бы принесенное ветром на ковче-самолете из тучной почвы. Голые скалы Фату-Хивы поднялись со дна морского и превратились в изобилующий яствами стол. Снующие в подлеске свиньи и ящерицы принимали это как должное. Как и наши друзья в деревне, которые сидели и ждали, когда упадут на землю созревшие кокосовые орехи, но нам сегодня все виделось иначе. За пышной зеленью мы угадывали другой ландшафт, позавчерашний Фату-Хиву. По гребням и ущельям ползли потоки красной лавы; раскаленная пемза и пепел сыпались на текучую расплавленную долину; под нашими ногами из бурлящего океана вырос остров. Маленький ад, умертвляющий все живое кругом, постепенно угомонился; кипящая лава застыла и образовала безжизненный фундамент Фату-Хивы. Пока ваятели самой природы — прибой и ручьи — терпеливо придавали острову его нынешний облик, пока человек еще спал в хромосомах своих примитивных предшественников, на Фату-Хиву прибыли первые крохотные поселенцы, влекомые течениями и ветром, оснащенные хромосомами, которые позволили им обзавестись корнями, ртами и прочими органами для того, чтобы сверлить, переваривать и удобрять стерильный грунт. Мельчайших семян и яичек от червей и насекомых оказалось достаточно, чтобы создать толстый плодородный ковер, по которому мы теперь ступали, да еще украсить его мхами, травой, папоротником, кустами и могучими деревьями — всем, что нас окружало.

Дойдя до своей старой знакомой реки, мы сели на большой гладкий камень, чтобы полюбоваться текущей водой, послушать звучащую тут и без нас мелодичную музыку. Единственными зрителями, кроме нас, были выюрки на мшистом стволе, которые явно подстроили свои музыкальные инструменты под голос потока. В месте брода река текла так же стремительно, как во время ливней перед нашим отъездом. Мягкая земля пропиталась влагой. Рядом с моей ногой торчал гриб — чистый и белый, словно опрокинутое блюдце. Несколько дней назад его, наверно, не было; тогда я не увидел бы даже его зародыша, если бы копнул тут землю.

Обычно грибы не вызывали у меня большого восторга, разве что попадались очень интересные по форме или окраске. Этот был гладкий, белый, ничем не примечательный и вряд ли съедобный. Я ковырнул его ногой. Он сломался. На что хлипкий, а сумел пробиться из-под земли с такой силой и быстротой, что отвалил в сторону камешки. Шляпка и ножка белоснежные, чистенькие, словно девушка в выходном платье; будто этот аккуратист и не касался темного перегноя, из которого вышел.

На изломе было видно расходящиеся от ножки пластины органов размножения. Давно ли все это творение природы было величиной всего лишь с одну из своих миниатюрных спор? И что помешало грибу расти дальше? Стать величиной с зонтик, мельничный жернов, цирковой шатер. На Мотане не нашлось земли для одного-единственного гриба; здесь от пляжа вплоть до подножия круч Тауаоуохо было сколько угодно почвы. Исполинские грибы могли занять всю долину Омоа, затмить лесной полог, всосать в себя все питательные вещества, а затем опасть, словно проколотый шар, погибнуть, как погибли овцы на Мотане, когда съели всю траву.

Так почему же дикий гриб, занесенный на Фату-Хиву ветром, вел себя более цивилизованно, чем домашняя овца, доставленная на Мотане человеком?

Поглощенный размышлениями, я машинально отмахивался от изголодавшихся комаров. Они роями осаждали нас, и Лив надела рубашку, защищая плечи. Она похвалила маленьких вьюрков — наших союзников в борьбе с насекомыми. На дерево над нами опустился самый красочный из наших лесных друзей — маркизская кукушка в костюме попугая. Еще один союзник в борьбе против комаров, притом раз в десять крупнее вьюрка. Одна черта роднила с грибом этих птиц: сколько бы вьюрок ни ел, не вырастет с кукушку, и кукушкины размеры раз и навсегда определены. Или взять эту маленькую плодовую крысу, что прыгает с куста на куст, словно пушинка, бегаёт по самым тонким веткам. Кругом — тонны плодов и орехов, а она всегда останется Дюймовочкой и не догонит ростом дикуую свинью, которая кормится той же пищей.

Природа пошла бы вразнос, не держись каждый вид в рамках predetermined размеров. С начала времен за этим следят хромосомы. Мои профессора показывали мне в микроскоп, как просто все происходит. В оплодотворенном яйце или семени клетка делится на две, на четыре, на сотни миллиардов всевозможных клеток. Но как только достигнута определенная форма и величина, деление разом прекращается. Автоматически, без вмешательства извне бесчисленные клетки прекращают строительство, когда рога и внутренности, зубы и хвосты приобретают должный вид и величину. Муха, кит, листок, кокосовый орех — все живое укладывается в положенные размеры. Незримая рука оснастила каждый вид органического мира незримым механизмом, неким тормозом, который никогда не ломается и вовремя дает команду: стоп, довольно! Не дальше этого предела! Этот гениальный механизм встроен в гриб, в окружающих нас мошек, в огромные лесные деревья, которые тянутся к облакам, но никогда до них не дотягиваются.

Проклятые комары! Я тоже надел рубашку, пока они меня совсем не сгрызли. Стоит солнцу подсушить лесную чашу, и комаров будет поменьше, птицы вполне с ними управятся. Тиоти сказал нам, что после нашего отъезда дождь не прекращался ни на один день. Но когда-то кончится же дождевой период.

Мы подняли свою ношу и зашагали дальше по королевской тропе. С радостью увидели на кустах зрелые гуаявы. Похоже, после нас здесь никто не проходил. Ну конечно: Вилли и Иоане привезли рис и муку.

Мы подошли к расчистке на королевской террасе. Лив захотелось пить, и она спустилась к роднику. Только присела и раздвинула зеленые зонты, как из травы выскочила дикарка Пото и одним прыжком скрылась снова.

А вот среди зелени и наша желтая бамбуковая плетенка. Право же, я успел по-настоящему привязаться к этой долине. Никогда и нигде не было мне так хорошо, как в приветливых, щедрых дебрях Омоа. Я отдыхал душой в окружении зеленой листвы, в среде, с которой мы уже освоились, в обители, где часовой механизм самой природы обеспечивал

полный достаток. Вот только надо быть начеку против завезенной современным человеком инфекции.

Хижина. Кухонный навес рядом с ней. Грязь кругом еще не просохла. Слава богу, никаких отпечатков ног.

Но как все изменилось!

Лив догнала меня, и мы поспешили к дому, окруженные комариным роем. Передняя стена была наполовину скрыта большими, свежими банановыми листьями и другой зеленью. Просто невероятно, как быстро дебри отвоевывали расчищенную нами площадку. Словно буйная растительность выскочила из-под земли, когда мы на минуту отвернулись. Сколько мы отсутствовали — сутки, год?

По возгласу Лив я понял, что ее поразило то же, что и меня. Четыре столба, вбитые мной в землю как опоры для кухонного навеса, дали зеленые всходы.

Я потянул на себя дверь хижины. Вся рама подалась. Странно! Стукнул кулаком по золотистой плетенке, проверяя ее прочность. Рука прошла насквозь, точно через картон. Я заглянул внутрь. На провисшем потолке висели какие-то космы. Когда мы вошли, по стенам разбежались пауки и тысячножки, обсыпав нас бамбуковой мукой. Как будто снег толстым слоем покрывал наш самодельный инвентарь, наши нары и все, что было спрятано под ними: каменные орудия, фигурки, черепа.

В наше отсутствие никто не входил в дом. Археологические и зоологические коллекции были в целости и сохранности. Но мы остались без жилья и без крова, если не считать лесной полог.

Мы вытащили ящик с черепами и прочее имущество, чтобы на него не польстились другие, когда хижина окончательно развалится, и спрятали все в сухой яме под камнями. Благодаря небо за то, что не поливает нас дождем, поспешили соорудить из ветвей и лопухов шалаш на расчистке перед бывшим домом. Завернулись поплотнее в старую кисею для защиты от комаров и уснули на толстом папоротниковом матрасе. Почти сразу же во тьме кругом забарабанил дождь.

Утром мы встали мокрые насквозь. Дождь прекратился, но кругом хватало и грязи, и комаров. Нет, все-таки тут невозможно жить. Даже если построим новую бамбуковую хижину на месте старой, ведь история повторится. И вообще здесь рискованно оставаться. Того и гляди опять схватим фе-фе. Или комары заразят нас слоновой болезнью.

— Последуем примеру островитян, — предложила Лив. — Уйдем из леса и поселимся на берегу, где ветер разгоняет комаров.

Я не возражал. Только надо подыскать другую долину. Не селиться же по соседству с деревней, где уйма всяких хворей.

Мы обратились за советом к Пакееее, но он ограничился словами, что его дом — наш дом. Зато Тиоти будто прочел наши мысли и посоветовал, если мы хотим избавиться от комаров, перебраться на другую сторону гряды Тауаоуохо. Там постоянный восточный ветер загоняет всех насекомых в глубь долин.

Ни Тиоти, ни Пакееее не ходили через горы и не видели восточный берег. Но Вео бывал там и подтвердил то, что мы уже знали: Тауаоуохо и Намана вместе образуют могучую стену, разделяющую ветреные восточные долины и защищенное западное побережье. Поскольку игольное ушко в гребне между Ханававе и Ханахоуа теперь было недоступно, единственный путь проходил через перевал на срединном плато; за ним, в скалах на спуске к Уиа — самой большой из долин восточной стороны — в незапамятные времена была прорублена тропа. Правда, и на этом пути обвалы затруднили переход, но при известной осторожности все-таки можно было спуститься.

Восточные долины пустовали, все тамошние племена вымерли. Лишь в Уиа жил старик по имени Теи Тетуа со своей юной приемной дочерью. Вео знал его. Некогда Теи Тетуа стоял во главе четырех племен, и он пережил всех своих подданных, включая двенадцать жен. Девочку Тахиа-Момо — малышку Тахиа — к нему привел один родич из Омоа, чтобы старику было не так уж одиноко.

— Теи Тетуа — последний из людей старого времени, — объяснил Тиоти, и Вео кивнул, дескать, старик и впрямь из мира предков, он — последний из тех, кто ел человеческое мясо.

Мы знали, что людоедство практиковалось на Маркизских островах еще пятьдесят лет назад. В 1879 году на Хива-Оа съели шведского столяра. Последний случай каннибализма зарегистрировали на том же острове в 1887 году, во время ритуала в долине Пуамау. Теи Тетуа тогда был уже взрослый, а Фату-Хива был еще сильнее изолирован от внешнего мира, чем Хива-Оа. Но даже бывший людоед тоскует без общества людей. Так или иначе, выбирать не приходилось: по словам наших друзей, из восточных долин пешком можно было пробраться только в Уиа. Дальше тоже пути нет, потому что все долины той стороны разделены неприступными кручами.

Еще Вео рассказал, что та сторона намного суше; образующиеся над Тауаоуохо облака сносит на запад. И комаров на восточном берегу, куда меньше.

Тиоти и резвый сынишка Пакееее, Пахо, вызвались идти с нами через горы. Вео отказался. А ведь из всех наших друзей он один знал дорогу. Никакие подарки, даже высоко ценимые консервы из лавчонки Боба на Хива-Оа, не могли его соблазнить. И он не хотел говорить о причине отказа.

Однако в тот же вечер, когда мы сидели вокруг керосиновой лампы Пакееее, Пахо успел куда-то сбегать и, вернувшись, сообщил, что нашел провожатого. Имени не назвал, только попросил несколько банок с консервами и сказал, что завтра утром проводник будет ждать нас там, где начинается подъем в горы.

Еще царил кромешный мрак, когда Пакееее разбудил нас, и мы стали собираться в дорогу. Деревня спала, только приглушенный гул неугомонного прибоя нарушал тишину. Друзья уже навьючили двух лошадей нашим багажом. Оставалось свернуть пледы и положить сверху. Наш старый знакомый, гордец Туивета, нес корзины с закупленными у мистера Боба тушенкой, вареньем, леденцами, табаком и шоколадом. Не зря мы опустошили полки в магазине Боба: хотя Пахо кое-что унес накануне вечером, у нас было что подарить старику и его приемной дочурке.

Тиоти посоветовал нам никому не говорить, куда мы перебираемся. Он не доверял своим соплеменникам. Попрощавшись шепотом с Пакееее и его гостеприимным кровом, мы тихонько спустились в бухту, сопровождаемые Тиоти, Пахо и двумя вьючными лошадьми. Несколько собак лениво потявкали, но из домов никто не вышел.

Провожатый — молодой паренек, лицо которого нам было знакомо, — ждал нас в условленном месте.

Нам не пришлось полюбоваться восходом, но облака из черных постепенно стали серыми, и видимость была вполне приличной. Серпантин вел по уже изведанным нами склонам и урочищам, но когда мы поднялись наверх, наш проводник взял руководство на себя. Поразмыслив, он свернул с главной тропы на боковую, которая шла прямо на восток, к самым высоким вершинам. Местами почва была сильно заболочена, в горном лесу пришлось преодолевать бурелом, а во второй половине дня продвижение затормозила бамбуковая роща, и мы шаг за шагом прорубали себе дорогу мачете. Толстые и тонкие, желтые и зеленые стволы плотно переплелись между собой и целились в нас острыми, как штык, срезами.

Тиоти не повезло: срубленный им толстый ствол бамбука в падении воткнулся ему же в кисть. Перевязывая кровоточащую рану листьями и лубом, Лив обратила внимание на правую лодыжку Тиоти и глазами подала мне знак, чтобы я тоже посмотрел. Да-а, грустная картина... Тиоти шел в длинных брюках, и правая брючина была разрезана внизу, чтобы вздувшаяся нога могла пролезть в нее. Веселый пономарь был поражен слоновой болезнью и старался это скрыть. С болью в душе продолжали мы путь на восток. Лишний раз нам стало очевидно, как важно уйти подальше от полчищ крылатых переносчиков заразы.

Там, где гора круто обрывалась в преисподнюю Уиа, в лицо нам со всей силы ударил восточный ветер. Дальше кони не могли пройти, и мы привязали их к деревьям, а сами

продолжали движение. Наши спутники срезали себе по коромыслу и понесли багаж на голых плечах. Началось скалолазанье. По совершенно отвесной стенке влево уходил вырубленный человеческими руками карниз. Во многих местах тропка осыпалась, но наш проводник предусмотрительно захватил толстую жердь, из которой мы делали мостик.

Нам с Лив было страшно, и мы этого не скрывали. Но у нас не было выбора. Шхуна ушла сразу, как только высадила нас. В горах нельзя прокормиться, а наше жилье в долине Омоа заняли комары и мураши. Надо спуститься. И мы спустились.

На дне стиснутого кручами глубокого мрачного ущелья мы пробирались сквозь заросли кривого гибискуса вдоль бурной речушки. Пробирались по камням, не видя и намека на тропу. На полпути речушка вдруг ушла под землю. Вся до последней капли ушла. Потянулась сплошная каменная осыпь. А в устье долины вновь из-под камней выбился бурный поток и устремился между пальмовыми стволами к морю.

Пахо убежал вперед, оттуда донесся лай, и мы поняли, что мальчуган уже достиг хижины старика. Значит, немного осталось идти.

С каждым шагом долина раздавалась вширь и светлела. Кустарники сменились чудесной пальмовой рощей, за которой поблескивало море. Неожиданно выглянуло солнце. Мы ощутили свежее дыхание открытого океана. И среди высоких пальм увидели горстку озаренных солнцем низеньких хижин, построенных на полинезийский лад из бревен, с лиственной кровлей. Навстречу нам спешил обнаженный человек.

Старик Теи Тетуа бегал не хуже горного козла. Загорелый, обветренный, голый — только пах прикрыт каким-то мешочком на лубяной веревочке. Мускулистый и подвижный не по возрасту. В широкой улыбке сверкали зубы, такие же отменные, как на черепах, которые лежали у нас под нарами. С приветственным «каоха» я протянул ему руку; он схватил ее и смущенно рассмеялся, словно застенчивый мальчонка. Его буквально распирала сдерживаемая энергия, но после многих лет одиночества он не находил слов, чтобы выразить свои чувства.

— Есть свинью! — воскликнул он наконец. — После свиньи есть курицу. После курицы опять есть свинью!

С этими словами Теи Тетуа совсем по-юношески помчался вприпрыжку к постройкам и начал кликать своих полудиких, черных, косматых свиней. С помощью Пахо поймал одну из них лубяным арканом и заковылял к нам, неся на руках тяжеленного зверя, который громко визжал и яростно отбивался.

— Есть свинью, — весело повторил Теи Тетуа. Было очевидно, что для него это высшее проявление дружбы.

До поздней ночи сидели мы под кухонным навесом, уписывая зажаренную в земляной печи сочную свинину. Сидели на корточках вокруг трескучего костра и брали руками большие горячие куски мяса. Рядом со стариком примостилась его приемная дочурка ТахиаМома. Совсем еще юная, а уже красавица с длинными черными волосами. Сверкая большими глазищами, она жадно прислушивалась к беседе взрослых. Да и сам Теи Тетуа излучал молодой задор, радуясь, что в его уединенной долине появились люди.

— Оставайтесь, — уговаривал он нас. — В Уиа много плодов. Много свиньи. Будем каждый день есть свинью. В Уиа хороший ветер.

Мы с Лив обещали остаться в его долине. Старик Тетуа и Тахиа засмеялись от радости и принялись составлять увлекательную программу на ближайшие дни. Однако наши друзья из Омоа покачали головой.

— В Уиа совсем не так уж хорошо, — сказал пономарь. — Много плодов, много свиней, много ветра. Но в Уиа нет копры, нет денег. В Омоа — хорошо. Много домов, много людей. Много копры, много денег.

— Тиоти, — вмешался я, — а на что деньги, когда еды и без того хватает?

Пономарь широко улыбнулся.

— Так уж повелось. — Он пожал плечами. — Раньше обходились без денег. Теперь нельзя. Мы уже не дикари.

Старик затушил костер и засыпал угли золой. Меня и Лив проводили в хижину с земляным полом, и хозяин уступил нам свою циновку. Сам он с нашими спутниками намеревался спать в соседней хижине. Мы так и не узнали, для чего ему понадобились две хижины, но судя по цвету и твердости жердей, из которых были набраны стены, не исключено, что обе постройки стояли еще с той поры, когда у Теи Тетуа была более многочисленная семья.

Мы завернулись в пледы. Какое блаженство спать, не думая о комарах! Прибой шумел где-то совсем близко от щелеватых стен. В Омоа только в тихие ночи до нас над пологом леса доносилось далекое ровное дыхание моря. Здесь галечный пляж рокотал и и всхрапывал в том же ритме, но в этих звуках была такая мощь, словно мы лежали на одной подушке с океаном. Лесным жителям нужно было время, чтобы свыкнуться с гулом Нептунова царства.

Островитяне не торопились ложиться. Окружив тлеющие головешки, они вполголоса, чтобы не мешать нам, о чем-то оживленно переговаривались. Тиоти несколько раз произнес наши имена: видно, про нас говорил. Потом надолго взял слово старик Теи, он явно рассказывал что-то очень увлекательное. Может быть, наши спутники уговорили его поделиться воспоминаниями о поре каннибализма. Нам-то спешить было некуда, еще наслушаемся, а наши друзья собирались рано утром выходить в обратный путь.

Еще по дороге в Уиа все трое оживленно обсуждали тему каннибализма — каикаи эната. Особенно занимал этот вопрос Тиоти и Пахо. От миссионеров они слышали, что людоедство — едва ли не самый страшный грех, в котором были повинны их предки до введения христианства на острове. Каннибализм был для дедов религиозным ритуалом, они верили, что им передается сила жертвы. Однако у наших друзей, судя по всему, было довольно странное представление о том, чем плох каннибализм. Послушать их, так грех заключался в том, чтобы есть нечестивых, а язычники, которых ели их предки, как раз и были нечестивыми. Дальше начинались разногласия: наш провожатый, католик, и протестант Тиоти никак не могли прийти к согласию — причащаются ли в церкви действительно телу безгрешного Христа или это делается понарошку. Всю дорогу до Уиа продолжался этот спор.

Каикаи эната. Я ловил эти слова в паузах между рокотом прибоя, и, наверно, мне чудилось, что они повторяются чаще, чем это было на самом деле. Разговор за стеной доходил до меня обрывками, а воображение, дополняя его, разыгрывалось вовсю. Видно, нечто в этом роде творилось в душе Лив, потому что она тоже никак не могла заснуть. Невольно мне вспомнился мой тесть, который, получив от дочери письмо о наших планах, отыскал на своих полках книгу, где Маркизы описывались как край каннибалов. Что бы он сказал, узнай сейчас, что мы лежим на циновке бывшего каннибала, а ее хозяин сидит на корточках у костра за стеной? Если хижине столько же лет, сколько тестю, вполне вероятно, что в ней когда-то ели человечину. Может быть, именно здесь Теи Тетуа занимался людоедством. А между тем во внешности старика не было ничего жестокого. Надень на него белый халат и поставь его к микроскопу — вполне сойдет за университетского преподавателя. Лицом Теи Тетуа сильно смахивал на моего любимого профессора зоологии, доктора Ялмара Броха. Если он и впрямь ел мясо побежденного врага, то скорее всего из почтения к отцу или к своим повелителям, которые руководствовались религиозными убеждениями.

Ведь сидят же рядом с ним под кухонным навесом современные мирные полинезийцы, способные причащаться телу Христа. В глазах маркизцев прошлого такой поступок был бы верхом варварства. Съесть врага — можно, но своего священного Тики — немыслимо.

Пономарь не спешил ложиться спать, и всякий раз, когда он ворошил угли, оживляя костер, в нашей хижине, где число кривых жердей равнялось числу щелей, весело плясали тени. Мы рассмотрели подвешенные на деревянных крюках сосуды из коричневых бутылочных тыкв и несколько черных от масла мисок из скорлупы кокосового ореха, украшенной геометрическими и символическими резными узорами. В углу висела связка высушенных табачных листьев. Рядом с нами на земляном полу валялись старые каменные

топоры, железный топор, кремневое огниво. Под толстыми потолочными балками висел причудливый длинный сундук. Гроб Теи Тетуа.

— Как заболею, — объяснил он нам, — заберусь в гроб и закроюсь. А то ведь, если останусь на полу лежать, собаки до меня доберутся.

Старик и могилу вырыл заранее возле своей хижины. Накрыл ее двускатной крышей с крестом и частенько спускался в яму, чтобы очистить от земли и куриного помета.

Еще один новый для нас мир... Сюда не заходили шхуны. Наконец-то мы ушли предельно далеко от железной хватки цивилизации.

Потухли последние угли. Мы уснули под ритмичный гул прибоя. Наши друзья, очевидно, тоже легли спать. Наутро они встали вместе с солнцем, если не раньше, чтобы отправиться в долгий обратный путь на западный берег.

Когда мы проснулись, их уже не было. Остались только Теи Тетуа и Тахиа-Момо. Такие же веселые, как вчера. Солнце сияло, птицы пели, кругом простиралась приветливая долина. Край нашей мечты. Нам бы сразу сюда попасть...

Теи Тетуа был единоличным владельцем долины Уиа; во всяком случае никто не оспаривал его прав, и мы могли выбирать для своего жилья любое место, не думая о плате. Мы были гостями в его королевстве; все, что принадлежало Теи Тетуа, принадлежало и нам. Старику было чуждо понятие личного имущества.

Постройки Теи расположились в пальмовой роще на южном берегу залива. Некогда для защиты от паводка здесь соорудили террасу; к тому же дома были обнесены прочной каменной стеной, чтобы на участок не заходили дикие и полудикие свиньи, которых в безлюдной долине развелось огромное множество. Сразу за стеной протекала быстрая мелкая речушка, вливаясь в море через широкий просвет в булыжной баррикаде, воздвигнутой вдоль пляжа мощным прибоем. Высокая подковообразная барригада косо спадала в бушующие пенистые волны, которые неистово таранили ее, не позволяя ни купаться, ни спускать на воду лодку.

За речушкой, рукой подать от хижин Теи Тетуа, на самом берегу раскинулась зеленая поляна, любимое пастбище диких свиней и коз. Между кокосовыми пальмами было вдоволь места, и мы решили тут обосноваться. С моря всегда дул ветер; кругом чисто, хорошо, можно не опасаться микробов и насекомых. На своем пути от Южной Америки вечный пассат без отдыха пролетал семь-восемь тысяч километров до того, как обрушиться на каменный барьер и на высокие пальмы, которые качались над нашей головой, словно тростинки. Привезенных белым человеком окаянных комаров уносило далеко в заросли. До чего отрадно было увидеть Полинезию такой, какой она была до появления комаров, этих маленьких кровопийц, сделавших жизнь в Омоа невыносимой для нас.

Старик предпочел бы, чтобы мы поселились в его доме, но, поскольку мы выбрали место по соседству, он уступил, только взялся проследить за тем, чтобы на этот раз мы построили хижину, которая не рассыплется через несколько месяцев. Он возмутился, когда Тиоти рассказал ему про нашу зеленую бамбуковую хижину в Омоа, и негодуя поджимал губы при мысли о своих нынешних соплеменниках. Они нисколько не дорожат опытом и знаниями стариков. Сидят сложа руки, время убивают в ожидании, когда созреют кокосовые орехи и шхуна придет за копррой.

Теи Тетуа почти не соприкасался с современным миром. Только дважды ходил он через горы в Омоа; последний раз — чтобы привести Тахиа-Момо, а то уж больно тоскливо стало одному. Давным-давно добрался до Уиа один миссионер, чтобы крестить Теи Тетуа и одарить его бронзовым крестом для будущей могилы. Люди пробовали высадиться на берег за кокосовыми орехами — не одним же свиньям ими пользоваться. Но прибой немилостиво обошелся с лодкой, и Уиа, как и весь восточный берег, оставили в покое. Не было тут никакой прибыли для современных людей.

Памятью о неудачной затее служил сооруженный на берегу сарай для сушки копры да старая, разошедшаяся долбленка. При нас ее ни разу не спускали на воду, но мы с восхищением думали об отваге и искусстве людей, некогда выходивших в море на таких

скорлупках.

Теи Тетуа с восторгом и гордостью рассказывал о людях и событиях минувших дней. Не то, что наш добрый друг пономарь. Вообще Теи был одним из немногих встреченных нами островитян, кто душой и телом оставался истинным полинезийцем. Как Териероо на Таити и Тераи на Хива-Оа. Человеку, видевшему одни лишь заманчивые второстепенные стороны нашей цивилизации, требовалась немалая мудрость и проницательность, чтобы уразуметь: только там стоит стремиться к прогрессу, где он приносит явную пользу. Терзаемые болезнями, зависимые от заходов шхуны, островитяне на западном берегу Фату-Хивы не знали и половины радости и благополучия, согревавших душу старика Теи, который ни в чем не испытывал недостатка, особенно теперь, когда у него появилось общество.

На другой день Теи Тетуа повел меня через береговые скалы за северный мыс, в долинку Ханатива. своего рода отросток Уиа. Здесь среди зарослей борао и мио я увидел старые обросшие стены, могилы, несколько большеглазых идолов. Старик объяснил, что столбы из мио лучше всего годятся для строительства.

Меня поразило, как легко передвигался этот человек, который вполне годился мне в деды, как прытко скользил он среди частокола стволов и ветвей. Сам я намного уступал ему в ловкости. Заготовив достаточное количество столбов и жердей, мы ударами камней окорили их, потом связали по нескольку штук. Я основательно натер плечо и побил ноги на острой лаве, стараясь не отставать от бегущего впереди старца. А он играючи трусил по скалам и не скрывал своего веселья, когда особенно буйная волна обдала меня с ног до головы и заставила припасть к камню.

На мысу мы сбросили ношу в море и пошли обратно за следующей партией. Течение и прибой сами доставили наш строительный материал в бухту и выбросили на берег у облюбованной нами площадки.

Наш второй дом по замыслу должен был стать еще меньше первого. Да какой там дом: конурка с крышей из пальмовых листьев, открытая с одной стороны и поднятая над землей, чтобы предотвратить визиты полудиких свиней. Высота трех стен, набранных из жердей мио, позволяла удобно сидеть внутри, но встать в рост мы могли только под коньком крыши. Вся конструкция крепилась прочным лубом. Из местного гибискуса получались отличные веревки. От земли к входу поднималась лестница; ширина помещения позволяла лежать поперек на куче пальмовых листьев у задней стены. Крыша — плотная, водонепроницаемая; зато между тонкими жердями стен луна и солнце заглядывали к нам в дом. И мелкие вещи постоянно проваливались в щели в полу, пока мы не накрыли его свежей панданусовой циновкой.

В первую ночь в новом гнездышке наш сон нарушила хрюкающая свинья, которая так истово чесалась об один из столбов, что неустойчивая' постройка закачалась, грозя опрокинуться. Утром мы укрепили легкий каркас штакетником; он соединял столбы и не позволял свиньям забраться под хижину.

Мы еще намеревались сложить каменную печь под навесом, как в Омоа. Однако Теи Тетуа решительно воспротивился. Мы его гости и должны столоваться у него. Он забрал наш единственный закопченный котелок и унес к себе.

Так началась наша счастливейшая пора на Маркизских островах.

Тахиа-Момо, которую старик называл просто Момо — Малышка, сразу подружилась с Лив. С появлением в долине второй женщины Тахиясловно обрела мать — мать или подругу, с которой можно было делиться тем, что нисколько не занимало старого отшельника. По местным — меркам Момо считалась чуть ли не взрослой женщиной, и старшая подруга была для нее ценной наставницей, но и сама она не оставалась в долгу. Мы с Теи часто заставляли их сидящими вместе на траве у речушки. Выступая в роли учительницы, Момо показывала Лив то, что раньше на Маркизах умела каждая вахина: как делать белую волокнистую материю тапа, вымачивая и отбивая полосы луба хлебного дерева; как плести красивые корзины из лиан и пальмовых листьев; как вить и сплести бечевки, веревки и канаты из кокосового волокна; как плести циновки из тонких полосок листьев пандануса; как

вычищать и сушить на огне бутылочные тыквы, превращая их в прочные сосуды; как из смолы делать клей и замазку, а из земли, золы и растительного сырья — красители; как добывать благовония из растений; как связывать гирлянды из цветов и ожерелья из орехов и раковин.

Лив никогда не носила побрякушек, но юная полинезийка непременно хотела ее принарядить. За материалом не надо было ходить далеко. На лесной опушке Момо собирала яркие семена, орехи и плоды, чтобы нанизать их на бечевку. Особенно нравились ей словно созданные для украшений блестящие, красные, твердые бобы. Две юные вахины вернулись из леса, щеголяя ярко-красными ожерельями и браслетами, и старик Теи Тетуа, широко улыбаясь, выразительно посмотрел на меня: дескать, женщины — во всем мире женщины.

На следующий день Момо увела Лив в другую сторону. Мода изменилась. Лавовый пляж под скалами в обоих концах залива был для Момо подлинным торговым центром с богатым выбором раковин всевозможных форм и цветов. Наполнив зеленые сумки морскими драгоценностями, две искусницы возвратились на мягкую траву, чтобы прокалывать костяными иглами дыры в раковинах и нанизывать их на бечевку.

В торговом центре Момо все витрины радовали глаз великолепием. И не надо платить. Не надо заготавливать пахучую копру для меновой торговли. Улыбчивая девочка и без того располагала целым состоянием. Момо всегда точно знала, чего хочет, она обладала безупречным вкусом и никогда не жалела о том, что ей было недоступно. Вкус и гармония были ей даны от природы; вряд ли эти качества привил ей старик. Юная островитянка не мучилась никакими проблемами. Смеясь, она поднималась по лестнице, чтобы приветствовать нас; смеясь, спускалась на землю. Все казалось ей привлекательным, даже серые мокрицы под камнями.

Тонны копры для шхуны на западном берегу Фату-Хивы не сделали бы женщин Омоа и Ханававе такими, счастливыми, какой была маленькая Момо, хотя бы они получили от купца весь запас стеклянных и металлических побрякушек в судовой лавке.

Не всегда эксперименты модницы Момо встречали одобрение более консервативной Лив. Так, однажды Тахиа явилась в нашу хижину, выкрашенная с ног до головы в желто-зеленый цвет, только зубы остались белыми. Держа в руке миску с кашцей из толченого в кокосовом масле ореха, она хотела и свою подругу вымазать настоящей маркизской косметикой. Вот так выдумщица! С цветами в волосах желто-зеленая девчурка напоминала выпорхнувшего из капустного кочана очаровательного эльфа. Совсем недурно, и в какой-нибудь архисовременной компании успех ей был бы обеспечен. Однако Лив предпочитала не столь экстравагантные косметические средства, например чистое кокосовое масло, к которому, по совету той же Момо, был добавлен душистый сок маленьких белых цветков.

Сам я почти все время проводил в обществе Теи Тетуа, в лесу или возле хижин. Отправься старина Теи со мной в Европу, я научил бы его многому, что облегчило бы ему существование в моем краю. Но здесь не мне было его учить. В его родной обстановке я учился у него. Я знал латинские наименования некоторых моллюсков на берегу, знал, как классифицируют растения по числу тычинок, но куда важнее было узнать, какие моллюски съедобны, на что годятся растения.

Возможно, в глубине души мы с Лив были несколько удивлены тем, что неграмотные Теи и Момо не больше нашего похожи на обезьяночеловека. У себя на родине мы привыкли к тому, что неграмотность простительна малому ребенку с его неразвитым мозгом. Если взрослый не умеет читать и писать, значит, у него чердак не в порядке. Вот уж чего нельзя было сказать о наших друзьях в долине Уиа! Скорее уж мы чувствовали себя неполноценными, когда они с одного взгляда находили остроумное решение практической задачи, которая ставила нас в тупик. Пребывание в обществе этих людей было для нас радостью.

Постепенно мы уразумели, что одному человеку не под силу все познать в этом удивительном мире, а потому каждый должен постараться сделать наиболее разумный и полезный выбор: что необходимо знать и чем можно пренебречь. Астроном — специалист,

знающий расстояние до звезд; ботанику известно, сколько у цветка тычинок. Однако они не считают друг друга невеждами только потому, что познания каждого ограничены его предметом.

И мы стали смотреть на наших соседей как на специалистов. Специалистов по выживанию и наилучшему приспособлению к среде долины Уиа. Они не знали размеров молекул или звезд, не знали, сколько километров до луны. Зато отлично разбирались в размерах птичьих яиц и спелых плодов перувианской вишни; знали, сколько идти до ближайшего места, где растёт горный ананас. Со стыдом мы признавались себе, что при всей нашей грамотности и образованности, при свойственном белому человеку убеждении, будто он рожден преобразовывать мир, — при всем этом нам следует соблюдать осмотрительность, выходя за пределы тесного круга привычных представлений. Далеко не все, заслуживающее изучения, выражается в цифрах и буквах. И откуда нам знать, что мы не уьем неведомое, не успев даже открыть его?

У Теи Тетуа не было обуви. Не было даже пары тапочек, чтобы надеть, когда он решит, что настало время забираться в гроб. Единственной его одеждой была узенькая набедренная повязка, но он был чисто плотен и держался так, словно весь мир принадлежал ему. Древний философ Диоген, тщетно искавший с фонарем человека в толкучке на греческой площади, нашел бы искомое в лице Теи Тетуа. Диоген уделил бы ему место под солнцем рядом с собой в своей бочке. И ни один король, ни один купец, ни один мудрец из другой страны не смог бы научить Теи, как лучше жить.

Старик учтиво принял в дар привезенные мной консервы, но я не видел, чтобы он открыл хоть одну банку. Его больше радовала возможность подарить что-то нам. Иногда он курил свои самодельные сигары, и из наших подарков только трубка пригодилась ему. От табака мистера Боба он отказался — рядом с хижинкой рос дикий табак.

Мертвый каменный мир Мотане был далеко-далеко. И так же далеко была злосчастная деревня Омоа.

Впрочем, не настолько далеко, чтобы мы не сознавали, как нам повезло, что мы оказались в мире Теи Тетуа. Возможно, мы не оценили бы всех его преимуществ, если бы сразу высадились в Уиа. Здесь мы увидели ту Полинезию, которая жила в наших представлениях. Уиа — целевший клочок того мира, о котором мы, белые, так любим мечтать. И который непременно стремимся улучшить.

Начав ходить вместе с Теи по лесу в поисках хлеба насущного, я быстро убедился, что здесь нет присущего Омоа тропического изобилия. Больше солнца, меньше дождя. Тем не менее флора представляла собой удачное сочетание густого леса и заброшенных садов в обрамлении крутых горных склонов. В долине был большой выбор плодов, не хватало только феи. Хлебные плоды и бананы, манго, папайя, гуаява, перувианская вишня, горный ананас. Таро, лимонные рощи, большие апельсиновые деревья, увешанные сочными золотистыми плодами, которые нам никогда не приедались. Кроме того, Теи показал мне множество съедобных листьев, дикий лук, вкусные корни и клубни. В двух шагах от дома можно было наловить в реке раков, собрать на скалах яйца морских птиц, поймать здорового кабана.

И можно ловить рыбу, сидя на камнях; однако старик Теи был равнодушен к этому занятию. Как это повелось в Полинезии, он предоставлял женщинам добывать дары моря. Когда океан вел себя относительно смирно, Момо и Лив отваживались забираться на мыс в южной части залива. Темная лава, остывшая, создала здесь причудливые формации, гроты, туннели, выступы, расщелины. В прилив беспокойные волны наполняли все ямы и промоины чистой, свежей соленой водой. Со временем тут обосновалось множество организмов. Каждая заводь представляла собой естественный аквариум, не менее, красочный, чем приливная зона рифа Тахаоа, только фон другой: не белые кораллы, а черная и ржаво-красная лава. Момо отлично разбиралась в полчищах рыбешек, спрутов, моллюсков и ракообразных, знала, кто ядовит, а за кем стоит поохотиться.

К нашему удивлению, Момо не занималась стряпней. Обязанности повара исполнял

сам Теи Тетуа. Правда, они по очереди носили нам еду, поскольку мы ели у себя. Теи и Момо ели на кухне, и мы по запаху определяли, когда Теи доставал из ямы кислое черное пои-пои. Теи ел пои-пои со всеми блюдами. Как и многие другие островитяне, он уверял, что желудок ничего не варит без этого забродившего пюре.

Лив не видела оснований критиковать манеры Теи Тетуа, ведь он мыл руки перед едой, и мы сами тоже ели руками. Но ее смущало, что он, как ей казалось, сидя на корточках и наклонив голову набок, грыз сахарный тростник или обгладывал свиную косточку с таким видом, словно это была человеческая кость. Несправедливое и обидное сравнение, но все же после ее слов и я уже не мог отделаться от нелепой ассоциации.

Теи был не только радушный хозяин, но и великолепный повар, гурман и славный едок. Если в долине Омоа у нас с едой бывало туговато, то здесь все обстояло наоборот. Три раза в день — утром, в обед и в ужин — старик или Момо поднимались к нам по лестнице, неся лакомые блюда. Мы даже полюбили поипои с добавкой свежих хлебных плодов и воды. Фирменными блюдами местной кухни были запеченная в банановых листьях свинина, вареные в кокосовом соусе мелкие крабы и сырая рыба а ля Теи Тетуа. Он тщательно отбирал подходящую рыбу, нарезал ее ломтиками, выдерживал ночь в крепком лаймовом соке и приправлял соусом из морской воды и кокосового молока. Получался подлинный деликатес без малейшего привкуса сырой рыбы.

Но что бы ни изобретал Теи, неизменным блюдом была свинина. Три раза в день. Горячая сочная свинина, запеченная в больших листьях на раскаленных камнях. Нас буквально закармливали, мы с трудом одолевали половину предлагаемого, но возвращать остатки не полагалось. Теи говорил, чтобы мы приберегли их до следующей трапезы. А к следующей трапезе он приносил жареную курицу с таро и хлебными плодами. И еще свинины.

— Старик нарочно откармливает нас, — заявила Лив как-то утром, когда ее пареу долго не хотел сходиться на поясе.

И пошла к воде посмотреть на свое отражение. Похоже было, что она сказала это всерьез, ибо с того самого дня Лив перешла на диету. Две недели ела только апельсины и ананасы в большом количестве да иногда позволяла себе взять банан из грозди, висевшей под потолком.

Когда над Уиа спускалась ночь, мы выбрасывали еду на землю. Все равно Теи ее не брал. Каждый вечер хижину окружали косматые лесные свиньи; они хрюкали, чавкали и визжали так, что мы боялись, как бы не разбудили старика за рекой. И если какой-нибудь особенно тучный ночной гость скребся об угол нашей хижины, она качалась, словно «воронье гнездо» на корабле.

Однако каркас был достаточно прочным. Даже когда штормовые порывы ерошили лесной полог и сгибали в дугу самые высокие пальмы, мы лежали надежно, как в колыбельке. Только в тех случаях, когда шторм обдавал хижину каскадами морской и дождевой воды, приходилось вставать и вешать панданусовую циновку на стену, обращенную к морю. Вход мы сделали с подветренной стороны, оттуда дождь к нам не залетал. Но луне ничто не мешало посылать к нам солнечные зайчики, когда она повисала в небе над черными силуэтами пальм. Какой бы полной ни была луна, она проходила в дверь, а комары ни разу не появлялись.

Не раз ночное светило озаряло пустую хижину, меж тем как четыре обитателя долины Уиа сидели у трескучего костра на берегу, словно в партере перед огромной сценой. Такой огромной, что люди в Сахаре, Гренландии, Бразилии и на Фату-Хиве смотрели один и тот же спектакль. Наверно, это единственный спектакль, который с древнейших времен связывает воедино народы всего мира. Арабы и эскимосы, индейцы и полинезийцы смотрели его сообща, летя во вселенной на одном ковче-самолете. Не удивительно, что луна для многих была богиней любви и всеобщей матерью-утешительницей, а солнце — внимательным, хлопотливым отцом. Только современный человек похерил сокровища ночного неба, ратуя за непрерывный день. В комнатах мы одним движением пальца превращаем ночь в день; мы

зажигаем миллионы фонарей на улицах, чтобы видеть только свой собственный мир, все свести к его ограниченным масштабам.

Теи всегда разводил небольшой костер, словно не желал затмевать им лунный и звездный свет. Его костер был рассчитан на то, чтобы мы могли сидеть вплотную у огня, наслаждаясь умеренным количеством света и тепла.

Ничто не шло в сравнение с ночами, когда полная луна, повиснув в небе, рассыпала перед нами золото и серебро на поверхности Тихого океана, а за спиной у нас играла бликами на листовенных крышах хижин и на медленно тянущихся к звездам, блестящих пальмовых кронах. Мощный лунный прожектор озарял весь лес. Широкие банановые листья и причудливые деревья напоминали крылатых драконов и косматых троллей, которые сгрудились, шушукаясь, вплоть до черного зубчатого контура отрезавшей нас от остального мира горной стены. Кроме ветра, прибоя и наших собственных голосов мы слышали только журчание реки да изредка бляние диких коз на склонах или хрюканье свиней на опушке.

Скудное имущество Теи Тетуа включало одно чужеземное изобретение-огниво, подаренное одному из его предков каким-то европейским путешественником. Если старик добывал огонь трением, то лишь затем, чтобы показать нам, что в совершенстве владеет этим древним полинезийским искусством. Но конечно, куда проще и легче было высечь кремнем и сталью искру на трут.

В один из вечеров Теи Тетуа долго сидел и глядел на угли костра, потом начал медленно покачиваться и хриплым стариковским голосом затянул песню, от которой у нас мурашки побежали по телу. Казалось, песня эта родилась в ином мире. Она была довольно монотонной и напоминала литургическую декламацию, однако мы слушали как замороженные. Теи пел о сотворении мира.

«Тики, бог человека, живущий на небесах, создал землю. Потом он создал воды. Потом он создал рыб. Потом он создал птиц. Потом он создал плоды. Потом он создал пауа (свинью). Когда все это было сделано, он создал людей. Мужчину по имени Атеа. И женщину по имени Атанао».

Дальше они уже сами потрудились, добавил от себя Теи. И продолжал декламацию. Долго-долго перечислял он генеалогии королей и королев, начиная от Атеа и Атанао и кончая поколением Туа, отца Теи.

— Теи, — спросил я, — ты веришь в Тики?

— Э, — ответил Теи. — Да. Я католик, как и все теперь, но верю в Тики.

Старик взял камень и показал мне.

— Как ты его называешь?

— Стейн, — сказал я по-норвежски.

— Мы называем его каха. А это? — Он показал на костер.

— Бол, — ответил я.

— А мы — ахи, — сказал старик.

Потом он спросил, как зовут бога, сотворившего людей.

— Егова, — ответил я.

— Мы называем его Тики, — подхватил Теи и добавил: — Мой народ сразу, понял, что миссионеры подразумевали Тики, когда прибыли на острова и начали рассказывать про своего бога.

— Но у вашего народа был не один бог, вы еще верили в Тане, — осторожно заметил я.

И получил интересное разъяснение. Выдающиеся короли после смерти возводились в ранг божества, но только Тики был Творцом. Тане — вроде Атеа, божественный прародитель, которого создал Тики. Вначале на здешних островах жили два рода людей. У каждого из них был свой прародитель. Атеа — смуглый, черноволосый, от него происходят эната, известные нам островитяне. Тане был белый, светловолосый, от него произошли хао'э, белые вроде нас ¹².

¹² Такую же версию записал этнолог Э. Хэнди, который в 1920-1921 годах собирал маркизские предания на

Теи верил в одного бога; остальные легендарные герои древности были великими людьми.

— Но, Теи, — сказал я, — в дебрях мне часто встречался Тики — он сделан из камня. Вытесан из камня жрецами.

— Тики не был сделан из камня, — спокойно возразил Теи. — Никто не видел Тики. Жрецы изготовляли изображения Тики для народа. Я был в церкви Омоа. Ваши жрецы тоже делают священные изображения.

Старик взял свою бамбуковую флейту, поднес ее к ноздре и стал носом исполнять своеобразную мелодию. Он не хотел больше обсуждать религиозные вопросы. Он стал католиком, но сохранил старую веру. Для него Тики был то же, что Егова.

В толковании Теи получалось, что некоторые древние короли выступали в роли вечного Тики. Возможно, они считались его наместниками или земным воплощением, как это было со священными правителями в Египте, Мексике, Перу. Подобно им, обожествленные правители на Маркизских островах женились всегда на своих сестрах.

Именно Тики, живой и реальный Тики, привел предков Теи Тетуа через океан на эти острова.

— Откуда? — спросил я, с нетерпением ожидая, что ответит старик.

— Из Те-Фити, с востока, — ответил он и кивнул в ту сторону, где восходило солнце.

Ближайшей сушей в той стороне была Южная Америка.

Вот так штука. Все исследователи считали установленным, что эти люди пришли с противоположной стороны. Из Азии. Но сами островитяне всегда называли свою родину Те-Фити, в буквальном переводе — «восток». А для того, кто находится посреди Тихого океана, «восток» — это Америка, а не Азия.

Такую же легенду слышал Генри Ли в долине Пуамау. И когда американский этнолог Э. Хэнди собирал для своей книги народные предания Маркизов, ему довелось услышать весьма реалистический рассказ о будто бы имевшем место на самом деле обратном плавании в Те-Фити. В заливе Атуана группа мужчин, женщин и детей погрузилась однажды на необычайно большое судно, названное «Каахуа». Они взяли курс на восток и в конце концов дошли до страны предков

— Те-Фити. Часть осталась там, другим удалось возвратиться на Маркизские острова.

Необычное сообщение настолько поразило Хэнди, что он переспросил рассказчика. И записал: «Рассказчик настаивал на том, что страна находилась там, откуда восходит солнце (и те тихена умати)»¹³.

Задолго до Хэнди немецкий этнолог фон ден Штейнен тоже с удивлением услышал рассказ о легендарной родине Фити-Нуи — «Большой Восток». Будто бы эта страна находилась «по ту сторону восточного мыса Мата-Фенуа». Мата-Фенуа

— название длинного узкого мыса, образующего восточную оконечность Хива-Оа и указывающего прямо на Южную Америку.

Я посмотрел на озаренный лунным светом океан. Конечно, до Америки далеко. Но расстояние до Азии вдвое больше, а ветер и течение неизменно идут сюда со стороны Южной Америки. Меня вдруг осенило, что ведь мы сидим на том самом из тысячи островов и атоллов Полинезии, который был первым обнаружен европейцами. Именно Фату-Хива оказался для европейцев воротами в Полинезию. Причем они шли сюда как раз из Южной Америки. И горы Тауаоуохо за нашей спиной, очевидно, были первой полинезийской землей, представшей европейскому глазу.

Испанская экспедиция Менданы, открывшая Полинезию в 1595 году, шла с востока, из Перу напрямик до Фату-Хивы. Перуанские инки рассказали испанцам про обитаемые острова далеко в океане. К тому времени европейцы почти триста лет знали восточные

других островах архипелага (E. S. C. Handy. *Polynesian Religion*. Bishop Museum Bull. 34, Honolulu, 1927, p. 105).

¹³ E. S. C. Handy. *Marquesan Legends*. B. P. Bishop Museum Bull 69. Honolulu, 1931, p. 131.

берега Азии, но ничего не слышали про обитаемые острова в Тихом океане. А когда они прибыли в Перу, инкские моряки и историки снабдили их точными указаниями, как дойти до островов с темнокожими людьми, о которых европейцы и не подозревали. За полвека до того Магеллан пересек Тихий океан и почти до самых Филиппин не встретил суши. Между тем в океане были острова; по инкским преданиям, именно туда направился, покинув Америку, белый культурный герой из Тиауанако. После того и сами инки выходили в океан. Последнее крупное плавание на острова, упоминаемые в инкских источниках, было совершено Инкой Тупаком Юпанки, дедом того Инки, которого застали испанцы. Наслышавшись от своих купцов про острова, населенные черными людьми, он снарядил целую флотилию бальсовых плотов у побережья Эквадора, в том самом месте, откуда некогда отчалил его легендарный предшественник. Но в отличие от культурного героя из Тиауанако Инка Тупак Юпанки отсутствовал только год и вернулся со своей флотилией в Перу, привезя чернокожих пленников в подтверждение того, что достиг цели. Престарелый хранитель сувениров этой экспедиции еще был жив, когда испанцы пришли в Перу ¹⁴.

Мы знали, что испанцы приплыли в Полинезию из Перу, знали, что перуанские инки сообщили им сведения о маршруте; так, может быть, Теи Тетуа и другие островитяне верно помнят, что их предки пришли с востока?

Недаром исследователи, занимавшиеся физическим типом полинезийца, подчеркивали, что он разительно отличается от малайского и индонезийского: форма головы и носа, цвет и строение волос, рост, цвет кожи, волосистой покров на лице и теле — все у них другое. Известный американский антрополог Л. Салливен, специально изучавший соматологию маркизцев, указал, что физически эти островитяне ближе к некоторым коренным жителям Америки, чем к монголоидам, и ничто не подтверждает версию об индонезийском происхождении полинезийцев ¹⁵.

Вот когда в мою душу закралась мысль о том, что первыми на эти острова, быть может, прибыли представители одной из многочисленных культур, сменявших друг друга до воцарения инков в древнем Перу. В доинкском искусстве реалистично отображены всевозможные физические типы, притом многие совсем отличны от нынешних индейцев — длинные бороды, почти европейские черты лица. На Перуанском побережье найдены мумии людей, которые ростом намного превосходили инков, и черепа у них длинные, какие известны по Полинезии. К тому же у некоторых мумий волнистые рыжие волосы, а это как будто подтверждает инкские предания о том, что задолго до прихода испанцев среди индейцев кечуа и аймара в Перу жили русоволосые и светлокожие бородатые люди. Когда Франсиско Писарро открыл и завоевал Перу, его двоюродный брат Педро Писарро записал, что испанцам встречались люди с белой кожей и светлыми волосами, как у европейцев, и инки называли этих людей потомками своих богов ¹⁶.

Во всех инкских преданиях подчеркивалось, что верховный бог Виракоча и люди, которые вместе с ним ушли через Тихий океан, были белые и бородатые, как испанцы.

Когда старик Теи Тетуа рассказывал мне про Тики, который привел его народ на острова из большой страны на востоке, я еще не изучал основательно перуанскую мифологию и не знал, что полное имя исчезнувшего бога инков — Кон-Тики-Виракоча, а в Тиауанако он был известен как Тикки или Тики. Знай я об этом, когда сидел на берегу в

¹⁴ Подробнее об инкских преданиях и маршрутах в Полинезию см.: Т. Хейердал. Приключения одной теории. Л., 1969, стр. 61-75; Heyerdahl. American Indians in the Pacific. London, 1952, P. 556-569.

¹⁵ L. R. Sullivan. Marquesan Somatology with comparative s on Samoa and Tonga. B. P. Bishop Museum Memoirs, vol. 9, N 2 Honolulu, 1923, p. 7-299.

¹⁶ Pedro Pizarro. Relation of the Discovery and Conquest of the Kingdom of Peru. Рукопись 1571 года в переводе P. A. Means. New York, 1921, p 380.

обществе старого полинезийца и слушал гул волн, пришедших от самой Южной Америки, я, наверно, поподробнее расспросил бы о богемореплователе Тики, который привез с востока предков Теи Тетуа.

Как бы то ни было, испанцы нашли чернокожих людей, описанных им инками. С первой попытки в 1568 году они дошли из Перу до Меланезии. Раздоры на корабле вынудили их отклониться от пути, который, по словам инкских историков, вел к ближайшему обитаемому острову (позднее выяснилось, что путь этот ведет к острову Пасхи). Изменив курс, испанцы прошли южнее Маркизов и не встретили суши до самых Соломоновых островов; здесь они первыми из европейцев увидели чернокожих меланезийцев. С великим трудом удалось им возвратиться в Южную Америку, и в 1595 году они снова отплыли из Перу. Идя на этот раз прямо на запад, мореплователи увидели горы Фату-Хивы. Обогнули остров, остановились с подветренной стороны, и состоялась первая встреча европейцев с полинезийцами. Хотя на берегу острова стояли люди, испанцы приписали себе честь его открытия.

Из записей штурмана Педро Фернандеса де Кироса следует, что четыре каравеллы испанцев бросили якорь в заливе Омоа¹⁷. Обнаруженный ими остров был «густо населен». Четыре сотни островитян на лодках и вплавь добрались до кораблей, чтобы приветствовать гостей, и толпы людей сгрудились на пляже и скалах. Сорок человек поднялись на борт, «и испанцы казались малорослыми рядом с ними». Один островитянин на голову возвышался над всеми остальными. Несколько человек отличались светлой кожей и «рыжеватыми волосами». О других сказано, что они были «не просто светлокожие, а белые». Один старый вождь с зонтом из пальмовых листьев щеголял холеной бородой, на которую свисали такие длинные усы, что он раздвигал их двумя руками, когда выкрикивал распоряжения. На другой день адмирал Менданья самолично сошел на берег вместе с супругой, чтобы присутствовать при первом католическом богослужении в Полинезии. Штурман отмечает: «Рядом с доньей Исабелой сидела чрезвычайно красивая туземка с такими рыжими волосами, что донья Исабела захотела отрезать несколько прядей, однако видя, что туземка против, воздержалась, чтобы не сердить ее».

В то время как супруга адмирала любезно воздержалась от покушения на рыжие волосы, солдаты адмирала забавы ради навели свои аркебузы на старого бородача с зонтом и убили его, а заодно еще семь-восемь островитян.

Совершив таким образом открытие Фату-Хивы, который они назвали Магдаленой, испанцы пошли на север и увидели Мотане, в то время «остров прекрасного вида с густыми лесами и тучными нивами». Однако они проследовали мимо, привлеченные контурами более крупных Тахуаты и Хива-Оа, и объявили все четыре острова владениями Его Величества Короля. Научили одного туземца говорить «Иисус Мария» и осенять себя крестным знаменем, после чего застрелили две сотни других туземцев. Одного испанского солдата спросили, почему он, сидя в гостях в туземной хижине, стреляет по проходящим мимо островитянам; он ответил, что ему нравится убивать. Штурман рассказывает, что другой солдат иначе оправдал свой поступок, когда убил туземца, который, пытаясь спасти свою жизнь, прыгнул в море с ребенком на руках. Туземцу, говорил этот солдат, все равно место в аду, а слава меткого стрелка не позволяет ему промахиваться.»

Адмирал повелел корабельному священнику и его викарию петь «Те Деум лаудамус» перед коленопреклоненными туземцами; были установлены три креста; острова получили благословение и христианские наименования. После чего испанцы подняли якоря и продолжили путь на запад, поскольку на Маркизах не нашлось золота.

До отплытия испанцы переспали с местными женщинами и в знак благодарности посеяли кукурузу в присутствии туземцев. Однако условия для венерических болезней явно

¹⁷ Pedro Fernandez de Quiros. Narrative of the Second Voyage of the Adelantado Alvaro de Mendana. The Hakluyt Society, Second Series, N 14. Nendeln-Lichtenstein, 1967, p. 15-29, 150.

оказались более благоприятными, чем для кукурузы: сифилис распространился со скоростью степного пожара, а кукуруза так и не проросла. Маркизские острова были оставлены в покое со своими новыми болезнями на 179 лет, вплоть до 1774 года, когда их повторно открыл капитан Кук.

Старик Теи Тетуа ничего не слышал про адмирала Менданью и капитана Кука. Он считал первооткрывателем Тики, который прибыл сюда с темнокожими детьми Атеа и светлокочими детьми Тане, чьих потомков испанцы застали на островах. Он не соглашался с нами, что Маркизские острова были открыты европейцами. Тики первым привел сюда предков Теи Тетуа.

Я начал смотреть на вещи глазами Теи. Разумеется, Менданья и Кук были всего-навсего гостями. Но что означает для нас, европейцев, слово «Тики»?

Сидя на берегу в обществе старого отшельника и его приемной дочери, глядя на озаренную луной безлюдную долину, я спрашивал себя, как вообще этот народ может переносить нас, белых...

— Теи, — сказал я, — куда делось все твое племя?

— Болезни двойных людей, — ответил Теи. Двойные люди. Двойные люди... Новое и весьма меткое название для нас, европейцев. Сначала мы являемся к островитянам со священниками и учим не убивать. Потом возвращаемся с офицерами и показываем, как надо убивать. Приходим с Библией и учим не думать о завтрашнем дне. И тут же суем им в руки копилку. Дескать, разве можно не думать о завтрашнем дне, копите деньги. Бог сотворил человека голым, мы учим островитян одеваться. Вооружаемся во имя мира, лжем во имя правды. Конечно, мы двойные люди. Пристыженный, я спросил Теи, как он додумался до этого определения.

Ответ был не совсем таким, какого я ожидал. Предки Теи называли первых увиденных ими европейцев двойными людьми потому, что у них были две головы, два тела, четыре руки и четыре ноги. До появления этих иноземцев островитяне не видели людей в облагающих тело одеждах. Снимет такой человек шляпу или шлем, а под ними вторая голова; расстегнет камзол или сбросит доспехи — видно второе тело; снимет сапоги — появляется вторая пара ног. Островитяне были этим немало озадачены.

Но двойные люди привезли с собой кашель, горячку, резь в желудке, и начался мор. До тех пор, утверждал Теи Тетуа, никто не умирал от болезней. Люди доживали до такой старости, что становились похожи на высушенные тыквы, сидели на одном месте, и приходилось их кормить. Молодые умирали, если срывались с пальмы, или попадали в пасть акуле, или их убивали в бою и съедали враги.

— Съедали? — Лив с ужасом покачала головой.

— А что, у вас разве не воюют? — спросил Теи не без вызова: дескать, ну-ка, отвечайте начистоту.

Пришлось признаться, что в Испании шла ожесточенная гражданская война, когда мы уезжали из Европы.

— Ну и что вы делаете с убитыми? — допытывался Теи.

— Закапываем в землю.

— Закапываете в землю! — Теи явно был потрясен и возмущен таким варварским расточительством.

Это же надо, убивать людей только затем, чтобы закапывать их в землю! И никто их не выкапывает потом, когда «дойдут»?

Что он — смеется над нами или в самом деле недоумевает? Лицо вполне серьезное. Может быть, смотрит на нас, как мы смотрим на индусов, которые не едят священных коров, оставляя их падальникам.

Теи рассказал про своего отца Уту, самого знаменитого и свирепого воина в долине Уиа. Он почти ничего не ел, кроме человеческого мяса. Но в отличие от своих друзей предпочитал выждать, когда оно «дойдет», и тогда уже шел с миской к погребальной платформе. Вместе с пой-пой получалось отменное блюдо. Как-то вдова одного умершего

соплеменника Уты привела ему свинью: хотела отвлечь его внимание от покойника. Но Ута сперва съел свинью, потом покойника. Мать Теи рассердилась на Уту, потребовала, чтобы он ел рыбу и другую приличную пищу, без такого отвратительного запаха. Ута послушался, говорил Теи. Долго не ел тухлого мяса. И до того отощал, что пришлось вернуться к прежней пище.

Лив ужасалась; Момо слушала с открытым ртом, вытаращив большие карие глаза на смиренного старого человека, который говорил о людоедстве как о самом обычном обеде. Теи признался, что сам один раз участвовал в каннибальском ритуале. Здесь, в Уиа, он тогда был еще совсем молодой. Человеческое мясо сладкое, как кумаа — батат. Обычно жертву жарили, вернее, пекли на горячих камнях в земляной печи, завернув в банановые листья, как он нам свинину готовит. Некоторые ели человеческое мясо от голода, потому что тогда на острове было много народу и не всем хватало пищи. Но обычно потребление человеческого мяса носило характер религиозного ритуала и своего рода мести.

Вкуснее всего женское предплечье, объяснял Теи. «От белой женщины», — добавил он и поглядел на Лив с хитрой улыбкой. Пошутил, конечно, но я сомневаюсь, чтобы присутствующим дамам понравилась эта шутка.

Я подбросил полешко в костер, чтобы разогнать темноту. На всем острове не было человека добрее Теи, но все же я чувствовал себя как-то странно, сидя под звездами и слушая рассказ очевидца о людоедстве.

Человек вообще представляет собой странную смесь ангела и дьявола, будь он испанец, полинезиец или викинг. Сейчас благочестие не позволяет нам отрезать рыжий локон с головы ближнего, а в следующую минуту мы отрубаем голову целиком, закапываем друг друга в землю или жарим, как свиней. Прикажи какой-нибудь вождь, наверно, Теи Тетуа и сейчас схватил бы палицу и отправился убивать. Да и я, если призовет отечество, вскину на плечо винтовку. О прогрессе на поле боя можно сказать очень просто: мы считаем достойным вонзать штык в живого человека, а втыкать вилку в мертвого — варварство.

Теи Тетуа рассказал, что тогда, как и теперь, с поля боя домой приходили раненые воины. Правда, раньше старались не тело врага повредить, а разбить ему палицей голову. Самым распространенным оружием была длинная палица, украшенная красивой резьбой. У враждующих сторон были одинаковые палицы *та же форма*, та же длина. Отличалась только резьба, но обязательным элементом орнамента было изображение общего бога Тики. Маркизские воины считали ниже своего достоинства пользоваться кинжалом, саблей, копьем, луком и стрелами. Правда, у них были маленькие луки, но лишь для игры и охоты на местную съедобную крысу. Маркизские острова никогда не знали гонки вооружений. Подобно большинству полинезийцев, местные воины оставались верны оружию, которое привезли с собой предки, — палице и праще. В этом они разительно отличались от индонезийцев и племен Восточной Азии, предпочитавших всевозможное колющее и режущее оружие и совсем не знавших пращи. Примечательно, что у полинезийцев мы видим единственные виды оружия, повсеместно распространенные в древнем Перу, — палицу и пращу. Причем маркизская праща во всем подобна древнеперуанской: австрийский этнолог Д. Вюльфель видел в этом верный признак связей между культурами обеих областей¹⁸.

Мне подумалось, что испанцы, когда они пришли в Перу, а затем и в Полинезию, выступили в роли авангарда нашей цивилизации. Для начала убивали туземцев, которые принимали нас с почетом и радушием. Затем именем Иисуса внушили им, чтобы они отложили в сторону свои варварские палицы и пращи. Потом заменили их устарелое оружие дальнобойными винтовками и воинской повинностью. Вождь Териероо с гордостью показывал мне орден Почетного легиона — награду от французов за участие в войне против немцев. Полинезийцев возили на войну в Европу.

¹⁸ D. J. Wolfel. Die Trepanation. Studien über Ursprung, Zusammenhänge und kulturelle Zugehörigkeit der Trepanation. Anthropos, vol. 20. Wien, 1925, S. 42.

У Теи Тетуа была глубокая круглая вмятина во лбу.

— Что, палицей попало? — спросил я.

Нет, в детстве ему угодил в голову упавший сверху камень. Мальчика вылечил таоа. Даже тяжелораненых воинов нередко мог исцелить таоа.

Мы привыкли считать, что таоа — шаман или знахарь. На самом деле он представлял собой нечто более значительное. Таоа был неплохим психологом и искусным хирургом. Он умел завоевать доверие непосвященных непонятными речами и ритуальными фокусами, но доверие это было вполне заслуженно, ведь таоа производил операции, не все из которых были иод силу современным ему европейским лекарям. Он умел, не внося инфекцию, резать, сращивать, даже производить трепанацию черепа. Теперь другое дело, говорил Теи. Теперь даже самая маленькая царапина грозит воспалением.

Мы сами убедились, что на острове появилось множество источников инфекции, особенно на западном берегу, где устья рек Омоа и Ханававе были настолько загрязнены, что нам приходилось ступать по гальке с величайшей осторожностью, чтобы не поцарапать ноги. В Уиа пока все обстояло благополучно.

Мы видели кое-какие инструменты таоа, сделанные из кости, зубов, камня и дерева. И хотя других материалов в распоряжении маркизских хирургов не было, они ухитрились изготавливать ножи, шилья, сверла и даже пилы.

Живи таоа в Европе в ту пору, когда эти острова были «открыты» нами, он не уступил бы любому врачу и вполне мог бы называться доктором. Таоа Теке — доктор Теке — жил уже во времена самого Теи Тетуа. Одна каменная статуя на северо-восточном побережье вблизи Ханахепу носила его имя; по словам Вео и Теи Тетуа, в статуе обитала и душа таоа.

На глазах у Теи доктор Теке разрезал ногу островитянина, который сломал берцовую кость, вправил перелом, зашил рану и наложил шину из твердой древесины. Рана зажила, и островитянин ходил как ни в чем не бывало.

Еще более примечательно искусство, с каким доктор Теке производил трепанацию черепа — операцию, которой наши врачи по-настоящему овладели всего лет сто назад. В Уиа Теи видел, как к таоа Теке доставили островитянина, упавшего с пальмы и проломившего себе голову. После соответствующего песнопения и плясок хирург приступил к делу. Сперва промыл рану кипяченой водой и сбрил волосы с поврежденной части головы. Затем сделал крестовидный надрез на коже и обнажил кость. Удалил осколки и отшлифовал края до полной гладкости. Закрыв отверстие точно вымеренным куском тонкой, гладкой кокосовой скорлупы и опустил на место отогнутые лоскуты кожи. Рана заросла, и только крестовидный шрам напоминал об операции. Пациент прожил еще много лет. Правда, в его поведении появились кое-какие странности. Если бы таоа обнаружил, что мозг под костью поврежден, он не стал бы делать операцию.

Рассказ Теи произвел на меня сильное впечатление. Я знал, что за сто лет до этого побывавший на Маркизах К. Стюарт записал, что маркизские жрецы производили трепанацию при помощи акульего зуба. А доктор Ральф Линтон видел и сфотографировал старый череп со следами трепанации на Хива-Оа. Его друг и коллега Э. Хэнди встретился на том же острове с внуком знаменитого полинезийского хирурга, и тот рассказал, что его дед накладывал на поврежденные черепа заплаты из скорлупы кокосового ореха с перфорированными краями¹⁹. Нам тоже рассказывали в долине Омоа, что заплаты пришивали к черепам тонкой ниткой из кокосового волокна. Мы не верили своим ушам, но Вео однажды принес кусок трепанированного черепа, причем по краям травмированного участка образовалась костная мозоль: значит, пациент выжил. Больше того, вдоль тех же краев были просверлены крохотные отверстия, но Вео повредил их. По его словам, он

¹⁹ C. S. Stewart. A Visit to the South Seas in the U. S. Ship «Vincennes» during the years 1829 and 1830. Ed. by VV. Ellis. London, 1832; E. S. C. Handy. The Native Culture in the Marquesas. B. P. Bishop Museum Bull. 9. Honolulu, 1923, p. 269. Подробности о трепанациях в Полинезии см. также: T. Heyerdahl. American Indians in the Pacific. London, 1952, p. 655-665.

очистил отверстия от грязи, потому что череп был наполовину засыпан землей в пещере. Теперь уже не установишь, шла ли речь о подлинной перфорации или Вео сам просверлил отверстия, зная, что так делали в старину.

Поразительно, что трепанация практиковалась на далеко отстоящих друг от друга островах Полинезии и Меланезии, причем таких островов известно много; похоже, это редкое и сложное искусство распространилось в Тихом океане из какого-то одного крайнего центра. Помимо Маркизов особенно надежно документированные данные собраны на островах Общества. Так, на Таити в прошлом травмы черепа заделывали скорлупой незрелых кокосовых орехов, совсем как на Маркизовских островах. В Полинезии такие операции носили как будто чисто хирургический характер. В Меланезии трепанацию, судя по всему, предпринимали с магико-терапевтической целью — чтобы излечить от головной боли или выпустить злого духа. Так, на острове Увеа почти все мужчины подвергались трепанации.

В Индонезии и Восточной Азии случаи трепанации черепа неизвестны. Зато она практиковалась у некоторых древних цивилизаций Внутреннего Средиземноморья, у берберов Марокко, у гуанчей Канарских островов, в Мексике доколумбовой поры и особенно в доинкском Перу, где найдено наибольшее количество трепанированных черепов. Образцы, обнаруженные в древних захоронениях на засушливом Тихоокеанском побережье Перу, показывают, что операция и здесь носила как хирургический, так и магико-терапевтический характер и выполнялась в точности, как на островах. Иногда в Перу для заплат применяли тонкие золотые пластины, иногда точно вымеренные куски от корки бутылочной тыквы.

Сидя на рокочущем галечном пляже лицом к горизонту, за которым далеко-далеко находилось Перу, и слушая рассказ Теи Тетуа о том, как таоа Теке латал дырки в черепе живых пациентов, я невольно представлял себе сотни перуанских лекарей, которые сидели, положив на колени окровавленную человеческую голову, и производили ту же сложную операцию. И возможно, что их пациенты тоже пострадали от палицы или от камня, пущенного пращой.

Мозг усиленно работал, когда я лег спать, и мне нескоро удалось уснуть под ритмичную барабанную дробь идущих с востока волн.

Сквозь дремоту я представлял себе Фату-Хиву лежащим посреди широкой реки. Ветер и волны, как всегда, упорно катили в нашу сторону. У Перу две реки, развивал я свою мысль: Амазонка, стекающая на восток через зеленые дебри Бразилии, и течение Гумбольдта, устремленное на запад через Тихий океан.

Кажется, я начинаю уподобляться полинезийцам... Для них восток всегда был «вверху», запад — «внизу». Ботаники установили, что большая часть флоры этих островов доставлена самой природой «вниз» из Южной Америки. Не только трава павахина, на которой я лежал, но и большинство диких растений Фату-Хивы оказались американскими видами, попавшими сюда задолго до людей. Даже сочный ананас в моей руке — сугубо южноамериканский вид, хотя ни ветер, ни птицы не могли его перенести.

Ананас!

Я сел рывком, словно очнулся от сна. Ананас! В отупевшей от зноя голове кусочки мозаики складывались в определенную картину. С золотистого плода я перевел взгляд на продуваемый ветром синий океан. Большой Восток. Родина Тики. Облака. Ананас. Праща. Трепанация. Огромные каменные статуи южноамериканского типа.

— Теи, — сказал я, — кто посадил здесь этот плод — двойные люди?

Теи посмотрел на меня, словно учитель, которому задали глупейший вопрос.

— Аоэ, — ответил он. — Нет. Двойные люди никогда сюда не забирались, чтобы посадить что-нибудь.

Нет, тут растет фаа-хока, древний плод, посаженный далекими предками Теи. Фаа-хока появился задолго до того, как первые чужеземцы посетили Фату-Хиву. Около деревни Омоа разводят другой ананас, много крупнее. Его привезли миссионеры, это всем известно. А этот

сюда доставил Тики.

Сидя на каменистом откосе и глядя на маленький дикий ананас в моей руке, я громко рассмеялся: я ведь читал про этого плутишку. И он показался мне ароматнее прежнего... Вспомнилось, как профессора в университете поручили мне перед отъездом сделать на факультете доклад о Маркизах. Я проштудировал, в частности, три тома, в которых Ф. Браун описывал маркизскую флору. Ананас — сугубо американское растение, неспособное преодолеть океан без помощи человека. Но уже Браун знал, что вид *Ananas sativus* разводили на здешних островах задолго до прихода европейцев. Он записал шесть разных названий культивируемых вариаций; все они составляли элемент древней маркизской культуры и развились на островах из южноамериканского вида. По чисто ботаническим соображениям Браун заключил: перед нами свидетельство того, что полинезийцы получили исходный материал при прямом контакте с Америкой до того, как европейцы обнаружили Маркизы²⁰.

К такому же заключению пришел он и относительно папайи. Папайя — еще одно сугубо американское растение доколумбовой поры; тем не менее на Маркизских островах выращивали два варианта. Более крупный и вкусный сорт островитяне называли «ви Оаху»; по их словам, он был привезен одним миссионером с острова Оаху на Гавайском архипелаге. Второй, менее крупный сорт назывался «ви ината»; его островитяне относили к своим собственным культурам, привезенным первоначальными поселенцами. Папайя тоже не могла попасть из Южной Америки на Маркизы без помощи человека, и Браун полагал, что перед нами еще одно свидетельство интродукции аборигенами²¹.

...Кругом американская трава, которой сама природа выстлала открытый ветру склон, в руке у меня древнее американское продовольственное растение. Почему эти интереснейшие ботанические факты не подстегнули раньше мое серое вещество? И почему с ними не считаются антропологи? А впрочем, кто из антропологов стал бы вообще читать три тома о маркизской флоре. Возможно, коллеги Брауна познакомились с его данными. Доктор Салливен, видный специалист по физическим типам маркизцев, самостоятельно пришел к мысли, что полинезийцы антропологически стояли ближе к древним жителям Америки, чем к азиатам и индонезийцам. Но вряд ли он знал, что то же относится к маркизским растениям. Он ведь измерял черепа, ему не приходилось считать тычинки. И вряд ли кто-нибудь рассказывал ему, что некий ботаник по фамилии Браун установил, что большинство растений Маркизов происходит из Америки, а не из Австралии или Индонезии. В свою очередь Браун как ботаник не осмелился подвергнуть сомнению слабо обоснованные, но широко известные антропологические гипотезы, будто люди пришли на Маркизские острова с запада, из какой-то области в Азии. И он скромно заключил: «Хотя получается, что главный поток полинезийской иммиграции направлялся с запада, а не с востока, как исконная флора, несомненно существовала какая-то связь между туземцами Американского континента и Маркизов».

У меня родилось сомнение, чтобы такая сложная проблема, как происхождение полинезийцев, могла быть решена узким специалистом. Тут требовался широкий подход на базе основательной научной подготовки. Это задача для детектива от науки, способного восстановить целостную картину из различных открытий, сделанных специалистами. Специалист может зарыться глубоко в свою нору и выдать на-гора тот или иной результат, но это еще не означает, что он решил весь ребус. Нужен исследователь, располагающий данными всех специалистов и обобщающий их. Для меня это было совершенно очевидно. Ботаник может подсказать ценные мысли антропологу, который пытается реконструировать древние морские пути. Человек способен дважды изобрести одно и то же каменное орудие, но ананас он должен привезти с собой.

²⁰ F. S. J. Brown *Flora of Southeastern Polynesia*, vol. I, B. P. Bishop Museum Bull 84. Honolulu, 1931, p. 49, 137.

²¹ Там же, vol. III, B. P. Bishop, Bull. 130. Honolulu, 1935, p. 190.

Мы с Теи бежали бок о бок вниз по крутому склону. Жесткая трава обдираала мне ноги, солнце обжигало плечи. Добежав до места, где росли перувианские вишни, я сбросил на землю свою ношу. Лив обожала эти плоды. Величиной с черешню, а по виду и запаху — крохотный помидор. Карликовый помидор *Physalis peruviana* — еще одно несомненно американское растение, которое европейцы находили по всей Восточной Полинезии — от острова Пасхи до Гавайи, а ведь эта культура разводилась древними жителями Америки от Мексики До Перу. Я набрал несколько горстей и присовокупил их к ананасам. За это время Теи успел уйти далеко, и пришлось основательно потрудиться, чтобы догнать его. Вместе мы вошли в пальмовую рощу. Кокосовые орехи... Еще один указатель.

Лив и Момо встретили нас восторженными криками, но я был до того поглощен своими мыслями, что забрался в хижину и лег — лег головой в сторону качающихся пальм. Кокосовые орехи тоже...

Больше ста лет ботаники обсуждали вопрос о происхождении кокосовой пальмы. Ведь все родственные виды, общим числом около трехсот, были американскими. Большинство исследователей полагало, что течение доставило плоды из тропической Америки в Полинезию, а оттуда в Юго-Восточную Азию. Но кое-кто сомневался, чтобы ядро ореха с его гигроскопической кожурой и тремя мягкими глазками оставалось неповрежденным после многомесячного воздействия морской воды и различных организмов. Уже потом, после экспериментов, проведенных ботаниками в цистернах на берегу и командой «Кон-Тики» в океане, было установлено, что кокосовые орехи не могли сохранить всхожесть, плывя с морским течением из Южной Америки в Полинезию. Живя на Маркизах, я сам убедился, что ни один из выброшенных на берег намокших, гниющих орехов не давал жизнеспособных всходов. И ведь если ананас и папайя были доставлены человеком, то и кокосовые орехи могли попасть на острова таким же способом.

Кокосовый орех, содержащий пищу и свежий напиток, лучше всех своих многочисленных диких родичей среди южноамериканских плодов годился как провиант в дальних плаваниях. Капитан Портер больше ста лет назад услышал от маркизцев, что их предки доставили кокосовый орех из далекой страны на востоке. В прошлом веке один миссионер записал примечательную деталь, будто кокосовый орех был привезен на Маркизы «на каменном судне». У слова «паэпаэ» два значения; миссионер привык, что им обозначаются каменные платформы — фундаменты местных хижин, но в других частях Полинезии этим словом называют также плоты.

А не найдутся ли еще какие-нибудь ботанические указания на древнюю Южную Америку?.. Пожалуйста: вот эти бутылочные тыквы, подвешенные к потолочным балкам нашей хижины. Как и во всяком полинезийском хозяйстве, у нас были высушенные на костре калebasы с веревочной ручкой, в которых мы держали воду. Тыкву *Lagenaria* знаменитый шведский этнолог Эрланд Нурденшельд считал «важнейшим доказательством доколумбовых связей между Океанией и Америкой»²². В самом деле, в могилах на Тихоокеанском побережье Перу были найдены высушенные на костре бутылочные тыквы, которые, как и на полинезийских островах, употребляли в качестве сосудов и поплавков. Их находили в погребениях рядом с мумиями доинкской поры. В древнейших перуанских могилах в Паракасе, а также в Арике — на взморье ниже Тиуанако — калebasы лежали вместе с гуарами, веслами и моделями плотов, принадлежавшими местным купцам и рыбакам.

Люди доинкской поры клали в миски из бутылочной тыквы сушеный батат, снабжая провизией покойников для их странствий в загробном мире. Я знал, что ботаники и антропологи особенно горячо спорили по поводу того факта, что батат *Ipomoea batatas* возделывался во всей Полинезии, когда туда пришли европейцы, хотя речь шла о типично

²² E. Nordenskiöld Origin of the Indian Civilization in South America. Comparative Ethnographic Studies, vol. 29. Goteborg, 1931, P. 269.

американском растении, которое нуждалось в тщательном присмотре, чтобы клубни сохраняли всхожесть при перевозке через океанские просторы. Никакое другое растение не озадачивало и не раздражало антропологов так, как батат. Все полинезийские племена знали его под названием кумара, и так же назывался он у кечуа в древнем Перу и Эквадоре. Люди с наиболее богатым воображением намекали, что какой-нибудь клубень мог застрять в корнях дерева, которое упало в воду и было доставлено течением в Полинезию. А название тоже доставлено течением? Другие говорили, что растение могло быть привезено экспедицией Менданди из Перу в Полинезию. Но штурман экспедиции сообщает о попытках посадить кукурузу, ни словом не упоминая батат. К тому же европейцы смогли убедиться, что кумара — важнейшая полинезийская пищевая культура, которая испокон веков возделывалась во всей области — от уединенного острова Пасхи на востоке до Гавайи на севере и Новой Зеландии на юге. За несколько лет до моего отъезда в Полинезию известный американский этнолог Р. Диксон еще раз обратился к этой проблеме и заключил: «Приходится считаться с возможностью доколумбовых контактов между Южной Америкой и Полинезией; выходит, своим присутствием в Океании батат обязан либо полинезийским мореплавателям, которые достигли берегов Америки и привезли растение оттуда к себе на родину, либо перуанским (или другим американским) индейцам, которые выходили на запад в океан и доставили батат за тысячи километров в Полинезию»²³.

Однако я знал, что доктор Диксон вскоре уточнил свой вывод, поскольку в том же году, когда была напечатана цитированная статья, специалисты официально объявили южноамериканский бальсовый плот непригодным к мореплаванию. Видный американский археолог и знаток древних южноамериканских судов доктор С. Лотроп заявил, что на бальсовом плоту можно «было ходить только вдоль берегов, ибо гигроскопичность древесины не позволяла ему держаться на воде больше двух недель. И так как древние жители Перу располагали только бальсовым плотом и хрупкой камышовой лодкой, которую вообще нечего брать в расчет, моряки древнего Перу никак не могли дойти до Полинезии. Еще до нашего отплытия на Маркизы Диксон вновь обратился к батату и написал: „Растение могло попасть из Америки в Полинезию лишь с помощью человека, и поскольку у нас нет доказательств того, что индейцы тихоокеанского побережья Южной Америки, где возделывался батат, обладали необходимыми судами и знаниями для дальних плаваний, приходится заключить, что растение было доставлено полинезийцами“²⁴.

Мы еще не вернулись с Фату-Хивы, когда известный ученый маориец Те Ранги Хироа (он же Питер Бак) издал свой бестселлер о Полинезии, в котором воспринял как аксиому непригодность бальсового плота к мореплаванию; книга заканчивалась словами: «Неизвестный полинезийский путешественник, который привез с собой из Южной Америки батат, внес величайший личный вклад в историю Полинезии. Он завершил серию плаваний через обширнейшую часть огромного Тихого океана между Азией и Южной Америкой. Как ни странно, предания умалчивают о нем. Мы не знаем ни его имени, ни названия его судна, хотя, неизвестный герой стоит в ряду виднейших полинезийских мореплавателей за свой великий подвиг»²⁵.

Позднее Те Ранги Хироа повторил это положение в пособии для изучающих полинезийскую антропологию. В итоге утверждение, будто бальсовый плот непригоден к

²³ R. B. Dixon. The Problem of the Sweet Potato in Polynesia. *American Anthropologist*, vol. 34. Menasha, Wis., 1932, p. 59.

²⁴ S. K. Lothrop. *Aboriginal Navigation of the West Coast of South America*. Royal Anthropological Institute, vol. 62. London, 1932, p. 238; R. B. Dixon. The long voyages of the Polynesians. *Proceedings American Philosophical Society*, vol. 74, N 3, 1934, p. 173.

²⁵ Те Ранги Хироа. *Мореплаватели солнечного восхода*. М., 1959, стр. 251; P. H. Buck *An Introduction to Polynesian Anthropology*. B. P. Bishop Museum Bull. Honolulu, 1945, p. 108-111.

мореплаванию, стало общепринятым, а отсюда следовало, что бутылочная тыква и батат были привезены из Южной Америки полинезийцами, совершившими плавание в оба конца. Никто не задумывался над тем примечательным фактом, что, по словам полинезийцев, бутылочная тыква и батат росли на родине предков и что предания называли их древнейшими пищевыми растениями Полинезии, которые были доставлены первыми обожествленными поселенцами, в отличие от хлебного дерева и некоторых других меланезийских культур, интродуцированных позднее ²⁶.

Я не был моряком. Мое знакомство с океаном ограничивалось плаванием в качестве пассажира из Европы, которое уже воспринималось мной как нечто весьма отдаленное, да кошмарными переживаниями во время вылазки на долбленке и перехода на открытой шлюпке. Но мой взгляд на Тихий океан и на так называемые примитивные народы стал меняться. Здешний океан не барьер, нет, он связующее звено, ведь Маркизские острова лежат среди самой могучей из рек Южной Америки. Люди в древности были ничем не хуже нас, пусть даже они не располагали пишущими машинками и пароходами. С чего бы великие цивилизации Перу веками, даже тысячелетиями пользовались бальсовым плотом и камышовой лодкой, если эти средства не годились для мореплавания? По всему побережью, превосходящему длиной приморье Европы от Нордкапа до Гибралтара, инки и их предшественники кормились преимущественно морем — морской торговлей и глубоководным ловом рыбы с бальсовых плотов и камышовых лодок. Раскопки приносят множество свидетельств этого. Своими изобретениями и достижениями эти люди во многом превосходили европейцев той поры. Может быть, они были довольны своими конструкциями, переходившими из поколения в поколение. Может быть, для этого были причины.

Вечером у костра я повел разговор о плотях. Верно ли, что в море плот менее надежен, чем долбленка? Лив соглашалась, что долбленка не боится сильного волнения, лишь бы размеры позволяли ей уместиться между волнами. Большие волны не опасны малым судам, если не давать им наполнить корпус водой и утопить его.

Теи Тетуа тоже не был моряком, но он знал, что в прошлом плоты считали надежнее лодок. Правда, лодки ходят быстрее, ими легче маневрировать. И Теи рассказал одну историю.

В одной из последних войн на Фату-Хиве племя мануоо потерпело поражение; полчища врагов свалились с гор в долину, грозя всех перебить и съесть. Спасаясь от них, мануоо — мужчины, женщины и дети — погрузились на большие плоты из связанного лубяными веревками толстого бамбука. На борт погрузили множество кокосовых орехов, пои-пои и другое продовольствие. Взяли также рыболовные снасти, запасли пресную воду в бамбуковых сосудах. Флотилия покинула Фату-Хиву и исчезла в океане. Много лет спустя один из беглецов появился на острове Уапу в Маркизском архипелаге. От него стало известно, что плоты благополучно пристали к коралловому атоллу в архипелаге Туамоту, где беженцев радушно встретили и предложили остаться жить на атолле.

Мне вспомнилось, что Хэнди записал предание о туземцах с Хива-Оа, посетивших Гавайи. Племя, населявшее долину Ханаупе, было разбито в бою. В поисках спасения они тоже вышли в море. Под руководством своего вождя Хепеа-Таипи связали плот, настелив толстый бамбук в пять рядов. На этом плоту ходили на Гавайи и обратно. Рассказавший предание островитянин утверждал, что именно благодаря этому плаванию жители Хива-Оа узнали про Гавайи ²⁷.

— А какие лодки были у Тики? — спросил я Теи Тетуа.

Старик не знал. Ему было известно только, что Тики «спустился» из Те-Фити.

²⁶ T. Heyerdahl. *American Indians in the Pacific*. London, 1952, p. 428-453.

²⁷ E. S. C. Handy. *Marquesan Legends*. B. P. Bishop Museum Bull., N 69. Honolulu, 1930, p. 137.

«Спустился» с востока.

Мы смотрели на летящие в небе облака, на озаренный луной, изрезанный волнами океан. Теи поворошил прутиком угли в костре. Потом взял свою бамбуковую флейту, поднес к ноздре и принялся играть. Возбужденные романтической атмосферой, мы жадно впитывали все впечатления. Наши ноздри обоняли запахи пышной растительности и соленый океанский ветер; уши ловили изысканные звуки из настоящего и прошлого Фату-Хивы: пение флейты, шуршание ветра в пальмовых кронах, все заглушающий гул, когда могучая волна разбивалась о галечный барьер, на котором мы сидели. Я напряженно думал об этих волнах, неустанно твердящих: «Мы идем с востока, с востока, с ВОСТОКА...»

Теи Тетуа кончил играть. Вместе с Момо он направился в свою хижину на другом берегу речушки. Мы улеглись на пальмовых листьях в своей собственной свайной постройке. Но рассказ Теи не давал мне покоя. Я думал о плотях, о трепанациях черепа. Об ананасах и бататах.

— Лив, — не удержался я, когда она уже засыпала, — помнишь, до чего похожи каменные статуи Тики на южноамериканские?

Лив только буркнула что-то. Но прибой пророкотал утвердительный ответ.

Мне не спалось. словно время перестало существовать, и Тики со своими мореплавателями на всех парусах входил в бухту. Рыжие и черноволосые мужчины и женщины высаживались на галечный барьер. Они выгружали корзины с фруктами и корнеплодами.

Я нащупал собранные мной ананасы. Вот они. Самые настоящие.

Я повернулся на бок и уснул.

Пещерные жители

На Фату-Хиве мы и впрямь вернулись к природе. Цивилизация находилась где-то невероятно далеко. Даже подумать о ней было иной раз страшновато. Когда мы рассказывали о нашем мире Теи и Момо, то и сами как будто не очень верили своим словам.

В один прекрасный день мы после купания в реке лежали на травке, любуясь черными фрегатами, которые стригли хвостами-ножницами воздух под синим небом и белыми облаками.

— Теи, — сказал я, — в моей стране люди умеют летать над деревьями, словно кукушка или фрегат.

Теи осклабился. Момо рассмеялась. Я усомнился в собственных словах. Может быть, мне это приснилось?..

— Нет, правда, Теи, — настаивал я. — Мы забираемся в этакий дом, похожий на птицу с расправленными крыльями. И вместе с нами эта штука поднимается в воздух. Один раз я летал со своей матерью. А всего нас было четверо. В хижине с двумя парами крыльев, и ее тянула вперед одна штуковина, которая все время вращалась.

Я оглянулся кругом — какой бы привести пример. Но на Фату-Хиве не было ничего вращающегося: ни ветряной мельницы, ни колеса.

Теи лукаво посмотрел на меня и повертел рукой в воздухе. Я понял, что он ничего не уразумел в моем описании и не поверил мне.

— Да, так вот, — нерешительно продолжал я. — Когда мы с матерью летели по воздуху, она спросила человека, который управлял этой вращающейся штукой, нельзя ли пролететь над нашим домом. В нашей деревне людей больше, чем на всех Маркизских островах вместе, и они смотрели, как мы кружили над крышами, и деревьями, и высоко над кораблями в море.

Я хотел еще рассказать про человека, который в одиночку пролетел через океан из Америки в Европу, но вспомнил, что географический кругозор Теи и Момо простирается немногим дальше гор Тауаоуохо.

Тогда я сбегал в нашу свайную хижину и отыскал листы из старого журнала, в которые

мистер Боб завернул банки с вареньем. Ни одного снимка с самолетом. Вот досада. Зато нашлась фотография Нью-Йорка: очертания города на фоне неба. Манхэттен. Эмпайр-Стейт-Билдинг. Я торжествующе развернул лист перед нашими друзьями.

Теи и Момо внимательно посмотрели на снимок, потом на меня. Никакого впечатления.

— Видите, какие большие дома, — сказал я, удивленный их безразличием.

Они еще раз посмотрели.

— Э. Да.

Теи взял наконец лист, повертел так-сяк, заглянул с другой стороны.

— Глядите! — вдруг воскликнул он.

Глядим. Двухэтажный загородный домик, в дверях стоят мужчина и женщина. Теи и Момо были поражены. Дом на доме! Неужели бывают на свете такие большие дома!

Небоскребы Манхэттена они не восприняли как дома. Люди на улицах были очень уж маленькими. В пятнышке меньше муравьиного яйца они не распознали человека. Зато беленым загородным домиком восхищались до самого вечера. Я еще раз посмотрел на фотографию Манхэттена. Да есть ли он на самом деле? Или

— страшная мысль — передо мной видение из будущего?

Иногда я бродил один по лесу. Скажем, когда Теи готовил пои-пои или какой-нибудь роскошный обед. Или охотился с собаками на кабана. С моей стороны было ханжеством устраняться от охоты, ведь я с удовольствием ел жареную свинину. Вот только не мог смотреть, когда резали свинью. Момо и Лив не уходили далеко от хижин и пляжа.

Устав от жаркого солнца и от ходьбы, я садился в тени на поваленном дереве или на мшистых камнях старого паэпаэ. И предавался размышлениям, отдыхая душой. Дашь нагрузку рукам и ногам, потом так хорошо думается на свежую голову.

Вот мы с Теи охотимся, ловим рыбу, собираем ягоды, бродим по лесу, лазаем по горам, плаваем, добывая хлеб насущный... Это наша работа, а другие назвали бы ее отпуском. На моей родине люди сидят за пишущей машинкой, стоят за прилавком или станком одиннадцать с половиной месяцев, чтобы полмесяца использовать с удовольствием. На эти полмесяца они сбегают из больших домов в маленькие хижины или палатки. Куда-нибудь на волю. Где можно охотиться, ловить рыбу, собирать ягоды, бродить по лесу, лазать по горам и плавать. Что для первобытного человека было работой, для современного человека стало отдыхом. Даже солнце и свежий воздух — роскошь для современного человека... Мы запираемся в комнатах с электрическими лампочками и пылесосами и трудимся, чтобы оплатить счет за электричество и за две недели, проведенные на воле.

Нет, об этом я не буду рассказывать Теи. Я попытался рассказать ему про самолет. Но я никогда не скажу ему, что большинство людей в моей стране работают, неподвижно сидя на одном месте, а для отдыха поднимают гантели, бегают по кругу или машут веслами на лодке без дна, которая не двигается с места. Он этого не поймет.

Издали донесся голос Теи. Собаки заливались лаем. Старику понадобилась моя помощь. Что было мочи я побежал через долину к склону, где не переставая лаяли псы. Теи приветственно помахал мне рукой; слава богу, цел и невредим. А собаки подпрыгивали на задних лапах, пытаясь взобраться на скальную полку. На полке стоял косматый козел, белоснежный красавец. Наклонив голову с роскошными рогами, он приготовился дать отпор. Дождавшись меня, Теи подкрался сзади и схватил козла за задние ноги, а я вцепился в рога. Поймали!

Мы основательно помаялись, пока, отгоняя собак, не доставили вырывающуюся добычу на берег. Здесь Лив и Момо помогли нам привязать красавца за колышек у нашей хижины.

— Теперь у нас будет молоко! — возликовала Лив.

Момо наклонилась и покачала головой. Какое там молоко от козла. Лив предложила ему банан. Съел. Набив живот листьями таро и плодами, дикарь совсем присмирел и перестал нас пугаться. Первый прирученный нами четвероногий обитатель острова. Мы

назвали его Маита — «белый».

Шли недели. Настолько насыщенные недели, что каждый месяц был равен целой жизни, счастливой жизни. Никаких часов, отмеряющих время. Никаких магазинов, ярмарок, торговцев, расходов. Поиски хлеба насущного требовали определенного труда, но одновременно мы пополняли свои зоологические и этнографические коллекции, да еще оставалось время для отдыха и развлечений. Наземные моллюски и насекомые во многом отличались от фауны по ту сторону гор, но орудия труда — те же самые. Каменные топоры и песты, грузила и точила, скребки из раковин. Я ломал голову над одной вещицей, которую раскопал Теи и подобные которой часто находили в долине Омоа и на Хива-Оа: круглый каменный диск величиной с бутылочное дно, с отверстием посередине, как у колеса. Сами островитяне не могли объяснить, что это за штука. Одни полагали, что диски, возможно, катили по земле и соревнующиеся в меткости воины старались попасть в отверстие копьем. По мнению других, диски надевали на деревянные сверла, чтобы лучше вращались.

Но уж очень похожи были эти изделия на некоторые типы южноамериканских пряслиц. Правда, полинезийцы не занимались прядением и ткачеством, когда на острова прибыли европейцы. Тем не менее здесь водился хлопчатник. На многих полинезийских островах, Особенно на Маркизах, Гавайских и Общества, рос в большом количестве дикий хлопчатник. В Австралии и прилегающих к ней островах его не было до прихода европейцев. На Таити миссионеры, обнаружив пригодный для пряжи хлопчатник, попытались убедить островитян, чтобы они собирали его хотя бы для экспорта. Тщетно. Островитяне довольствовались легкими набедренными повязками и накидками из тапы; делать тапу из луба бумажной шелковицы, гибискуса и хлебного дерева было проще, чем прядь и ткать.

Оставалось загадкой, как хлопчатник попал в Полинезию. Из Австрало-Меланезии его не могли доставить в отличие от хлебного дерева и сахарного тростника. Морские птицы не едят семян хлопчатника и не могли перенести его на эти далекие острова. Зато рыбы едят семена и не дали бы им доплыть до Полинезии с течением из Южной Америки, где дикий и культурный хлопчатник был чрезвычайно широко распространен в доевропейские времена.

Бродя по Фату-Хиве и представляя себе древних мореплавателей, которые, судя по всему, пришли сюда из Южной Америки на примитивных судах с грузом клубней кумары, бутылочных тыкв, ананасных саженцев, кокосовых орехов, семян папайи и перувианской вишни, я почему-то не подумал о том, что этот список можно пополнить хлопчатником. Лишь много лет спустя, в тот самый год, когда я прошел на бальсовом плоту из Перу в Полинезию, специалисты включили хлопчатник в число кусочков мозаики. Три американских исследователя тщательно изучили все известные в мире виды хлопчатника. Они установили, что у дикого хлопчатника тринадцать хромосом. У культурного — тоже, с одним-единственным исключением: представители древних цивилизаций Мексики и Перу сумели путем искусной гибридизации вывести длиноволокнистый хлопчатник с двадцатью шестью хромосомами. И сразу поиски родины полинезийского хлопчатника упростились, ведь у него тоже двадцать шесть хромосом. Иначе говоря, речь шла вовсе не о диком хлопчатнике, а о гибриде, выведенном на хлопковых полях Мексики и Перу, когда здесь достигли полного развития доколумбовы культуры²⁸.

Я не мог этого знать, но виденного мной было достаточно, чтобы убедить меня, что эти острова — во всяком случае отчасти — заселялись также из Южной Америки. В самом деле, ведь показал же Салливен, что островные племена, которые мы называем полинезийскими, возникли при скрещивании различных расовых типов и что у них нет прямых предков в Азии.

Я продолжал присматриваться к растениям Фату-Хивы — не обнаружатся ли еще свидетельства контактов с Америкой. И мне вспомнились жаркие научные споры по поводу

²⁸ J. B. Hutchinson, R. A. Silow and S. G. Stephens. The Evolution of *Gossypium* and the Differentiation of Cultivated Cottons. London, New York, Toronto, 1947.

столь важного в Полинезии гибискуса, который Браун назвал «одним из самых полезных деревьев, разводимых древними полинезийцами». Полезность гибискуса никто не отрицал. Молодые побеги шли в пищу; мы сами видели, как из цветков делали лекарство; луб шел на веревки; древесина годилась для добывания огня и изготовления тысячи бытовых предметов. Американские ботаники О. и Р. Кук уже за три десятилетия до этого показали, что гибискус использовался для одних и тех же целей в Полинезии и в древней Америке и даже назывался почти одинаково: в Америке-махо, на островах — мао и хау. Вообще-то гибискус широко распространен в тропическом поясе, но родиной его считалась Америка. И упомянутые ботаники заключили, что семена не боятся морской воды и могли быть принесены течениями до прихода человека, а вот название не могло приплыть само. Они рекомендовали антропологам учитывать, что налицо важное растение, мимо которого не следует проходить, когда изучаешь возможность доевропейских контактов между тропической Америкой и тихоокеанскими островами.

Не успели они изложить свой взгляд, как им решительно возразил другой ботаник — Э. Меррилл, страстный защитник догмы, по которой до европейцев ни— кто не отплывал из Америки и не приплывал в нее. По его мнению, полинезийский гибискус давным-давно мог попасть на острова с течениями. И лишь много лет спустя после моего пребывания на Фату-Хиве известный американский специалист по географии растений Дж. Картер, вернувшись к этой проблеме, заключил: «Трудно назвать более ясное свидетельство контактов между народами Тихого океана и Центральной Америки, чем то, которое дают нам батат и гибискус, известный под названием махо»²⁹.

Мысленно я частенько возвращался в библиотеку Крэпелиена, стараясь по возможности вспомнить все прочтенное мной до того, как я приехал на острова и самолично ознакомился с обстановкой. На Фату-Хиве если и были книги, то лишь библии в двух конкурирующих церквях Омоа. У католиков и протестантов одна библия, но толкуют они ее по-разному. Не удивительно, что у биологов и антропологов, читающих разные книги, взгляды разные. Даже два антрополога могут по-разному толковать одну и ту же проблему, если один из них только измеряет черепа, а другой только занимается языками. Соединять Полинезию с Америкой было все равно что сунуть палец в осиное гнездо. Ибо ученые и любители, занимающиеся доколумбовой Америкой, давно разбились на два отряда, одержимых чуть ли не религиозным фанатизмом: на диффузионистов и изоляционистов. Первые не сомневались в том, что разделяющий Старый и Новый Свет океан был пройден до Колумба викингами, а еще раньше — другими мореплавателями. Вторые были не менее страстно убеждены, что до 1492 года мировые океаны представляли собой неодолимый барьер для человека. Пожалуй, скорее Пакееее сумел бы обратить патера Викторина в свою веру, чем изоляционист переубедить диффузиониста или наоборот.

А сам-то я кто? Очевидно, диффузионист, поскольку склоняюсь к мысли, что люди могли прийти в Полинезию из Америки до того, как Колумб пересек Атлантику. Впрочем, какой же я диффузионист? Ведь я не верю, что полинезийцы попали на эти острова, следуя маршрутом, который даже все изоляционисты признают! Не желаю допустить возможность каких-либо контактов с Америкой до Колумба, они исходят из того, что полинезийцы прошли на пирогах вдвое больший путь против господствующих ветров и течений. Всячески изолируя Америку, они тем самым становятся крайними диффузионистами по отношению к Полинезии.

Диффузионисты подходят к решению проблем по меньшей мере так же нереалистично, как изоляционисты, ведь они совершенно не учитывают ветров и течений, смотрят на мировые океаны как на катки, по которым одинаково легко скользить в обе стороны. Сидят

²⁹ O. F. Cook and R. C. Cook. The Mano, or Managua, as a Transpacific Plant. *Journal of Washington Academy of Sciences*, vol. 8, 1918, p. 1G9; ? D. Merrill. Comments of Cook's Theory... *Philippine Journal of Science*, vol. 17. Manila, 1920, p. 195; G. F. Carter. Plant Evidence for early contact with America. S. — W. *Journal of Anthropology*, vol. 6, N 2, Albuquerque, N. M., 1950, p. 181.

над плоской картой и прыгают карандашом с острова на остров, с материка на материк. Им бы очутиться в пироге на волнах, штурмующих Фату-Хиву, убедиться, как мы убедились, что у этого океана есть «верх» и «низ». А изоляционистам, допускающим, что батат и семена махо сами могли прибыть с течением из Перу в Полинезию, не мешало бы уразуметь, что судно могло проделать тот же путь.

В общем, диффузионисты и изоляционисты одинаково далеки от жизни. Тут надо быть хоть немного географом.

...И опять я вечером, лежа в хижине, размышляю об этих проблемах, которые все больше меня занимают. Намечался конфликт между бородатым дикарем, осуществившим возврат к природе, и бывшим студентом университета, решающим научный ребус. Меня огорчало, что антропологи так легко подходят к моим предметам — биологии и географии, даже не изучают их факультативно. Отрывают древних людей от природы и рассматривают их, словно черепки в музейной витрине.

Внезапно я из мира размышлений вернулся на свой матрац. Собаки! Чужие собаки. Точно: где-то в верховьях долины — собачий лай.

Теи в это время как раз шел через речушку, неся нам на большом зеленом листе горячий ужин. Оба его пса остановились, подняли головы и ответили своим сородичам яростным лаем.

Кто-то спускался с гор, потому что в долине Уиа мы ни разу не встречали диких собак. Днем, когда я ходил за хворостом, мне один раз послышалось, что на горе перекликаются люди. Но я решил, что мне это почудилось.

Собачий концерт стал оглушительным, когда целая свора пятнистых псов, напоминающих пойнтеров, выбежала из зарослей в пальмовую рощу. Следом за ними шли люди — мужчины, женщины, дети. Они кричали и махали руками, приветствуя нас. Наши друзья Вео и Тахиапителиани из Омоа, еще одна чета и гурьба ребятишек, среди которых мы узнали плутишку Пахо. Тихая долина наполнилась криками и смехом. Пахо первым делом осведомился у Момо, осталось ли что-нибудь от варенья и тушенки, купленных нами на Хива-Оа. Теи даже не прикоснулся к ним. И сладости мистера Боба мы приберегли, не желая быть виновниками порчи чудесных зубов Теи и Момо.

Судя по всему, не свежий воздух Уиа привлек неожиданных гостей из-за гор. То ли им не давали — покоя мысли о товарах из лавки Боба, то ли на той стороне захотели проверить, чем мы тут заняты. Мы предпочли бы, чтобы там о нас вовсе забыли. И горячо поддержали старика Теи, когда он предложил гостям остаться. В Уиа хороший ветер, достаточно свиней и хлебных плодов, на склонах хватает фаэхока. Стоит ли возвращаться в Омоа, где столько больных?

Из земляной печи Теи только что был извлечен жареный поросенок, и пой-пой поспело, так что еды хватало на всех. Гостей не пришлось долго уговаривать. Вместе с детьми и псами они вошли в ограду вокруг резиденции Теи и, когда от поросенка не осталось даже косточек, устроились на ночлег в пустующей второй хижине старика.

Гости решили остаться. Они не стали строить новых домов, обосновались у Теи и ели у него. Лучшие представители той, западной стороны. Дружелюбные, веселые, здоровые, симпатичные. Вео был первым охотником на острове, и, хотя число полудиких свиней Теи быстро сократилось, в верховьях долины бродило предовольно их сородичей. Вео ходил на охоту со своими псами, вооруженный арканом из гибискусовой веревки. Тахо и другие шутя взбирались на деревья, на которые старику уже не влезть; в изобилии снабжали наше общее хозяйство свежей рыбой и другими дарами моря. Казалось, в долину вернулись старые добрые времена. Ожили склоны, ожил берег. Кричали дети, смеялись женщины. Теи был счастлив, все были счастливы. Мы работали сообща и всем делились.

Иногда океан успокаивался настолько, что можно было понырять и поплавать. Облака шли под углом к своему обычному курсу. Но это длилось всего несколько дней, потом они снова направлялись с востока на запад.

Ребятишки во главе с Пахо искусно ловили осьминогов. И ели их сырыми. Конечно,

если нарезать спрута ломтиками и выдержать ночь в лимонном соку, получается очень вкусно. Но ребяташки, чтобы подразнить нас, ели свою добычу живьем. Жевали крупных осьминогов, которые обвивали им шею длинными щупальцами. И покатывались со смеху, видя наш ужас.

Момо обожала щекотать пятки Лив перышком или травинкой. Лив брыкалась, а Момо хохотала до упаду. Ее подошвы обросли толстой кожей, которую девочка срезала острыми камнями. Лив визжала от такого зрелища, к величайшему удовольствию ребяташек.

Вечером все собирались у костра и вместе с Теи пели старые песни. Или слушали рассказы старика про его детство в Уиа В ту пору на острове были школы Настоящие школы, где дети под страхом наказания заучивали наизусть предания о далеком прошлом, когда короли женились на родных сестрах и люди общались с богами. Тогда в прибрежных водах водилось много черепах, и люди населяли всю долину, даже склоны Натаху. Теперь же на горе остались лишь ка— кие-то вертикальные ходы в пустые подземные полости. Наступили другие времена... Казалось, Теи в глубине души надеется, что мы общими силами возродим былое. Старый отшельник стал бодрее прежнего.

А через две-три недели долину наводнили новые гости. Поскольку Вео и его спутники не вернулись, многие жители Омоа во главе с нашим первым провожатым перевалили через горы, чтобы выяснить, что, собственно, происходит. В их числе было несколько отчаянных бузотеров.

По приглашению Теи все втиснулись в его две хижины. Сам хозяин хлопотал на кухне. Новоприбывшие не участвовали в добывании пищи. Они ограничивались приготовлением своего рода пива из апельсинов. День-деньской сидели сложа руки или пролеживали бока, ожидая, когда поспеет пиво, и требовали, чтобы Теи обслуживал их.

Алкогольные напитки были неизвестны в Полинезии, когда туда пришли европейцы. Азиатский обычай жевать бетель с известью распространился на восток только до рубежа, разделяющего меланезийские и полинезийские острова. Зато практически на всех островах Полинезии укоренился обычай пить каву; это говорит о его древности и о том, что он, видимо, принесен в эту область из какого-то общего центра. Аналогичный обычай — ритуальное потребление касавы

— известен у американских племен от Мексики до Перу. На Тихоокеанском побережье Южной Америки этот напиток известен под названиями «чича», «акха», «кавау» и готовится точно так же, как полинезийская кава. Сначала разжевывают определенный корень (в некоторых районах Америки — кукурузу), и получившуюся кашу выплевывают в миску с горячей водой. Дав смеси забродить, волокна отцеживают. Готовый безалкогольный сок, ферментированный слюной, пьют в честь обожествленных предков. Вплоть до прибытия европейцев американские индейцы и полинезийские племена не знали других хмельных напитков. Касава, кавау или кава не вызывает буйного веселья, как алкоголь, напротив, участники ритуала становятся молчаливыми, мрачными и сонными.

Когда же европейцы доставили на острова спиртные напитки, кава исчезла. И вот теперь у Теи мужичвы и женщины сидели и ждали, когда подойдет апельсиновое пиво, чтобы устроить настоящую попойку. Нам было не по себе. Мы знали, что пьяный полинезиец собой не владеет, он на все способен. Несколько десятилетий назад, когда на Маркизских островах впервые появилось спиртное, были отмечены случаи кровавых оргий, островитяне ели человеческие головы.

И началось... Теи тоже зазвали в компанию, заставили пить вместе с другими. Даже детей напоили допьяна и малышку Момо. Хуже всех буянил здоровенный детина, метис по имени Наполеон. Он в пьяном виде вообще терял рассудок. Двух жен уже забил насмерть. Теперь он ухаживал за Хакаевой, вдовушкой, которая, похоронив мужа, пошла через гору в Уиа. До отъезда патера Викторина она заплатила ему, чтобы быть уверенной, что покойный супруг попадет на небеса. Теперь Хакаева опять ходила в невестах с цветком за правым ухом.

В ту ночь незваные гости несколько раз пытались забраться к нам, но они были

слишком пьяны, и мы сталкивали их с лестницы. Тем не менее кое-что из подарков, отвергнутых Теи, исчезло. Шум стоял неопиcуемый. Нет, если так будет продолжаться, придется нам уходить...

Гости из Омоа явно не собирались возвращаться домой через горы. На другой день после попойки те из них, кто не слишком упился накануне, побрели в лес за новой порцией апельсинов для пива. К нашему ужасу, Теи Тетуа, шатаясь, доковылял до нашей хижины и стал звать меня хриплым, недобрый голосом.

Я спустился по лестнице. Теи уставился на меня воспаленными глазами и пробормотал «этоутемониэуатевасодисо».

Язык плохо слушался старика, и я не сразу разобрал, что речь идет о 17,5 франка. Столько мы платили Иоане и его друзьям, когда они строили нам дом. Теперь Наполеон и его приятели подбили Теи потребовать с нас жалованье.

— Но Теи, — сказал я, — какой тебе толк от денег? Ты вот не захотел взять от нас подарки — может быть, теперь возьмешь?

Но Теи не слушал меня. Повернувшись, он заковылял обратно через речку, твердя свое «этоутемониэуатевасодисо».

Понятно, Лив расстроилась. Да и я перестал ломать голову над загадкой, откуда пришли предки Теи Тетуа. Сейчас важнее было решить, куда нам самим деться. Здесь оставаться невозможно.

...Несколько дней спустя я сидел на нашей лестнице и смотрел в море. На участке Теи бездельники дожидались, когда поспеет очередная порция пива. Женщины, сидя нагишом в реке, плескались в свое удовольствие. Вдруг я заметил над горизонтом столбик дыма. Пароход! Первый пароход, увиденный мной с берега Фату-Хивы.

До сих пор я критически относился к историям о потерпевших кораблекрушение, которые, подобно Робинзону Крузо, очутившись на чудесном тропическом острове, нетерпеливо всматривались вдаль и ждали, когда их подберет какой-нибудь корабль. А теперь сам сидел, бородатый и длинноволосый, на лестнице робинзоновского домика в обрамленной горами зеленой долине и жадно следил за струйкой дыма. Над горизонтом показались мачты, потом труба, потом часть высокого черного носа.

Пароход приближался к острову!

Лив присоединилась ко мне. Уже весь пароход видно, идет наискосок, приближаясь к Фату-Хиве. Там, на палубе — люди из нашего собственного мира. Наверно, стоят вдоль борта и любуются красивым островом. Как мы любовались когда-то, приближаясь к Таити. Кажется, вечность прошла с тех пор.

Рассматривают в бинокль свайную хижину на берегу... И конечно, приняли ее за жильё островитян, потому что пароход стал удаляться, очевидно взяв курс на Таити.

Мы снова в одиночестве среди ненадежных людей.

На другой день в Омоа отправился один молодой парень. Мы просили его захватить письмо для Пакееее, но он отказался. Даже за плату.

А затем Лив однажды ночью проснулась от острой боли в ноге. И закричала, что постель кишит какими-то тварями. Я сразу сообразил, в чем дело. Тварь была всего лишь одна — длинная тысяченожка.

В слабом лунном свете мы перетряхнули все пальмовые листья, но ядовитый агрессор исчез.

Мы намазали оставленную мощными жвалами двойную ранку лимонным соком. Боль унялась, и на следующий день осталась только немота в ноге. С первыми лучами солнца мы встали и снова перевернули постель. И нашли желтую тысяченожку, которая по-змеиному свернулась под нами. Я отсек ей голову мачете. Мы продолжали искать, я убил еще одну тварь, а третья улизнула в щели в полу.

Пришла Момо с красными от бессонницы глазами, сообщила, что заготовлено много мисок апельсинового напитка, предстоит еще более веселое гулянье. Она недоумевала: почему бы нам не присоединиться? Улучив минуту, я подошел к спустившемуся к реке

пареньку, выяснил, что он знает дорогу через перевал, и попросил его ночью провести нас в горы. Получив от меня аванс, он согласился.

В эти самые дни в долине произошло счастливое событие: дикая свинья родила шестерых поросят. Собаки выследили ее, поросята разбежались, но одного Момо поймала и отдала Лив. Это было милейшее существо — задорные глазенки, довольная улыбка на длинном тонком рыле, кокетливая завитушка на хвостике, розовые ножки и мягкая рыжая щетина с красивыми черными пятнами. Лив сразу прониклась к поросеночку нежностью и спрятала его в нашей хижине. Мы были рады хоть как-то отвлечься от творившегося кругом безобразия и усыновили звереныша, дав ему имя Майи-маи — так Момо называла поросят.

В ночь, когда был намечен побег, мы ни на минуту не сомкнули глаз из-за шума и гама за рекой. Всех громче орал Наполеон. Парень, с которым мы договорились, сдержал слово, пришел за нами, к тому же относительно трезвый. Лив не возражала против того, чтобы я выпустил на волю козла Маита. Пусть бежит к себе домой в горы. Но когда она снесла вниз по лестнице и поставила на землю похрюкивающего поросеночка, я увидел, что шея его обвязана гибискусовой веревкой. Лив вознамерилась взять Майи-маи с собой, готова была хоть до Норвегии везти.

— Ты с ума сошла, — прошептал я. — К тому времени, когда мы выберемся с острова, Майи-маи превратится в огромную толстую свинью. Представляешь, что она учинит на борту.

Однако Лив стояла на своем. И когда мы углубились в темный лес, она передала поросенка нашему провожатому, потому что Майи-маи наотрез отказывался идти на привязи. Но провожатый ни за что не хотел его нести, пришлось мне завернуть Майи-маи в один плед с фотокамерой. Остальное имущество взял проводник; особенно счастлив он был, что ему доверили табак и другие предметы роскоши из лавки Боба, отвергнутые Теи.

Мы ни с кем не простились. Все были пьяны, а после встречи с тысяченожками нам стало ясно, что Наполеону и его приятелям лучше не знать о нашем намерении уйти.

Отойдя подальше от моря, мы решили подождать рассвета, чтобы не заблудиться на камнях в гибискусовых зарослях. Главное было сделано, мы убрались вовремя: когда пьяницы полезут в нашу хижину, они обнаружат, что она пуста.

Как только начало светать, мы продолжили путь вдоль русла. Майи-маи отбивался, будто выдернутый из реки лосось, и громко визжал. Я нес его под мышкой, на плече, на груди, за пазухой — визжит да и только. А тут еще солнце стало припекать. Пришлось извлечь Майи-маи из пледа, хотя руки тотчас вспотели от живой ноши.

Переpravляясь через речушку, я окунул поросенка в воду, чтобы немного охладить. Майи-маи завизжал пуще прежнего, хоть уши зажимай.

Проводник прибавил ходу и скрылся впереди с нашим багажом. Вот и подножие Тауаоуохо, пошла трава теита в рост человека, а провожатого все не видно. Как сквозь землю провалился. Пришлось нам самим отыскивать в траве начало горной тропы.

Здесь кончалась долина Уиа, начинался серпантин по накаленным солнцем скалам. Ни одного деревца, ни единого клочка тени, и полное безветрие... Палящие лучи без помех пронизывали сухую теиту. От назойливого визга Майи-маи зной казался еще невыносимее, и я робко предложил отпустить поросенка. Лив решительно запротестовала.

— Бедняжка изжарится на раскаленных камнях, — сказала она.

Медленно продвигались мы вверх, где на двух ногах, где на четвереньках. Крутая тропа становилась все уже, потом и вовсе пропала, мы с трудом различали какие-то смутные следы на песке между кочками. В конце концов уперлись в бараньи лбы. Дальше ходу не было. Я опустил на колени, тщательно осмотрел следы, которые привели нас сюда. Дикая свинья... Мы заблудились.

Пробиваться вверх в высокой траве было нелегко. Еще хуже — возвращаться по собственным следам. Поднимаясь, мы примяли длинные стебли, и теперь они встречали нас штыками, острые, словно край открытой консервной банки. Страшная мысль пришла нам в голову: мы попали в западню... Может быть, парень, который скрылся с нашим имуществом, преследует нас во главе шайки пьянчужек. Надо спешить! Скорей отыскать тропу. Скорей

выбраться на плато, где можно спастись бегством. Здесь мы в тупике.

Мы совсем обессилели, когда наконец выбрались на тропу. Воздух кругом был такой же неподвижный и горячий, как скалы; жар точно в печи. Солнце немилосердно жгло бесчисленные ссадины и порезы; пыль и пот законопатели все поры.

Мокрый распаренный поросенок не давал нам ни минуты покоя. Исступленный визг пронизывал до костей; меня так и подмывало сбросить в пропасть отбивающегося мучителя.

Над нами вздымались отвесные кручи, мы не прошли еще и половины пути до плато. Без отдыха вообще не дойти. А какой же отдых на солнцепеке... Песок и камни раскалены, и только сплетенные Лив и Момо из листьев пандануса широкополые шляпы спасали нас от солнечного удара. Вдыхаемый воздух нисколько не освежал легкие.

Надо подниматься выше, туда, где есть хоть какой-то ветерок. Мы наметили причудливое скальное образование, которое запомнилось нам во время перехода из Омоа в Уиа. Два лавовых шпилья, напоминающих троллей из норвежской сказки, словно два окаменевших стража, озирали долину и море. Между их широко расставленными ногами зиял короткий туннель — единственное тенистое место на всем этом склоне. В прошлый раз проводник говорил нам, что даже в самый тихий и жаркий день в туннеле дует слабый ветерок.

Казалось, прошла вечность, прежде чем расстояние до каменных троллей стало заметно сокращаться. Под конец Лив совсем изнемогла. На каждом шагу она спотыкалась, то и дело приходилось обмахивать ее шляпой. Май-май при этом довольно хрюкал, но стоило мне перестать махать, как этот негодяй принимался визжать громче прежнего.

Каким блаженством было очутиться в темном прохладном туннеле под могучими, троллями. Подъем еще не кончился, но во всяком случае мы видели сверху, что нас никто не преследует. Сиди хоть до темноты, пусть даже проводник унес приготовленный Лив провиант — кокосовое молоко и жареные корни таро.

Из туннеля тропическая долина под нами казалась ослепительно белой в ярком свете полуденного солнца. Май-май мирно похрюкивал, потом и вовсе уснул на руках у Лив. Ветерок освежил и осушил кожу, и часа через два мы почувствовали, что не усидим больше. Хотелось скорее выбраться на плато. Мы вышли из туннеля на солнце и продолжали подъем.

В одном трудном месте мне, чтобы освободить руки, пришлось повесить на спину плед с завернутой в него фотокамерой и четвероногим крикуном. Вскоре поросенок притих.

— Ему там нравится, в темноте, — сказал я, радуясь, что найдено решение.

Но Лив настояла на том, чтобы заглянуть внутрь пледа. И обнаружила, что поросенок лежит недвижимо, как на рождественском столе. Она поспешно извлекла Май-май из мешка, и, очнувшись, он снова принялся голосить.

Наконец мы добрались до перевала. Перед нами простиралось внутреннее плато. На последнем этапе нас догнал ветер, теперь бы только до воды добраться...

Мы пили из каждого родника и ручья на нашем пути. Первый глоток показался нам вкуснее шампанского со льда. Май-май разделял нашу радость. Несмотря на голод, мы не спешили спускаться в Омоа. Незачем островитянам знать, где мы находимся.

Ночь застигла нас в небольшой расщелине. Сразу стало холодно. Мы стучали зубами и мечтали о костре. Пока Лив при свете догорающей зари собирала папоротник для постели, я добывал огонь трением. Палочка почернела, запахло дымком, но и только. Когда рука совсем онемела, я сдался. Однако холод заставил меня возобновить попытку. Снова дымок... Лив тотчас подошла с трутом, но силы оставляли меня. Придется померзнуть под открытым небом... Эх, сейчас бы хоть одну спичечку! Или хотя бы огниво Теи. Мне явно попалась неподходящая древесина. Внезапно на трут упала искорка. Словно крохотная звездочка. Лив тихонько подула. И когда трут охватило живое пламя, я ощутил такую гордость, словно в моих руках была лампа Аладдина. Я был волшебником, способным разогнать окружающий мрак и сотворить тепло в холодной горной ночи. Для защиты от тысяченожек и диких псов я сделал целый круг из маленьких костров. Тем временем Лив устроила мягкую зеленую постель прямо на тропе — другого ровного места не нашлось.

Мы легли и укрылись пледом, наслаждаясь видом на миллионы медленно вращающихся над нами звезд и созвездий. Угрюмые скалы обрамляли картушку вселенского компаса.

Но Май-май на руках у Лив визжал так отчаянно, что не давал нам спать. Мы уже установили, что наш поросенок женского пола, и я дал ему новое, более подходящее имя — Сирена.

В конце концов даже Лив устала от такого шумного компаньона. Я предложил привязать Сирену где-нибудь за пределами слышимости. Лив согласилась, но поставила условие, чтобы невинный мучитель получил наш единственный плед: второй унес провожатый. Отойдя на изрядное расстояние, я привязал плед с завернутой в него Сиреной к большому камню. Теперь только шелест ветра нарушал ночную тишину, и мы уснули в кольце догорающих костров.

Среди ночи нас разбудил топот тяжелых копыт. Он отдавался и в воздухе, и в земле, на которой мы лежали. Костры давно потухли, я окоченел от холода, но сразу ожил, увидев при свете луны, что прямо на нас скачут две дикие лошади. С развевающимися хвостами и гривами они мчались во весь опор по тропе.

Я сел и громко закричал. Поздно. Первая лошадь не успела притормозить, но, слава богу, могучим прыжком перемахнула через нас. Вторая круто остановилась, вздыбилась и поскакала в обратную сторону.

Вскочив на ноги, мы принялись шуровать в углях и подбросили хворосту, чтобы разогнать темноту и согреться.

— Сирена, — коротко заметила Лив.

Ну, конечно. Идя по тропе, лошади разбудили поросеночка. Он завизжал и заметался в пледе таким привидением и основательно напугал лошадей. Сам того не ведая, маленький негодяй подверг нас смертельной опасности.

На другой день голод вынудил нас сдаться. В поисках пищи мы спустились в долину Омоа. Горная тропа кончалась на мысу в конце залива, и здесь мы, к своему удивлению, застали Вилли. Он сидел с таким видом, будто дожидался нас. Мягко улыбаясь, Вилли сообщил, что второй плед и прочее имущество, которое нес наш провожатый, лежат у него в доме. Он увидел парня, когда тот спускался по тропе, и забрал вещи к себе на хранение.

Мы как-то успели забыть, что у нас в Омоа есть еще один друг Вилли был скорее европейцем, чем островитянином, и не участвовал в кознях, которые затевали против нас другие жители деревни. Однако его замкнутость и стеснительность мешали нам наладить с ним более тесные отношения.

Основательно подкрепившись тушенкой и забрав свое имущество, мы с чувством глубокой благодарности к Вилли вышли из его дома. Куда теперь податься? Решили прежде всего навестить наших старых друзей Пакееее и Тиоти.

По дороге нас остановил фатухивец в соломенной шляпе и набедренной повязке и предложил совершить обмен. Я уступлю ему Лив, а сам получу его жену и четверых детей в придачу. Он развел руками, словно обнимая бочку, чтобы я понял, как много выиграю на обмене. И был заметно удивлен, когда мы с Лив отвергли лестное предложение.

Поспешив дальше, мы отыскиали Тиоти. Он искренне обрадовался нам и нашему подарку — Сирене. Поросянок успел охрипнуть от визга, но сразу успокоился и довольно захрюкал, когда его выпустили в загон к курам.

Как обычно, Тиоти придумал для нас выход: надо дождаться, когда все уснут, и идти на белый пляж Тахаоа. Он будет подбрасывать нам еду на лодке и немедленно известит о приходе шхуны.

Как только лесистую долину окутал мрак, мы прокрались на озаренный звездами берег и побрели со своим багажом через камни у подножия скал. Дорога на Тахаоа была нам знакома.

Ночью уединенный пляж с белым коралловым песком казался еще более пустынным, чем днем. Поистине уединенный уголок: впереди — открытый океан, позади — скалистая

круча. Только птицы да холоднокровные обитатели рифа чувствовали себя здесь дома. Даже в ту пору, когда остров кишел людьми, вряд ли кто-нибудь постоянно жил на узкой полоске травы между галькой и отвесными скалами, на которую без конца сыпались сверху камни. Мы не нашли ничего похожего на паэпаэ, только две высокие кокосовые пальмы да несколько маленьких деревьев, среди которых зеленел букет стеблей с большими перистыми листьями, обнимавшими гроздь тяжелых плодов папайи с дыню величиной.

Тахаоа воспринимался как некий совершенно обособленный мир. Особенно глухо и тихо было здесь ночью. Даже птицы спали. Мы остановились, глядя на отражающий звездное небо океан, и безмолвно приветствовали наш новый приют: принимай жильцов... Все наше имущество было завернуто в два пледа. Палатка, которую негде было ставить из-за камнепада, мачете, две корзинки с плодами и жареными клубнями наших друзей в Омоа. Наконец-то мы избавились от дурацкого табака и сладостей, источников стольких неприятностей. Сами мы не курили, а сладости привели в восторг беззубого Тиоти. Я не взял даже банок и пробирок для зоологических образцов. Тут лишь бы выжить, какая там наука.

Только мелкие волны, ласкавшие плоский риф, отозвались на наше приветствие. Покрытый тонким слоем воды коралловый барьер преграждал путь яростному прибою, предоставляя ему бесноваться вдоль внешней кромки рифа. Но мы проникли в Тахаоа с черного хода, где не было никаких стражей. И соскочив на белый песок, стали присматривать себе место для ночлега.

Когда мы в первый раз приходили сюда с Тиоти и его вахиной, я заметил маленькую пещерку, где можно было не бояться падающих сверху камней. К ней мы и направились теперь со своими узлами. Палатка тут не годилась, только пещера. Потолок из затвердевшей черной лавы, прочные стены — никакой жучок не просверлит, никакая свинья не раскачает.

Пол пещеры был выстлан гладкой, как яйцо, крупной и мелкой галькой. Из камней побольше я соорудил у входа барьер, мелкую гальку убрал, расчищая ложе для сна. Под камнями был белый песок. Продолжая укреплять барьер снаружи, со стороны моря, я сдвинул большущий валун и увидел здоровенную злющую мурену, похожую на толстую черно-зеленую змею. Она извивалась туда-сюда, наконец решилась и проскользнула у меня между ногам в заводь на рифе.

Я не подозревал, что эти твари могут передвигаться по суше. Правда, в прилив море подходило к самой пещере, и песок под большими камнями был совсем влажный. Но ведь мурена не хуже какого-нибудь удава доползла до воды по сухой гальке.

Мы боялись этих змееподобных чудовищ больше, чем акул. Выходя на рыбную ловлю с островитянами, мы видели, как они подтягивают акулу к самому борту и бьют тяжелой дубинкой по голове. Если же на крючок попадалась мурена с острыми тонкими зубами и сатанинскими глазами, рыбаки, возбужденно крича, кололи ее длинными острогами и только потом извлекали на поверхность. Мало того, что зубы мурены ядовиты, — наши друзья уверяли, что крупные экземпляры могут перекусить руку человека. Здешние мурены достигали невероятной толщины; около Уиа я однажды глядел в змеиные глазки высунувшегося из подводной норы чудовища толщиной с мое бедро. Многие островитяне утверждали, будто видели мурен, равных в обхвате стволу кокосовой пальмы. Даже если сделать поправку на преувеличения, факт остается фактом: существуют огромные экземпляры, которых вполне можно принять за морского змея, не будь они такими короткими.

После этой встречи я стал действовать поосторожнее. Под любым камнем могла оказаться еще мурена, лучше поберечь пальцы рук и ног.

В тусклом свете звездного неба мы оборудовали свое новое жилье. Лив застелила пол травой, сколько нашлось; мы закутались в пледы и уснули.

День был уже в разгаре, когда яркий отблеск солнца на рифе разбудил нас. Я сел, сонно озираясь вокруг. Камни, вода... Рядом, подперев рукой подбородок, лежала Лив и глядела в море. На лице ее ничего не было написано. О чем она задумалась? Сколько испытаний выпало на ее долю, и ни разу не пожаловалась. Ни разу не упрекнула меня; дескать, ну и

придумал, кому это надо, и так далее. Ни разу не просилась домой. Фату-Хива стал ее домом. Где бы мы ни устроили лагерь, она приноравливалась к обстановке.

Сам я уже не знал, что и думать. Мы побеждены, но не совсем Мы бежали, но все еще свободны, как парящие над рифом фрегаты. Мы прибыли сюда, чтобы жить на природе. И более, чем когда-либо, восхищаемся природой. Но все-таки эксперимент развивался не совсем так, как мы себе представляли. Мы пробовали жить в гуще леса, в горах, под пальмами на берегу. Некоторое время все шло хорошо, потом непременно возникали препятствия. Теперь вот испытываем жизнь пещерных людей... Зажатые между черным обрывом и облизывающим камни океаном. По скале струится пресная вода, в соленых заводях на рифе можно добыть достаточно пищи. Но ведь не об этом же мы мечтали, когда укладывали чемоданы, собираясь в далекий путь, собираясь возвратиться к природе.

Я выбрался из пещеры на солнце. До чего огромен океан. До чего узка полоска суши, которой мы располагаем. Я поглядел вверх — хоть бы козы и олуши поосторожнее ступали по скале, не бомбили нас камнями.

Нет, тут на всю жизнь нельзя оставаться. Семья есть семья, у Лив может появиться ребенок, против природы не пойдешь. И ведь она не лишена материнского инстинкта, вон как нянчила Сирену...

Молча мы продолжали свое устройство на новом месте. Будущее, каким оно нам рисовалось на берегу залива Тахаоа, не располагало к красноречию. Да и устройство не ахти какое сложное. Отгородить место для очага да сложить под обрывом побольше плавника в запас, чтобы костер не потухал совсем. Кровать, стол, лавка — все это здесь не нужно. Их заменили камни и песок. У нас были с собой миски из скорлупы кокосового ореха, бамбуковые ложки и кружки. Дверь для защиты от комаров и диких свиней не нужна — тут нет ни тех, ни других. От дождя с моря можно завеситься палаткой, Я попробовал взобраться на кокосовую пальму. Куда там, слишком высокая. Подождем, когда появится Тиоти, а пока будем собирать орехи, которые сами упадут. При моих способностях к лазанью недолго и шею сломать, а таоа здесь нет.

Лив уже ходила по заводям, собирая в подол пареу съедобных моллюсков. Я присоединился к ней. Мы согласились, что в жизни не видели более роскошного природного аквариума, чем этот риф. Но вообще-то разговор не клеился. Я попросил ее остерегаться спрутов и мурен, не наступать на морских ежей. Она ответила «ладно». И все.

Потом мы сидели на камнях, ели моллюсков и пили кокосовое молоко. Я сказал, что не мешало бы поискать яйца морских птиц. Лив поддакнула. Мы закончили трапезу молча.

Пытаясь прочесть ее мысли, я заключил, что мы, наверно, думаем одно и то же. У нас были общие идеалы, одна мечта, когда мы начинали этот эксперимент. На нашу долю выпали одни и те же впечатления, мы вместе восхищались чудесами, сообща переживали неприятности. Теперь мы уже не такие зеленые, какими были. Получили кое-какую закалку. И оба начали понимать, что вели себя чересчур эгоцентрично, мало думали о том, что кроме нас на свете есть другие люди. Наша уверенность в абсолютной правоте своих идеалов и расчетов поколебалась. Действительность оказалась не такой, как мы ожидали. Непредвиденные препятствия заставили нас уклониться с пути, который, как нам представлялось, вел прямо к цели. А сейчас мы и вовсе уткнулись в символический барьер в виде отвесной кручи. Пришла пора осмыслить все сюрпризы, которые преподнесла нам жизнь, и как-то сориентироваться.

В пещере было сколько угодно времени для размышлений. О том, что было, о том, что будет. О том, какой нам теперь представляется цивилизация, от ко— торой мы бежали. Разобраться как следует, что же вышло из нашего эксперимента «возврат к природе». Что дальше? Как нам поступить? Ведь этот берег — несомненный тупик.

Шли дни, но никто из нас не начинал откровенного разговора. То ли друг в друге сомневались, то ли в самих себе. Купались в прозрачных заводях, ловили руками рыб и крабов на рифе. В отлив им некуда было деться из замкнутых лужиц и промоин. А сколько тут водилось вкуснейших моллюсков, которые даже и не пытались уйти от нас. Мы собирали

их, как крестьянин осенью собирает помидоры.

Лишь однажды нас навестил Тиоти с женой. Зато они доставили множество фруктов, орехов, клубней, даже кур прихватили. Мы устроили кладовку в самом дальнем и прохладном конце пещеры. Потом желанные гости удалились, и снова потянулись дни, похожие один на другой. Мы вставали с солнцем и забирались в пещеру, когда солнце уходило. И следили за тем, чтобы не потухли угли в очаге.

Но большую часть времени мы сидели у входа и жадно всматривались в горизонт. Чувствовали себя, будто жертвы кораблекрушения на необитаемом острове, и с каждым днем все более страстно мечтали увидеть мачту, или струйку дыма, или белый парус там, где тонкая ниточка отделяла голубое небо от голубого океана. Вдруг покажется белая точка, которая будет расти и расти, а не просто скользить мимо, как эти бесчисленные барашки на волнах... Но желанная точка не показывалась, за рифом были только белые барашки и голубые просторы.

— Что мы сделаем, если увидим шхуну? — спросила Лив однажды, после того как мы полдня просидели, не отрывая глаз от волн и далекого горизонта.

— Поспешим в Омоа, — сказал я. — А если шхуна придет ночью, Тиоти даст нам знать.

— Почему? — спросила Лив с легким вызовом. Почему? Я продолжал глядеть на море, не зная, что ей ответить. До сих пор я упорно гнал от себя мысль о том, что мы зашли в тупик. А Лив пристально глядела на меня, пытаясь прочесть мои мысли.

— Я знаю, почему, — спокойно произнесла она. — Мы от всего бежали, укрылись здесь, в Тахаоа, от всех проблем. Но ведь мы не за этим ехали.

Лив сказала вслух то, о чем я думал.

— Да, сейчас мы просто убиваем время, — согласился я. — Вроде островитян, которые сидят и ждут, когда орехи сами свалятся на землю.

Итак, мы сознались друг другу, о чем думали в глубине души с тех пор, как обосновались в Тахаоа. И сразу будто лед растаял. Яркие переливы солнца на воде, теплые краски рифа стали такими же прекрасными, как в наше первое посещение этого пляжа. Мы здесь вовсе не узники. Мы не привязаны навсегда к Тахаоа. Беспокойный мир, в котором мы когда-то жили, который так долго был нами забыт, все еще существует. И наши родители тоже существуют.

Впервые с тех пор, как шхуна доставила нас на Маркизские острова, нам страстно захотелось вновь увидеть своих родных. В тот холодный рождественский день, когда мы садились на поезд, мы весело говорили вслух «до свидания», а в душе печально повторяли «прощайте». Тогда нам казалось, что мы навсегда расстаемся с цивилизацией. Нам пришлось оплатить обратные билеты, без этого французское Министерство по делам колоний не разрешило бы нам сойти на берег Таити, но я считал эти деньги выброшенными. Теперь было похоже, что билеты пригодятся.

И все же Лив говорила, что ни о чем не жалеет, не променяла бы пережитое здесь на островах ни на что другое. Я разделял ее чувства. Я был благодарен судьбе за каждый из проведенных здесь дней.

— Но согласись, — сказал я, — даже если бы все обернулось иначе, мы ведь все равно уехали бы с Фату-Хивы домой. Допустим, мы убедились бы, что человеку достаточно осуществить возврат к природе, чтобы избавиться от современных проблем, — так ведь пришлось бы ехать домой и рассказать об этом другим, не то бы нас совесть замучила.

В нас есть что-то от насекомых, говорил я. От муравья, которого невидимые нити привязывают к муравейнику. От пчелы, которой в голову не придет бросить улей и в одиночку слизывать пыльцу со своих ножек.

— Постой, — перебила Лив. — Допустим, Фату-Хива оправдал бы наши надежды — все равно мы не смогли бы ехать домой и выступать за всеобщий возврат к природе. Вспомни нашу карту.

Речь шла о карте, на которой мы перед отъездом браковали один материк за другим,

остров за островом, пока не обвели кружочком Фату-Хиву — единственное место, казавшееся пригодным для нашего эксперимента. Даже Таити нас не устраивал. Не годились и другие виденные нами острова. Удобоваримая для современного человека пища не растет на деревьях на ничьей земле. Окружающая среда изменилась еще больше, чем сами люди, с тех незапамятных времен, когда наши предки вступили на долгий путь, уводящий человека от природы. К затерянной в тысячелетиях исходной точке нет возврата.

— Да, современному человеку некуда возвращаться, — признал я.

Признал нехотя, потому что удивительные дни и месяцы, проведенные в диком краю, позволили нам представить себе, от чего человек отвернулся и норовит уйти все дальше.

— Мы находимся в пути, — продолжал я. — Возврата нет, но это еще не значит, что любая дорога вперед означает прогресс.

Лив согласилась со мной.

Так мы подошли к уроку, который преподавал нам год на Фату-Хиве. Самый долгий и самый поучительный год в нашей жизни.

Человек изобрел магическое слово. Выпустил его изо рта и позволил ему водить себя за нос. Слово это — прогресс. Оно было призвано обозначать движение вперед, от плохого к хорошему, от хорошего к лучшему. Но не от хорошего к плохому. Однако мы на этом не остановились. С великой самоуверенностью внушили себе, что не способны изменить что-либо к худшему. И не долго думая стали обозначать тем же словом каждый шаг, отдаляющий человека от природы. Каждое изобретение, каждый искусственный продукт. Прогресс стал определяться не качественными критериями, а часами. Но ведь слово сохраняет свой исконный смысл, значит, прогресс не повернешь вспять, как бы мы его ни измеряли — компасом или часами.

Вот почему ни одно сооружение древних египтян не может быть названо прогрессом по сравнению с тем, что европейцы строили в средние века, хотя в любом конкурсе победил бы Древний Египет. И Венера Милосская не может быть названа прогрессом по сравнению с сюрреалистической композицией из штопора и шестеренки, подвешенных к зонтичным спицам. Слово «прогресс» всегда служит существующему поколению, а потому никогда не выйдет из моды. Мертвым не дано направить развитие в обратную сторону.

Мы любим представлять себе прогресс как борьбу современного человека за то, чтобы больше людей получали хорошую пищу, теплую одежду, просторное жилье, чтобы улучшить медицинское обслуживание больных, устранить угрозу войны, сократить преступность и коррупцию, обеспечить молодым и старым более счастливую жизнь. Но прогрессом называют и многое другое... Совершенствуется оружие, так что им можно убить больше людей на большем расстоянии, — прогресс. Маленький человечек становится исполином, которому достаточно нажать кнопку, чтобы земной шар разлетелся на куски, — прогресс. Рядовой человек отвыкает думать, потому что другие покажут ему, что случится, если он щелкнет тумблером или повернет маховичок, — прогресс. Специализация, достигающая такой степени, что один человек знает почти все почти ни о чем,

— прогресс. Люди ломают себе голову над проблемой свободного времени — прогресс. Действительность становится настолько тоскливой, что мы ищем от нее спасения, сидя и таращась на развлечения, которые нам преподносит светящийся ящик, — прогресс. Когда приходится изобретать пилюли для излечения болезней, вызванных другими пилюлями, — это тоже прогресс. И когда больницы растут как грибы, потому что наши головы перегружены, а тела недоразвиты, потому что сердца опустошены и кишки набиты тем, что подсунула реклама. И когда крестьянин бросает тяпку, а рыбак — сеть, чтобы встретиться у конвейера, потому что на месте поля вырастает предприятие, превращающее рыбную речку в клоаку. И когда города расширяются, а леса и луга усыхают, так что все больше людей проводят все больше времени в метро и автомобильных пробках, и приходится днем жечь неоновые лампы, потому что дома вздымаются до небес, а мужчины и женщины зажаты в тесных каменных ущельях среди шума и гари. И когда ребенку тротуар заменяет луг, когда благоухание цветов и панорама далеких гор заменяются кондиционером

и видом на соседние дома. Срубают столетний дуб, чтобы поставить дорожный знак, — прогресс б...

Мы прибыли на Фату-Хиву, исполненные презрения к цивилизации двадцатого столетия, убежденные, что человеку надо начать сначала. Прибыли, чтобы со стороны критически взглянуть на современный мир. И вот сидим в пещере, позади — скала, впереди — безбрежная синь, и ждем возможности вернуться не к природе, а к цивилизации. Сегодня мы судим мягче, чем судили вчера. Понимая, что без кисеи от комаров, которой нас снабдил Вилли, в дождевых лесах Фату-Хивы мы нажили бы слоновую болезнь и потеряли бы рассудок. Без мазей Тераи на Хива-Оа остались бы без ног.

Но наше доверие к современной цивилизации не возродилось в полной мере. Мы убедились, что можно жить очень просто, что человек способен испытать полную гармонию и счастье, освободившись от всего того, чем мы, живя в современном обществе, так стремимся обзавестись, чтобы не отстать от других.

И все же нас тянуло, против воли тянуло обратно к цивилизации. Но с тем, чтобы, возвратившись к ней, не удаляться от природы без крайней надобности. Уж очень хороша была простая жизнь в дебрях, она дала нам больше, чем когда-либо давал город. У себя на родине мы никогда не встречали людей, которые смеялись и веселились так беззаботно, как Тахиа, Момо и Теи Тетуа, хотя самый бедный из наших знакомых был богаче их.

Когда я сказал об этом Лив, она поправила меня.

— А старый француз в конурке на Хива-Оа? — напомнила она. — Такой же счастливый, как Теи. Хотя он вполне цивилизованный человек. Тьма всяческих изобретений в доме. Кучу книг прочитал.

Да, есть над чем призадуматься... Веселого старика француз не зья было назвать неграмотным сыном дикой природы. Его рецепт гласил: ищи счастье у истоков, в себе самом. И если что-то в его окружении облегчило ему поиск, это «что-то» можно было определить одним словом — простота. Простота дала ему то, чего миллионы искали на пути сложности и прогресса. Все запросы старика, весь его мир сводились к маленькой лачуге и огороду. Ему не нужны ни уединенная пещера, ни дворец.

Поистине простота — тоже магическое слово. За видимой скромностью в нем кроется непритязательное величие.

Прогресс в наше время можно определить как способность человека усложнять простое.

Пищу можно добывать разными способами. Поступить на работу на бензозаправочную станцию. Получил жалованье, доехал на трамвае до магазина и заплатил за рыбу и за картофель столько, сколько надо, чтобы могли существовать крестьянин и рыбак, снабженец и лавочник, налоговый инспектор, владелец транспортной фирмы и хозяин завода, производящего холодильники. А затем снова на трамвай и домой к семье со своим уловом — юной замороженной рыбешкой и престарелым сморщенным картофелем.

Но как бы ни изощрялся современный человек, опираясь на всю современную технику, чтобы заработать на рыбу и на картофель, его добыча не станет вкуснее и доступнее, чем она была в те времена, когда каждый сам извлекал себе рыбу из реки или картофель из земли.

Без крестьянина и рыбака рухнет все современное общество с его торговыми кварталами, электрическими проводами и трубами. Крестьянин и рыбак

— благороднейшее сословие нашего общества, они делятся от своих щедрот с теми, кто носит с бумагами и отвертками, пытаясь вслепую сконструировать более совершенный мир.

Признавшись себе и друг другу, что нам не терпится покинуть пещеру и Фату-Хиву, мы с Лив сидели дотемна, ели моллюсков и обсуждали свой новый взгляд на цивилизацию, какой она представлялась нам со стороны, со всеми ее достоинствами и недостатками, проклятиями и благами. Солнце ушло за край света, увенчанное золотой короной; осталась только красная дорожка в небе на западе, да и ту быстро скатали звезды, развесив на востоке фиолетовый тюль. Пробил час сна для всех солнцепоклонников, но сегодня Лив стряхнула

золу с наших драгоценных углей и раздула дремлющий костер. Впервые после нашего прибытия на этот пляж мы сидели на гальке и разговаривали до тех пор, пока не пропали все краски, а затем красная дорожка распласталась на другом конце неба.

Ни в этот день, ни на следующий мы не увидели шхуны. Бродя по берегу среди пустых раковин и суетливых раков-отшельников, мы продолжали разговаривать и не сводили глаз с горизонта. Далекая волна рассыпалась белыми брызгами, косатка выпрыгнула из воды, будто подброшенная трамплином, белая птица мелькнула в голубой дали — мы тотчас настораживались. И частенько карабкались на глыбы застывшей лавы, чтобы видеть дальше. Только не пропустить шхуну! С нашего берега открывался вид на весь западный горизонт, днем мы просто не могли прозевать судно, направляющееся в Омоа.

Казалось, океан выходит из берегов и вливается нам в душу... Соленый воздух наполнял легкие, в прилив даже самые маленькие волны доходили до пещеры. Раки-отшельники переваливали через наш барьер и воровали пищу, будто мыши. Рыбы ждали угощения из наших рук, словно пес под столом. И все, что мы ели, отдавало водорослями или морем.

Глядя на синий океан, срастающийся с небесной синью, я представлял себе его необозримым, безбрежным, бездонным. Настолько огромным, что человеческому разуму его просто не объять. Амазонка, Нил, Дунай, Миссисипи, Ганг, все реки, все клоаки мира, сколько бы ни вливались в океан, не поднимут его уровень ни на дюйм. Все текучие воды в мире оканчивают бег в океане, сам же он только гонит по кругу свои течения и тихо колышет свою поверхность во время прилива и отлива, но ему не придет в голову выйти из берегов, вторгнуться в нашу пещеру и карабкаться вверх по скале. Ни реки, ни дожди не влияют на его уровень. И сколько бы ила, сора и перегноя, сколько бы праха и экскрементов от животных, населяющих воду, сушу и воздух, ни попадало в море со времен гигантских ящеров и раньше, они не загрязнили океан, он оставался девственно чистым. Небо и океан стали для человека символами великого и необъятного, вечного и неизменного.

Таким представлялся мне безбрежный водный простор, когда мы сидели у входа в пещеру и смотрели, как дуга океана смыкается с небосводом и космосом. Из учебников я знал его протяженность в километрах и глубину в метрах, знал секрет постоянства уровня, но в эти минуты, подобно простодушным полинезийцам и средневековым европейцам, я ощущал, что суша — владение человека, океан же — часть необъятной вселенной.

Как я ошибался! И сколько лет еще предстояло мне меряться силами с мировым океаном, прежде чем я в корне пересмотрел свой взгляд, понял, что океан, да-да, океан, а не земная твердь — пульсирующее сердце нашей живой биосферы. Под видом морской пустыни без начала и без конца — вечный двигатель, служащий нашему миру насосом и фильтром. Чтобы осмыслить реальные масштабы океана, мне еще предстояло убедиться, что даже самый большой из земных океанов могут пересечь сухопутные крабы на маленькой скорлупке. Небоскребы Манхэттена, если перенести их на дно Северного моря, поднимутся высоко над водой; средняя глубина Мирового океана — немногим больше полутора тысяч метров, хороший бегун одолевает это расстояние менее чем за четыре минуты. Если на обычном глобусе попытаться слою краски передать глубину океана, ничего не выйдет: нет такой краски, которую можно было бы нанести достаточно тонкой пленкой. В свою очередь в этом тончайшем слое почти вся жизнь сосредоточена у поверхности, пронизываемой животворными лучами солнца.

Пройдет много лет, и море призовет меня на свои просторы, заморозит меня, и я научусь подчиняться его законам. А пока я жил на суше, жил в пещере и еще боялся моря. Я только что научился кое-как плавать, и мы остерегались подходить близко к краю рифа, где бушевал неистовый прибой. Рев прибоя казался нам канонадой, когда мы по ночам, прислонясь спиной к скале, пытались читать звезды. У нас было вдоволь времени, чтобы грезить и гадать о будущем. Солнце, луна, Южный крест и другие тропические созвездия совершали свой круговорот у нас над головой, океан колыхался у наших ног.

Для нас было очевидно, что древние жители пустынь и древние мореплаватели, из ночи

в ночь наблюдая звездное небо во всю его ширь, так хорошо изучили постоянные пути созвездий, что не нуждались в других ориентирах. Но вот что удивительно: выбор был куда как велик, однако жители полинезийских островов, разбросанных и в северном и в южном полушарии, начинали счет году от тех суток, когда над горизонтом показывались Плеяды. Удивительно, потому что такой же обычай был в древнем Перу и некоторых странах древнего Средиземноморья.

Мы строили планы на будущее. Вернемся в Норвегию — поселимся в избушке в горах, подальше от моря. Но будем и впредь путешествовать в поисках ответа на полинезийскую загадку. Вот только эта военная угроза... Я был уверен, что людям не избежать новой мировой войны. Мы уехали на остров в Тихом океане, чтобы избежать ужасов войны, чтобы не стать участниками и очевидцами гибели современной цивилизации. И однако, теперь твердо решили вернуться и принять приговор судьбы, словно война была неизбежной карой, которую мы обязаны понести вместе со всеми.

Звезды ничего не могли сказать нам о будущем, ведь их свет отстал на миллионы лет от нашего времени, они еще не видели, как полинезийцы пришли на эти острова. Мы мечтали о будущем, не подозревая, что нас ждет на самом деле. Не подозревая, что через год будем жить среди индейцев белла-кула на тихоокеанском берегу Британской Колумбии. Будем искать следы, которые помогли бы выяснить, каким маршрутом древние мореплаватели шли из Азии в Полинезию. Жители Индонезии вполне могли приплыть сюда, а затем добраться до Полинезии. Такой маршрут позволял объяснить сложный комплекс полинезийской расы и культуры. Одна Южная Америка не давала ответа на все вопросы; и к тому же на севере Тихого океана путешественники и исследователи со времен капитана Кука и Ванкувера отмечали у индейцев Северо-Западного побережья множество черт разительного сходства с полинезийцами. Островной мир Северо-Запада Америки обогревается мощным течением Куроисио, идущим от самых Филиппинских островов. И то же самое течение, описав широкую дугу, вполне могло донести не только бурелом, но и большие мореходные двойные лодки индейцев до Гавайских островов в Полинезии.

Плоты из Перу и лодки из Азии, совершившие заход на архипелаги Северо-Запада, — очень может быть, что именно так возникло смешанное полинезийское население. Но пока я гостил у миролюбивых индейцев, в Европе ревели танки и бомбардировщики, военные корабли захватили Норвегию. Не успел я опубликовать первый вариант моей гипотезы³⁰, как судьба оторвала меня от Лив и моих увлечений. Оторвала от всех родных на четыре года и ввергла в тучи дыма над пожарищами, в полярный сумрак над минными полями между немецкими и русскими окопами в Финнмарке.

Звезды нам ничего не сказали об этом. Мы сидели под обрывом, отделенные мысом от зеленых долин Фату-Хивы, и ждали шхуны, которая доставила бы нас в обреченный на погибель мир. Кто с кем будет драться? Я мог лишь гадать. У меня не было никаких врагов. Но светлые головы в правительстве решат этот вопрос за меня, назовут мне врага.

И как же непохоже на то, что рисовалось мне в волнах и небесах, сложилось все на самом деле. Цивилизация не погибла. Миллионы были убиты, а она уцелела и продолжала развиваться. Только люди, плоть и кровь, были уязвимы. Кое-кто из уцелевших молодых, вроде меня и Лив, после долгих лет разлуки и жизни в разных мирах навсегда разошлись духовно. Но миллион машин возместил потерянные танки и самолеты, появилось новое, еще более совершенное оружие, которое охраняло цивилизацию надежнее, чем когда-либо.

Океан? Разве мог я знать наперед, что безбрежный Тихий океан уменьшится в моих глазах до вполне постижимых размеров, как только кончится война и я уже не буду смотреть на него с палубы могучих авианосцев и крейсеров, одинаково враждующих с волнами и с людьми? Станет отнюдь не таким уж огромным и буйным, когда я увижу его с маленького бальсового плота, послушно пляшущего между волнами в его объятиях и свободно

³⁰ T. Heyerdahl. Did Polynesian Culture Originate in America? International Science, vol. 1. New York, 1941.

пропускающего воду. Разве мог я знать наперед, что буду чувствовать себя в совершенной безопасности на связанных вместе бальсовых бревнах, какими пользовались мореплаватели древнего Перу, после чего решусь испытать вторую конструкцию древних — камышовую лодку? Лодку, которая, похоже, играла главную роль в Южной Америке. И которой пользовались во всех углах полинезийского треугольника — на острове Пасхи, на Гавайских островах, в Новой Зеландии. И такого же рода лодка была первым судном там, где стояла колыбель культур, — в Месопотамии и в Египте.

Парадоксальный факт: выйдя в плавание на древнейшем в истории человечества мореходном судне, я узнал, как мал на самом деле океан и как велика нависшая над ним по нашей милости угроза. Да, океан неизмеримо меньше, чем нам представляется, он настолько мал, что несколько миллиардов людей, ежедневно сливающих в него свои сверхсовременные отходы, вполне способны погубить, отравить морское сердце нашей планеты.

Достаточно отчалить на бревнах или связках папируса от одного континента и через несколько недель причалить к другому, чтобы уразуметь то, что увидели из космоса астронавты: океан — всего-навсего озеро, его безбрежность — обман зрения. Да, у него нет начала и нет конца, но то же можно сказать о коже яблока. Кривая поверхность замыкается на себя. Океан не переливается через край, потому что дожди и реки несут ровно столько влаги, сколько испаряется с его поверхности и возвращается тучами. Миллионы лет он оставался чистым, потому что природа в отличие от современного человека тщательно избегает создавать из атомов вещества, которые морские бактерии и планктон не способны снова обратить на благо жизни. Природа с ее илом, экскрементами, трупами могла бы вечно использовать реки как сточные трубы. Океан с его бесчисленными организмами прилежно фильтровал поступающую в него воду и превращал отходы в новые организмы, продолжающие фильтрацию, чтобы тучи посылали на сушу прозрачную очищенную влагу. Но человек принялся как попало совать свои винты и гайки в безупречно действующий перпетуум-мобиле. Пластики, инсектициды, стиральные порошки и прочие синтетические молекулярные комбинации, которых природа предусмотрительно сторонилась, чтобы не испортить механизм, теперь поступают в океан и накапливаются там. Ежегодно из жилых домов и промышленных предприятий, из городов, пароходов, с полей и лугов в океан стекают миллионы тонн яда. Миллионы тонн, которые не испаряются, не разлагаются, а все копятя и копятя. Когда папирусная лодка «Ра-2» в 1970 году пересекала Атлантический океан, мы каждый день видели проплывающие мимо продукты загрязнения. Пятьдесят семь дней длился наш дрейф, и сорок три из них мы наблюдали комья мазута. В 1947 году на плоту «Кон-Тики» я прошел от Перу до Полинезии в совершенно чистой воде. Тогда не было никакого намека на загрязнения, а ведь мы ежедневно проверяли планктонную сеть, которая тащила на лине за кормой плота.

...Какая-то точка на горизонте привлекла мое внимание.

— Лив! — закричал я. — Парус!

— Где? Да! Да! Я тоже вижу!

Поднявшись на большую глыбу, мы смотрели на великолепный белый парус, словно приклеенный к горизонту над полчищами беспокойных барашков. Шхуна. Ближе и ближе. Идет из Таити на Фату-Хиву.

Мы спрыгнули на песок и побежали в пещеру. Схватили камеру, мачете и, не теряя времени, помчались по белому пляжу и дальше по черным глыбам застывшей лавы, по камням у подножия круч.

Мы соскочили с последнего камня на траву в ту самую минуту, когда шхуна бросила якорь в солнечной бухте. На опушке уже стояли все те, кто встречал нас в день нашего приезда: Тиоти, Вилли, Пакееее, Иоане. Они печально улыбались перед разлукой. Да ведь и мы успели к ним привязаться. Нам помогли принести из тайника в лесу тяжелые ящики с камнями и банками и погрузить их в шлюпку. Крепкую, надежную шлюпку.

Как же нам не хотелось уезжать. Не хотелось возвращаться к цивилизации. Но нас влекла сила, которой невозможно было противостоять. Зов муравейника. Мы были

вынуждены покинуть Фату-Хиву. Мы не сомневались, и я по сей день не сомневаюсь, что первозданную природу можно обрести лишь в одном месте. В своей собственной душе. Там она сохраняется в неизменном виде. Человек сумел изменить окружающую его среду, изменить одежду. Люди прибегали к татуировке, к деформации черепа, удлинению ушей, перетягивались в поясе, подпиливали зубы, калечили себе ступни, стремясь улучшить свою внешность. Мужчины бреются и стригутся, женщины красят и завивают волосы, красят лицо, наклеивают искусственные ресницы, но под кожей-то все остается по-прежнему. Мы не можем бежать от самих себя. Да и некуда бежать, остается только вместе созидать прочную культуру, гармонирующую с той естественной средой, которая еще сохранилась. Чего уже не найдешь в диком виде, можно разводить. Природа

— будто огонь, что всегда может вновь разгореться, пока есть хоть несколько угольков.

Будущее для молодежи заключается не в бегстве и не в бездеятельном созерцании того, как другие совершают глупости. Надо бороться, рубить щупальца, которые увлекают нас по ложному пути. Бороться против всемогущего спрута, которого мы сами взрастили. Укрощать его. Освободиться от вредоносных и лишних щупальцев и заставить спрута послушно следовать за нами, вместо того чтобы покоряться его воле.

Со всех концов света раздаются отчаянные голоса мрачных пророков. Ссылаясь на статистику и данные вычислительных машин, они утверждают, что человечество идет к катастрофе. Противники этих пророков, современные Оле-Лукойе, не менее энергично стараются убаюкать массы. Все в порядке, говорят они. Наука все наладит. Простые люди могут спокойно продолжать тарашиться в телевизор.

Все больше молодых людей начинают метаться. Они протестуют, пытаются бежать от действительности. Меняют комфорт на бродяжничество. Прячутся от роскоши за лохмотьями и длинными волосами. Всячески демонстрируют свое презрение к современному миру, уходят от него в наркотики. Мы укоряем их, они укоряют нас. Но мы — родители прошлого, они — родители будущего. У них свежий взгляд, свежая голова, и они пытаются что-то втолковать нам. Втолковать, что мы усложняем жизнь, которую можно организовать намного проще.

Давайте же прислушаемся к ним, раз мы верим в прогресс и в то, что каждое новое поколение умнее предыдущего. Попробуем понять, попробуем найти общий язык с теми, кто неизбежно сменит нас. С теми, кто хочет упростить то, что мы так усложнили. Нам, с нашим опытом, следовало бы понимать, что подлинные ценности не добудешь с помощью войска, не завоеешь с помощью пращи или бомбы, которая способна пятнадцать раз облететь вокруг света и поразить нас заодно с нашими врагами. Подлинные ценности находятся не на земле противника и не в банке. Их не положишь на весы и не увидишь, потому что искать надо позади глаз.

Того, что хранится в душе, отнять нельзя. — Никто не отнимет у меня Фату-Хиву. Возвратившись домой, я издал книгу и закончил ее словами, которые хочу повторить в этой расширенной версии.

Когда мы заняли места в шлюпке и наши полинезийские друзья налегли на весла, я отыскал в заплесневелом чемодане контрольный талон на обратные билеты.

— Знаешь, Лив, — сказал я, — а ведь билета в рай все равно не купишь...

Послесловие

Казалось бы, нет нужды представлять советскому читателю автора этой книги. Тур Хейердал широко известен в нашей стране. Разные издательства не раз и не два издавали и переиздавали его книги. Особенно повезло двум: «Путешествие на „Кон-Тики“» и «АкуАку». А в 1969 г. в Ленинграде вышел в свет сборник научных работ Т. Хейердала «Приключения одной теории». Статьи и интервью Хейердала множество раз помещались и в академических, строго научных, и в научно-популярных журналах, а также в центральных и местных газетах. Широко освещалась в нашей печати и полемика вокруг гипотез и плаваний Тура

Хейердала. Да и сам Хейердал не раз бывал в Советском Союзе, встречался с десятками, даже с сотнями людей: учеными, журналистами, общественными деятелями, читателями. Немало рассказал нам о Туре Хейердале член экипажа „Ра“ и „Ра-2“ Юрий Александрович Сенкевич и в своей книге „На „Ра“ через Атлантику“, и как ведущий телевизионной программы „Клуб кинопутешествий“. Кстати, Ю. Сенкевич вновь отправился с Хейердалом теперь уже в плавание по Индийскому океану.

И все же... нет-нет да и встречаются на страницах наших газет и журналов, даже книг, или соскальзывают к нам с голубого экрана высказанные будто бы походя или в распадае «справедливого гнева» рассуждения о легковесности научной аргументации Тура Хейердала, о том, что его плавания ничего и никому не доказывают, что в изысканиях и экспедициях капитана «Кон-Тики» и «Ра» больше рассчитанного на рекламу авантюризма, нежели строгости научного поиска.

Любопытно, что в наши дни подобные пассажи попадают порой даже там, где никакой необходимости вспоминать о Хейердале, его экспедициях и его научных гипотезах вовсе и нет. Но вот само, хоть и упомянутое всуе, имя Тура Хейердала придает упомянутому и его рассуждениям аромат респектабельности, весомости, значимости.

И в самом деле. Знаменитый норвежский исследователь и путешественник давно уже стал *persona gratissima* в мире второй половины XX века. Вот уже сорок лет — с тех самых пор, когда он, сам юноша, вместе со своей столь же юной женой скрылся от цивилизованного мира в горных долинах острова Фату-Хива, — Хейердал наперекор всем авторитетам доказывает, что заселение архипелагов Южной части Тихого океана и Маркизских островов, куда входит остров Фату-Хива в том числе, шло не только из Азии, но и из Америки. «Американские индейцы в Тихом океане» — так острополюемически назвал молодой Хейердал свою первую большую монографию, с великими трудностями опубликованную в 1952 году, да и то лишь после блистательного рейса на «Кон-Тики». Монографию, тут же подвергшуюся жестокой и пристрастной критике.

Да и как могло быть иначе? Ведь Тур Хейердал осмелился поднять руку на давно уже утвердившуюся в науке и потому ставшую традиционной, общепринятой теорию заселения Полинезии исключительно выходцами из Юго-Восточной Азии, посмел усомниться в доказательности — ни много ни мало — всей(!) совокупности аргументов, академическая корректность которых казалась более чем достаточной.

И конечно же, «еретик» получил сполна! Отринутый тотчас же большинством (!) от «церкви ортодоксальной науки», он не только не утомился, а — надо же! — продолжал с еще большей энергией искать новые и новые доказательства для подкрепления своей еретической гипотезы.

Прошло пятнадцать лет. Пятнадцать лет поисков, борьбы и новых поисков... И вот, подчиняясь неумолимым фактам, значительное большинство (все то же большинство!) ученых, в том числе и завзятые сторонники гипотезы заселения Полинезии только из Азии, нашли необходимым включить американских индейцев в родословную островитян Тихого океана, что и было записано в одном из документов состоявшегося в 1961 г. X Тихоокеанского научного конгресса.

Это не значило, конечно, что споры о прародине и предках полинезийцев затихли, а дискуссия вокруг путей и дат заселения архипелагов Тихого океана мирно завершилась. Просто гипотеза Хейердала была наконец, если можно так сказать, допущена в «высший свет» ортодоксальной науки. Споры продолжались. И продолжают с неослабевающим пылом.

А Хейердалу между тем уже виделись другие горизонты. И волны другого океана влекли его к себе. Это был исконный «внутренний океан» древнескандинавских викингов. Но только ли викингов — вот в чем вопрос! И в 1969, и в 1970 годах Хейердал во главе интернационального экипажа плывет от африканского берега к Америке, дважды пересекает Атлантику на судне, построенном из папирусных связок по древнеегипетским образцам. Рискованный эксперимент и на этот раз завершился успехом.

Оценивая результаты своего нового предприятия, Хейердал пишет: «Мы убедились, что папирус — вполне пригодный материал для строительства лодок, при условии, что лодку строят и управляют ею люди, знающие в этом толк. Следовательно, представители древних культур Средиземноморья вполне могли пересечь океан и доставить ростки цивилизации в далекие края... И мы доказали, — продолжает норвежец, — что люди из разных стран могут сотрудничать для общего блага даже в предельной тесноте и в самых тяжелых условиях, невзирая на цвет кожи и политические и религиозные убеждения. Достаточно уразуметь, что можно большего достичь, помогая друг другу, чем сталкивая друг друга за борт»³¹.

И вновь все уважающие себя ученые, прежде всего, конечно, египтологи и американисты, бросились в бой, «спасая» свою науку от хейердаловской «ереси», суть которой изложена им в первой фразе только что приведенной цитаты.

А вот мысль, высказанная Хейердалом во второй фразе этой же цитаты, прошла мимо ученых умов, во всяком случае не показалась им чем-то имеющим отношение к реконструкции ранних этапов истории человечества. А ведь главный смысл тех же плаваний на «Ра» заключался не в том, что интернациональный экипаж успешно справился с возложенной на него научно-исследовательской задачей и что кратковечный мирок семи-восьми человек, ограниченный к тому же площадью палубы папирусного судна, оказался, как и верил Тур Хейердал, жизнеспособным.

Суть дела лежала гораздо глубже. Своими плаваниями Тур Хейердал снова и снова убеждает нас в том, что все мы — люди — живем на одной очень небольшой по размерам планете. И если мы вопреки всему тому, что нас разъединяет и сталкивает друг с другом, все-таки век за веком, тысячелетие за тысячелетием неуклонно движемся, пусть нередко отступаясь и падая, вперед по пути прогресса, то этим мы обязаны прежде всего совместности наших материальных и духовных усилий, совместности, преодолевающей неизменно разнь.

Во все предшествующие исторические эпохи силы общечеловеческой солидарности и прогресса в конечном счете преодолевали силы зла, реакции, социального и этнического эгоизма. С этой точки зрения история мировой культуры учит нас историческому оптимизму. Тур Хейердал сделал и продолжает делать очень многое, стремясь убедить нас в том, что конструктивные усилия древних были гораздо большими и более результативными, чем мы это до сих пор себе представляли. Что и на более ранних этапах развития мировой культуры взаимодействия между народами, даже весьма отдаленными друг от друга, были явлением не только обычным, но и весьма плодотворным. Что историческое единство человечества формировалось уже задолго до эпохи Великих географических открытий, и не только и не столько железом и кровью, сколько сотрудничеством и взаимопомощью.

И когда ученые-оппоненты Хейердала утверждают, что он своими гипотезами якобы умаляет вклад тех же американских туземцев в мировую культуру, то с этим просто трудно спорить всерьез. И древнеегипетская цивилизация, и древние цивилизации Центральной и Южной Америки, и любая другая цивилизация древнего мира в равной мере были результатом творчества многих народов. И вопрос о прародине тех или иных народов, прямо или косвенно причастных к этому созидательному процессу, — вопрос конкретной эмпирической истории: как было, так и было, тут уж ни отнять, ни прибавить.

Подтвердят или не подтвердят дальнейшие изыскания, что древние жители Средиземноморья причастны к возникновению и развитию древнейших цивилизаций Американского континента, — в любом случае мы узнаем о реальном ходе культурно-исторического процесса много больше, чем знали до сих пор.

А Тур Хейердал, помимо прочего, доказал — теперь мы уже вправе так говорить: доказал, — что океан и в далеком прошлом не только разъединял и обособлял области интенсивной исторической жизни, но нередко, наоборот, способствовал установлению между ними длительных и катализирующих развитие культуры связей, ускоряя тем самым

³¹ Т. Хейердал. Вместо предисловия. В книге Ю. Сенкевича «На „Ра“ через Атлантику», Л., 1973. стр. 4.

поступательное движение мирового культурно-исторического процесса.

Но чтобы признать справедливость и научную плодотворность такой концептуальной исходной позиции Тура Хейердала, многим, очень многим необходимо освободиться от широко распространенного предрассудка, суть которого в следующем. С детских лет, со школьной скамьи нас приучают к мысли о непохожести мира древних цивилизаций на современный мир.

Нас прежде всего знакомят с поражающими воображение результатами многогранной деятельности древних: их дворцовой, храмовой и фортификационной архитектурой, их скульптурой, изобразительным искусством, их философскими трактатами и научными познаниями, сплетенными воедино с фантастическим миром богов и демонов, бесчисленными изделиями их разнообразнейших, зачастую изощренных ремесел — короче, со всем тем, что так разительно отличает мир, в котором жили и умирали древние, от мира, в котором живем мы.

Мир древних цивилизаций для нас — это прежде всего удивительный, особенный, странный мир, мир непохожего. И мы сами, не замечая уже этого, и ученые в том числе, отказываем этому миру в том, что связывает, соединяет, роднит нас и древних, — в мужестве и дерзании, в постоянной неудовлетворенности и стремлении к лучшему, в извечном всегда и везде и во веки веков приоритете мысли, дерзания и дела над суевериями, страхом и довольством животного благополучия. Мы попросту забываем порой о том, что человек только потому и стал человеком, что всегда им был.

Каждый из людей — сперва человек, землянин, а уже потом шумер, ахеец, ольмек, сакс или кривич, норвежец, итальянец, русский, японец, сомалиец или перуанец. Думается, что вот такой планетарный подход в оценке как отдельных людей, так и обществ, в том числе обществ седой древности, присущ Туру Хейердалу. Это и есть то ГЛАВНОЕ, что стоит за миром его исканий и свершений. Тем и мудр Хейердал, что он поверил в общечеловеческие возможности и способности людей древнего мира.

Создание такой принципиально новой исторической модели древнего мира удалось Туру Хейердалу именно потому, что он видит в прошлом прежде всего не экзотические руины, не загадочные письмена и таинственные изваяния, а самих творцов истории и культуры, дерзких, деятельных, предприимчивых и думающих, несмотря на сравнительную простоту и даже примитивность их материальных средств воздействия на природный мир.

Плаванья Хейердала — и прошлые, и будущие — это прежде всего проверка за проверкой новаторской, безусловно прогрессивной и чрезвычайно актуальной в наши дни теоретической установки при реконструкции реалий культурно-исторического процесса в эпоху становления древнейших цивилизаций.

Материалистическая концепция исторического единства человечества, впервые научно обоснованная в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, непрерывно развивается и обогащается, вбирая в себя все лучшее, что накапливает современная мировая наука. Думается, что конкретно-исторические исследования Тура Хейердала не только нисколько не противоречат сложившемуся у марксистов взгляду на конкретный ход мирового культурно-исторического процесса, но, наоборот, вводят в научный оборот ценнейший материал, свидетельствующий в пользу названной концепции.

И чрезвычайно полезно, поучительно и захватывающе интересно вернуться вместе с Туром Хейердалом к тем далеким дням, когда изложенный выше подход к истории культуры у него только-только зарождался. Вернуться вместе с прославленным исследователем спустя четыре десятилетия ко дням его молодости, к его первой встрече с Океанией, с полинезийцами, к его первым юношеским попыткам моделирования культурно-исторических процессов и ситуаций.

Тур Хейердал уже рассказал нам однажды о своем свадебном путешествии на Фату-Хиву. Советский читатель знаком с его книгой «В поисках рая», опубликованной у нас в 1964 г. Новая книга Хейердала отнюдь не расширенная версия старой, как он сам об этом пишет, но возвращение ученого к истокам своего пути в большую науку.

«Фату-Хива» примечательна прежде всего своей многоплановостью. В ткани изложения легко прослеживаются четыре ведущих, проникающих друг в друга мотива: 1) бегство от цивилизации XX века назад к природе, 2) взаимозависимость человека и природы, 3) колониализм в Океании и 4) проблема контактов между народами и взаимодействия их культур в древности и в наши дни.

На каждый из этих мотивов написаны многие десятки, если не сотни книг на многих языках мира. Но книга, где бы все четыре названных мотива были представлены в их органической взаимосвязи, — такая книга, пожалуй, еще не появлялась. И эта взаимосвязь — не умелый прием опытного литератора-полемиста, а отражение пришедшего к человеку второй половины XX века более глубокого понимания окружающей его действительности как нерушимого естественноисторического единства человека и природной среды — единства, целостности, внешне обособленные части которой не могут изменяться независимо друг от друга, но, напротив, изменение одной части сразу же сказывается на целом.

Наивны и обречены на неудачу попытки убежать, скрыться от тягот и угроз цивилизации и потому, что не дает покоя бремя ответственности за судьбы своего общества, общества, из которого ты вышел и от которого ты не в состоянии себя надолго оторвать, и потому, что цивилизация давно уже проникла, просочилась — и отнюдь не всегда в лучших своих проявлениях — в самые глухие, самые отдаленные уголки нашей небольшой планеты. И Тур Хейердал возвращается на родину, в Европу. А когда разразилась вторая мировая война, он принимает на свои плечи частицу общего бремени военной страды.

Интересны и впечатляющи страницы, на которых обсуждается экологическая ситуация на Маркизских островах. Перед нашими глазами один за другим проходят ландшафт за ландшафтом, и мы вместе с героями и автором книги убеждаемся в том, сколь велико воздействие человеческой трудовой деятельности на природу вообще, на природу островов в особенности. Даже тогда, когда человек вооружен лишь каменными орудиями и его общественная организация не выходит за узкие пределы племенной жизни. Тем более сокрушающее воздействие на природу островов оказало вторжение европейских колонизаторов, их непродуманные стихийные попытки изменения растительного и животного мира островов ради наживы и корысти.

Но мир островов — это и мир островитян. И вторжение колонизаторов деформирует и в конечном счете сокрушает и тот, и другой. На страницах книги Тура Хейердала перед нами проходит целая галерея образов европейских колонизаторов-поселенцев, осевших в силу различных причин на берегах Маркизских островов. Это убежденные расисты, всецело посвятившие себя наживе ради наживы, капитаны и тредеры, жалкие в своем духовном убожестве католические и протестантские миссионеры.

Тур Хейердал описывает Маркизы 30-х годов, когда позиции колониализма в Океании казались незыблемыми. Ныне на просторах Южных морей колониализм доживает свои последние дни, и уже пишут свою собственную историю свободные государства — архипелаги полинезийцев и меланезийцев. Но полная история преступлений колонизаторов в Тихом океане еще не написана. Ее еще предстоит написать. И тем, кто возьмется за этот нелегкий труд, понадобится книга Тура Хейердала.

Но ведь история колониализма в Океании, как и в любом другом месте, — это не только история преступлений и разрушений, чинимых колонизаторами в колонизируемом ими мире, это еще конкретно-историческая форма контакта двух столь различных общественных структур, а также их этнических форм, в которых они выступают на исторической арене, их культур, наконец. Полинезийцы, в той или иной степени принявшие культуру европейских колонизаторов, люди, оказавшиеся на рубеже двух культур, как пишут и говорят ученые, описаны автором книги очень выразительно. Но от этих колоритных фигур современной Океании Тур Хейердал переходит к общим размышлениям, раздумьям о природе и следствиях контактов между народами.

Развалины святилищ, каменные платформы-фундаменты истлевших жилищ

исчезнувших поселений, высеченные на поверхности скал лики и изображения каких-то чудищ, затаившиеся в глубине пещер погребения и многие другие останки былого величия культурной и общественной жизни островитян Маркизских островов наводят Хейердала на мысль о возможности межостровных контактов, а может быть, и не только межостровных? Хейердал вместе с больной женой совершает здесь свое первое межостровное путешествие на утлом весельном суденышке. И может быть, именно здесь, среди вздымающихся волн, следя за неустанными усилиями мерно гребущих полинезийцев, юноша, мечтавший скрыться за океаном от цивилизованного мира, вдруг осознал, что океан — дорога! И более того — Великий Путь расселявшихся по Земле народов. Понял — и всю свою дальнейшую жизнь посвятил тому, чтобы убедить в этом своих сухопутно мыслящих современников.

Так в сложном красочном орнаменте четырех мотивов новой книги Тура Хейердала увлекшийся читатель вдруг обнаруживает для себя еще один, как бы исподволь обозначившийся пятый мотив — мотив становления ученого, мотив определения человеком своего главного призвания в жизни. И в этом еще одна примечательная черта «Фату-Хивы».

Новая книга Тура Хейердала увлекательна, поучительна и, что не менее важно, очень современна. К тому же она поможет нам лучше понять внутренний мир и ход рассуждений прогрессивных ученых западноевропейского мира.

В. Бахта

Примечания

1. Маркизские о-ва географически — часть Восточной Полинезии. Общая площадь около 1200 кв. км, наиболее крупные острова: Хива-Оа, Нуку-Хива, Хуа-Пу, Фату-Хива.

В 1842 г французский адмирал Абель Обер Дю Пти-Туар утвердил протекторат Франции над Маркизским архипелагом. С тех пор Маркизские о-ва — колониальное владение Франции.

2. Употребляя здесь и далее термины «король», «королева» по отношению к вождям местных обществ, автор следует давно уже утвердившейся в литературе традиции. Но в данном случае в термины вкладывается совершенно иное содержание. Социальный строй полинезийских обществ был не одинаков на личных архипелагах. Однако повсюду, в том числе, хотя в меньшей степени, и на Маркизских о-вах, классовое образование ко времени вторжения туда европейцев зашло уже достаточно далеко и выделившаяся родоплеменная знать и культурно, и социально обособилась от основной массы рядовых общинников. Захватив господствующие позиции в обществе, родоплеменная аристократия уже выделила из своей среды наследственных верховных вождей, обладавших значительной и нередко деспотичной по форме властью.

Этих-то верховных вождей и называют обычно — с легкой руки первых европейских мореплавателей и путешественников — «королями» и «королевами» полинезийских обществ.

3. Здесь и далее в тексте автор не раз возвращается к теме людоедства (каннибализма) на Маркизских о-вах. По имеющимся данным, каннибализм действительно был на Маркизах укоренившимся военным обычаем. Впрочем, нужно иметь в виду, что славой кровожадных каннибалов обитатели Маркизских о-вов обязаны не столько этому не так-то уж и распространенному обычаю, сколько необузданной фантазии европейских моряков. Следует также помнить, что почти все народы, переживая определенный этап исторического развития (этап так называемой военной демократии), практикуют или, вернее, практиковали в далеком прошлом ритуальное людоедство. Этот обычай был связан с поверьем, будто человек, съевший мясо убитого врага, воспринимает его силу, ловкость, быстроту, ум, хитрость и прочие полезные качества.

4. Нет никаких оснований считать, что биологические закономерности определяют хоть в какой-то мере развитие и содержание социально-экономических процессов в человеческом обществе. Беседа между автором и женой, о которой сейчас идет речь, происходила задолго

до наших дней и ведется молодыми людьми, не имеющими представления о материалистической концепции социально-исторического процесса.

5. Христианизация архипелагов Полинезии — одна из самых трагических страниц в истории коренных народов Южной части Тихого океана. Прибывая первыми и первыми из европейцев внедряясь в туземную среду, миссионеры христианской церкви всячески способствовали разрушению традиционных форм материальной и духовной культуры островитян. В большинстве своем миссионеры были к тому же ограниченными, малограмотными и фанатично настроенными мракобесами.

Несомненно, конечно, что среди миссионеров было немало людей, искренне верующих, людей мужественных, бескорыстных, даже жертвенных, посвящавших всю свою жизнь делу «спасения» язычников от адского пламени. Многие из миссионеров преуспели в распространении среди туземцев новых сельскохозяйственных культур, домашних животных, железных орудий труда и т. п. Из числа миссионеров, долгими годами, а то и десятилетиями живших среди своей новообращенной паствы, вышли и выдающиеся ученые: этнографы и лингвисты. Именно миссионеры составили первые словари и грамматики полинезийских языков и диалектов, записали циклы полинезийских мифов и исторических преданий — генеалогий, сделали первые переводы европейских текстов на полинезийские языки. Им же, кстати, принадлежит и разработка латинизированных алфавитов для бесписьменных полинезийских языков.

Однако существо миссионерской деятельности в Полинезии, как, впрочем, и повсюду, куда проникали миссии, определялось не личными качествами христианских проповедников, а тем, что миссионеры были — осознавали они это или нет — разведчиками и проводниками колониальной политики капиталистических держав: Англии, Франции, США и других 6. Верно обличая ханжеское, буржуазное по сути дела, толкование прогресса, автор в пылу полемики готов отказать понятию «прогресс» в каком бы то ни было объективном содержании. Однако прогресс — объективно существующая и имманентно присущая культурно-историческому процессу тенденция, которая пробивает себе дорогу вопреки всем препятствиям и противоречиям конкретной истории: из века в век, от тысячелетия к тысячелетию накапливается и обогащается сокровищница мировой культуры, совершенствуются общественные отношения, растет и ширится сотрудничество между народами, силы единения неизменно преодолевают недоверие, обособленность, рознь, вражду. Выявленный В. И. Лениным глобальный процесс интернационализации мировой культуры набирает все большую и большую силу и скорость, формируя фундамент единой, всечеловеческой культуры. Справедливости ради следует заметить, что в других местах этой книги автор приближается именно к такой точке зрения.